

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. АХМАДА ДОНИША

Б188
1021

Н. М. АКРАМОВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ
ВОСТОКОВЕД
В. В. БАРТОЛЬД

Научно-биографический очерк

Под редакцией кандидата исторических наук
Б. А. Литвинского

Скан и обработка
Хоттабыч

ДУШАНБЕ — 1963 г.

ГПИБ
ОБМЕН. ФОНД

АКАДЕМИЯИ ФАНҶОИ РСС ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАҶРИХИ ба номи АҲМАДИ ДОНИШ

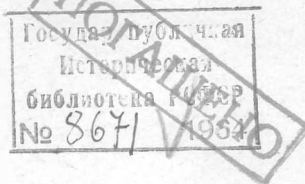
Н. М. АКРАМОВ

ШАРҚШИНОСИ БАРҚАСТАИ РУС В. В. БАРТОЛЬД

Очерки илмию тарҷимаиҳолӣ

Дар зери таҳрири номзади фанҳон таърих

Б. А. Литвинский

ГПИБ России
Разрешено к продаже
акт № 1260101
27 02 2020.

В. В. Бартольд (1869—1930 гг.)

ДУШАНБЕ—1963 с.

ВВЕДЕНИЕ

Дореволюционное русское востоковедение прошло длинный и сложный путь развития, полный великолепных открытий и замечательных достижений, а вместе с тем, неизбежных ошибок, неудач и разочарований. Лучшие традиции дореволюционного русского востоковедения получили дальнейшее развитие в нашей советской науке. Говоря об истории развития советского востоковедения, академик В. В. Струве писал: «Мы с благодарностью вспомним, что являемся наследниками славного русского востоковедения, установившего большое количество новых, надежно доказанных фактов в области восточной филологии и истории».¹

Успехи русского востоковедения тем более разительны, что они имели место в обстановке, когда царское правительство угнетало народы восточных окраин Российской империи и считало, что изучать «инородческую» культуру и охранять ее памятники не только не полезно, но и вредно.²

Русские ученые-востоковеды дореволюционного времени в своих многочисленных работах значительно расширили фонд сведений мировой науки в области истории, истории культуры, этнографии и географии Средней Азии. В противоположность многим западным востоковедам, которые стремились замолчать или даже принизить историческую роль народов Средней Азии, русские востоковеды своими научными исследованиями доказали, что народы Средней Азии являются творцами и обладателями огромных культурных ценностей, которые вошли в сокровищницу мировой науки.

Характеризуя специфические черты дореволюционной русской науки в области востоковедения, советский историк-востоковед писал, что «одной из таких черт была ее аполитичность... Другой ее чертой является исключительное внимание к источникам (которых привлекается неизмеримо большее количество, чем в предыдущий период), глубокая их критика, критика исторических известий и умение извлекать из них достоверные сведения. В этой области русская наука нередко превосходила достижения науки западноевропейской.

Причина этого явления заключается в особенностях социально-экономического развития России... На Западе капитализм перерастает в свою последнюю империалистическую стадию ко второй половине XIX в. в России этот переход происходит позднее. Буржуазная наука Запады отразила изменения внутри своего класса, что сказалося в появлении порочных методов исследования, возникших в других областях истории». В России же на рубеже XIX—XX вв. востоковедение «...еще не успело ощутить на себе всей силы влияния империализма, заинтересованного в извращении истории...»³.

У русского востоковедения конца XIX—начала XX вв. были сильные прогрессивные тенденции. Нужно отметить, что некоторые представители дореволюционного буржуазного русского востоковедения—прежде всего В. В. Бартольд—проявляли большой интерес к проблемам не только политической и религиозной, но и социально-экономической истории народов Средней Азии.⁴ Говоря о научной деятельности академика В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовский писал: «Как бы ни ограничивал он (В. В. Бартольд.—Н. А.) себя узкой политической тематикой в силу малой разработанности предмета, он никогда не оставлял без внимания вопросы социально-экономической жизни. Работы В. В. Бартольда, затрагивающие социально-политическую тематику, в той или иной мере проникнуты концепцией классовоы борьбы».⁵

В. В. Бартольд еще в 1896 г. писал, что «задачей историка является выяснение не только политической истории, но всего строя жизни народов в различные периоды их исторической жизни», ибо «ход исторической жизни определяется преимущественно, хотя и не исключительно, экономическими условиями». Он говорил, что в работах историков должны быть отражены «ход развития земледелия, промышленности и торговли».⁶

В лице В. В. Бартольда мы имеем историка Средней Азии, у которого явно обнаруживается тяготение к проблемам социальной истории. В стремлении его ставить конкретные исторические «факты в связь с окружающей средой, в признании им положения, что физико-географические факторы оказывали влияние на судьбы народов Востока» «в зависимости от хода исторической эволюции» и в наибольшей мере лишь на ранних стадиях развития человеческого общества, в убеждении, что без полноценной истории Востока невозможно познать историю человечества и закономерность его развития, в понимании неоспоримого влияния культуры народов Востока на европейскую культуру древних и средних

веков, в отрицательном отношении к расовой теории»⁷ — в этом прогрессивная для своего времени и ряде случаев не утратившая значение до сих пор роль исторической концепции В. В. Бартольда.

По словам В. А. Ромодина, «В. В. Бартольд был один из выдающихся востоковедов старшего поколения, отдавших свои знания советской науке. Его разносторонняя научная деятельность, начатая еще в конце прошлого века, связывает советское востоковедение с русским дореволюционным. Поэтому вопрос об отношении В. В. Бартольда к предшествующей научной традиции, о месте его в истории наук имеет важное значение для истории русского и советского востоковедения и, прежде всего, для изучения прошлого Средней Азии».⁸

Характеризуя заслуги ученого, академик И. Ю. Крачковский называл В. В. Бартольда таким ученым, имя которого никогда не будет забыто «в истории нашей культуры, в истории мировой науки». В работах В. В. Бартольда каждый востоковед «еще долго будет черпать не только отдельные тонкие наблюдения над исторической жизнью арабов или ислама, но найдет и широкие обобщающие картины всей линии развития в его научно-популярных книгах — результате очень длительной и вдумчивой работы,— которые до сих пор не заменены более новыми того же достоинства».⁹ Хотя это высказывание непосредственно относится к истории арабов, оно в полной мере применимо и к истории народов, живших на территории Средней Азии. Как говорит профессор И. И. Умняков, «собранный в трудах В. В. Бартольда богатый исторический материал дал возможность в деле изучения прошлого Средней Азии перейти от экстенсивных исследований и широких обобщений к подробному и тщательному изучению отдельных вопросов туркестановедения».¹⁰

Так как до сих пор в научной литературе отсутствует монографическое исследование жизни и деятельности В. В. Бартольда, мы попытались в данной работе дать краткий научно-биографический очерк, который и в силу своего объема и, главное, в связи со сложностью разработки биографии В. В. Бартольда отнюдь не претендует на полноту.

Автор хочет особо подчеркнуть, что предлагаемая читателю книга является первой частью задуманной им работы «В. В. Бартольд и его вклад в изучение раннесредневековой истории народов Средней Азии». В последующем предполагается специально рассмотреть вопрос об исторической концепции В. В. Бартольда в его трудах, связанных с историей народов Средней Азии. Именно там будет конкрет-

но рассмотрено решение В. В. Бартольдом ряда важнейших исторических проблем, показаны его успехи в этом направлении, а вместе с тем — их ограниченный характер, связанный с тем, что В. В. Бартольд был буржуазным ученым и так и не смог стать марксистом. Разумеется, и в настоящей работе автор касается всех этих вопросов, но более кратко, в связи с освещением биографии В. В. Бартольда.

Нужно особо подчеркнуть, что хотя заслуги В. В. Бартольда перед отечественной и мировой наукой очень велики, о чем в настоящей работе говорится очень подробно, было бы совершенно неверно идеализировать В. В. Бартольда, его научные и политические взгляды. Совершенно ясно, и это не следует затушевывать, что он был буржуазным ученым и не смог стать до конца своей жизни на позицию материалистического понимания истории.

В результате изучения наследия В. В. Бартольда автор пришел к убеждению, что исторические концепции ученого типичны для русских историков буржуазно-либерального направления. Архивные материалы (особенно его переписка со своими коллегами и друзьями, прежде всего с Н. П. Остроумовым) ярко свидетельствуют о том, что В. В. Бартольд по своим политическим взглядам примыкал к буржуазным либералам. Как всякий буржуазный либерал, он вначале выражал недовольство крайностями политики царизма, особенно его национальной политикой, политикой в области науки (примеры таких оппозиционных высказываний В. В. Бартольда приведены в тексте). Однако в дальнейшем, по мере углубления революционного движения В. В. Бартольд все больше пугался массового рабочего движения, нарастания революционной борьбы. При этом он хотел прекращения революционных выступлений, все больше уповал на царское правительство и его органы. Так, например, в письмах В. В. Бартольда, адресованных Н. П. Остроумову после революционных событий 1905 г., все резче стали звучать нотки недовольства революционными событиями. Он их рассматривает как «ужасные», боится «бессмысленной кровавой развязки». Он возлагает надежды на Государственную думу.

Как всякий буржуазный либерал, В. В. Бартольд был, безусловно, поборником мирного, постепенного, строго «легального» развития и решительным противником революционного движения и революционного слома самодержавного строя. По этому поводу нельзя не привести замечательные слова В. И. Ленина, написанные в 1909 г.: «...либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс, ибо без вовлечения масс она только

служила своекорыстным целям либерализма, она только помогала верхам либеральной буржуазии пододвинуться к власти. Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять свои задачи, отстаивать свои интересы».¹¹

Позже, в 1917 г., В. В. Бартольд сочувственно отнесся к февральской буржуазно-демократической революции. В мае 1917 г. он написал Н. П. Остроумову: «Вообще я несколько завидую тем, кто теперь родился на свет, в том числе внуку Н. Я. Марра: он, если проживет, увидит и хорошие результаты, нам придется испытать только неприятности переходной эпохи».¹²

Показательно, что после того как победила Великая Октябрьская социалистическая революция и вся власть перешла в руки народа, для В. В. Бартольда все дальнейшее стало, говоря его словами, «мрачным и непонятым».

Все вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что сколько бы ни пытался В. В. Бартольд уверить самого себя в возможности вести научную работу нейтрально, вне политики, но это был, конечно, самообман. События окружающей его кипучей жизни, конечно, живо интересовали ученого и оставили свой отпечаток на его мировоззрении.

Как правильно отметил близко знавший В. В. Бартольда академик С. Ф. Ольденбург, «всей своей жизнью В. В. Бартольд доказал, что он был, конечно, не только кабинетный ученый, но и глубоко сознательный общественный работник».¹³

В отношении мировоззрения этого востоковеда нельзя не согласиться с Н. А. Смирновым, который писал о В. Р. Розене, В. В. Бартольде, В. А. Жуковском, Н. А. Медникове, А. Е. Крымском и др., что «это были ученые, разделявшие философские и исторические концепции, типичные для либеральных буржуазных историков-идеалистов».

В их трудах прежде всего бросается в глаза непонимание объективной закономерности исторического процесса, представление о государстве как надклассовой силе, полное игнорирование положения народных масс и классовой борьбы, неправильное представление о роли ислама и религиозных деятелей в истории восточных народов».¹⁴

Как известно, В. И. Ленин указывал, что буржуазные ученые, ни единому слову которых нельзя верить, когда речь заходит о философии, способны «давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики...».¹⁵

Вообще, если свести воедино высказывания В. В. Бартольда, характеризующие его историческую концепцию, и, в част-

ности, проанализировать две первые «теоретические» главы в его «Изучении Востока в Европе и России», мы получим четкое представление о том, что она была эклектической. В самом деле, в его работах не раз встречается указание на перво-степенное значение экономики для развития общества. Вместе с тем, это положение остается декларативным, ибо фактически в своих работах, за немногим исключением, при изложении событий ученый концентрирует внимание на изложении политической, отчасти культурной истории. Ни малейшего понимания истории общества как смены социально-экономических формаций, развития производительных сил и способа производства в трудах В. В. Бартольда нет. Более того, для него типично, например, такое положение: «...ход истории древнего Востока в такой же степени, как ход истории Европы, определялся влиянием одного народа на другой и распространением культуры одного или нескольких передовых народов на все более обширный географический район».¹⁶ Здесь, следовательно, ученый пытается доказать, вопреки предыдущему своему положению, что определяющим являлось развитие культуры и культурные влияния.

Нужно отметить, что В. В. Бартольд в некоторых своих работах (особенно в пробной лекции на тему «Образование империи Чингиз-хана» и «Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов») понимал классовую борьбу намного глубже, чем современные ему востоковеды. Так, например, говоря о сложении частной собственности у охотников тюрков, В. В. Бартольд пишет: «Это имущество в эпоху охотничьего быта не может быть значительным; только в эпоху кочевого быта принимает значительные размеры имущественное неравенство, и появляется классовая борьба в ее первоначальном виде, в виде борьбы между имущими и неимущими; под влиянием, вероятно, классовой борьбы создается правительственная власть, военное и политическое могущество». И далее, «без момента обострения классовой борьбы даже в условиях кочевого быта нет почвы для возникновения сильной правительственной власти».¹⁷ Конечно, ему, как буржуазному ученому, осталось не понятно главное, а именно, что классовая борьба является движущей силой развития общества. С другой стороны, его утверждение, что «...под знаменем религиозной идеи и на Востоке, как в Европе, нередко происходили движения, в действительности вызванные сословными, экономическими и политическими интересами»,¹⁸ приближается к марксистскому пониманию. Однако социальных корней религии и ее реакционной роли В. В. Бартольд также не понимал.

На сложение исторических взглядов В. В. Бартольда определенное влияние оказал позитивизм О. Конта, что выразилось, в частности, в том, что В. В. Бартольд весьма пессимистически относился к возможности раскрытия законов истории и др. На прямой вопрос одного из своих слушателей о том, делают историю «герои» или же определяющей является «экономическая почва», В. В. Бартольд в 1924 г., уклоняясь от прямого ответа, сказал: «Вообще трудно дать объяснение для всех случаев: причины бывают различные». Это показывает, что, подобно другому выдающемуся русскому историку В. О. Ключевскому, В. В. Бартольд отдал дань плюралистической теории факторов, эклектической и не научной по своей природе — эта теория была подвергнута уничтожающей критике В. И. Лениным.¹⁹

Как отмечает А. Л. Шапиро, автор обобщающего труда по русской историографии в период империализма, одной из характерных черт исторической науки в это время было усиление тенденций к фактографичности.²⁰ Во многом это высказывание относится и к трудам В. В. Бартольда. С другой стороны, именно в собранных им бесчисленных конкретных материалах, а отнюдь не в его общесторических высказываниях, которые занимают очень скромное место в его основных трудах, заключается ценность научного наследия этого востоковеда.

Говоря о послереволюционной жизни и деятельности В. В. Бартольда, подчеркнем, что хотя он оставался на своих прежних идеалистических позициях, но продолжал упорно работать над важными научными темами. По словам Н. А. Смирнова, «хотя целых двенадцать лет жизни Бартольда прошли при советском строе, в течение которых он честно и самоотверженно работал как ученый, создав ряд очерков по древней истории многих восточных народов Советского Союза, все же по своему мировоззрению он был и оставался ученым буржуазной востоковедческой школы. Он так и не смог подняться до понимания значения классов и классовой борьбы в общественном развитии. Вот почему его труды, написанные после Великой Октябрьской социалистической революции, не носят следов существенных изменений во взглядах по сравнению с его дореволюционными исследованиями. Правда, после 1917 г. он старался уделять больше внимания общественным вопро-

сам—экономическим, политическим и религиозным, но разобратся в них до конца он так и не смог».²¹

Лишь советская историческая наука, владеющая таким верным компасом, как марксизм-ленинизм, дала глубокое и всестороннее подлинно научное объяснение исторического процесса народов СССР. Но колоссальные успехи советской исторической науки были бы невозможны, если бы она не воспользовалась трудами своих предшественников, особенно В. В. Бартольда.

Нужно подчеркнуть, что несмотря на все пороки мировоззрения В. В. Бартольда, совершенно очевидно, что его труды выгодно отличаются от трудов его современников — историков Востока. Богатство и разнообразие привлекаемого материала и первоисточников, тщательная проверка отдельных фактов, событий, хронологических дат, собственных имен и географических названий, равно как и восточных терминов, умелое использование языковых данных и приемов текстологического анализа — все это дает возможность при соответствующем подходе к трудам В. В. Бартольда использовать большинство из них и в наше время.²²

Большинство трудов В. В. Бартольда в части описания исторических событий (если отбросить их теоретическое осмысление) не утратило своего научного значения до сих пор. Они остаются важнейшими пособиями для всякого изучающего средневековую историю народов Средней Азии. Именно поэтому в настоящий момент Издательство восточной литературы при Институте народов Азии АН СССР приступило к выпуску собрания сочинений академика В. В. Бартольда в девяти томах, включающих в себя около 550 монографий, статей и рецензий, сохранивших свое научное значение до наших дней.

Советские историки, откликаясь на решения XX—XXII съездов КПСС, говорили: «Нас упрекают в том, что мы не ценим лучших представителей дореволюционной исторической науки. Но ведь это неправда! Только в советское время впервые увидел свет ряд трудов ...В. О. Ключевского (увидели свет и труды В. В. Бартольда.—Н. А.), которые не были опубликованы при царизме. Мы берем у Ключевского и других буржуазных историков то ценное, что у них есть. Но мы смотрим вперед, а не назад и боремся за принципиально новую историческую науку, которая не может развиваться

путем латания ветхих концепций буржуазной историографии. Она может развиваться, лишь устраняя на своем пути все реакционное, все мешающее движению вперед, лишь ведя наступление на буржуазную идеологию». Как справедливо указывает один из крупнейших советских востоковедов А. Н. Кононов, «избирая новый путь, нельзя забывать путь пройденный, дабы не оставить без должного внимания то хорошее и полезное, что было в прошлом, и не повторить того, что было в прошлом плохого и ненужного».²³

При написании данной работы мы руководствовались высказываниями В. И. Ленина об отношении к научному наследию, оставленному буржуазными учеными. Эти высказывания В. И. Ленина, иной раз довольно краткие, но несравненные по глубине мысли и чеканной ясности содержащихся в них характеристик, дали нам возможность подойти к изучению вопроса об отношении к научному наследию В. В. Бартольда и его роли в востоковедческой науке.

В. И. Ленин, говоря об отношении к научному наследию, оставленному буржуазными учеными, неоднократно указывает: «Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков) — и *уметь* отсеять их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться со *всей линией* враждебных нам сил и классов».²⁴

К числу важнейших высказываний об отношении Коммунистической партии к старой интеллигенции относится выступление Н. С. Хрущева на собрании Академии наук Венгерской Народной Республики.

Н. С. Хрущев в своем выступлении не только глубоко раскрыл содержание политики Коммунистической партии по отношению к старой интеллигенции, но и подчеркнул роль старой интеллигенции в создании поколения новой социалистической интеллигенции. «Мы, коммунисты,— говорит Н. С. Хрущев,— ценим и старую интеллигенцию, потому что без нее нельзя создать поколение новой интеллигенции».²⁵

Источниками данной работы явились, прежде всего, многочисленные материалы, хранящиеся в архивах Академии наук СССР (г. Ленинград), в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда, Государственном историческом архиве Ленинградской области, в архиве Ленинградского государственного университета, в Центральном государственном историческом архиве Казахской ССР, в Центральном государственном историческом архиве Узбекской ССР и ча-

стично в библиотеке Института востоковедения АН Узбекской ССР.

В этих архивах, особенно в архиве АН СССР, имеются многочисленные ценнейшие материалы по научной биографии В. В. Бартольда и ряд неопубликованных работ, оригиналы напечатанных трудов, деловые бумаги, многочисленные письма видных ученых — В. Р. Розена, С. Ф. Ольденбурга, Н. Я. Марра, В. А. Жуковского, И. Ю. Крачковского и ряда других, ответные письма В. В. Бартольда.²⁶

В качестве источников также использованы краткая автобиография В. В. Бартольда, опубликованная в журнале «Огонек» за 1927 г., № 40 (236), и краткие сведения, содержащиеся в «Материалах для биографического словаря действительных членов Академии наук», ч. 1, № 7, 1915. Важнейшими первоисточниками являются многочисленные научные труды В. В. Бартольда, печатные отчеты о его научных командировках и экспедициях. Отдельные, порой весьма ценные сведения о жизни и научной деятельности В. В. Бартольда были извлечены из научной прессы 90-х гг. XIX в.— 20-х XX в., а также из официальных отчетных материалов, опубликованных учреждениями, где работал В. В. Бартольд.

В настоящей работе автор использовал материалы бесед с людьми, близко знавшими В. В. Бартольда и работавшими вместе с ним — покойным академиком И. А. Орбели и профессором Л. В. Ошаниным, доктором наук проф. И. А. Райковой, Н. Н. Ошаниной и Н. П. Архангельским.²⁷

После смерти В. В. Бартольда (1930 г.) было опубликовано несколько некрологов, написанных нашими крупнейшими востоковедами, близко и хорошо его знавшими. Большой интерес представляют фактические данные, содержащиеся в этих некрологах. Нельзя не учитывать и сформулированные этими исследователями оценки деятельности В. В. Бартольда. Так, некролог, написанный академиком С. Ф. Ольденбургом,²⁸ начинается следующими словами: «Наука понесла тягчайшую потерю — скончался Василий Владимирович Бартольд. Советская наука потеряла особенно много, потому что молодая смена исследователей Средней Азии осталась без руководителя, который своими поразительными знаниями, глубиной и основательностью методов работы был совершенно исключительным учителем».²⁹ Далее в статье говорится о громадной исследовательской работе В. В. Бартольда в области истории народов Средней Азии, а также его участия в организационной и общественно-научной работе по востоковедению. Статья заканчивается следующей оценкой жизни и деятельности ученого: «Исключительно

богата содержанием была жизнь Василия Владимировича Бартольда, одного из крупнейших наших востоковедов и без сравнения крупнейшего исследователя Средней Азии, — это была жизнь неутомимого работника и достойнейшего человека».³⁰

Интересные данные о жизни и деятельности В. В. Бартольда содержатся в статье-некрологе академика Н. Я. Марра³¹, который писал, что многие «историки, с научными построениями которых он не ладил, — ныне за пределами Союза, он сам остался среди нас не в инерции, а как рабочая сила, имевшая в стихийно намечавшейся подоснове своих изысканий приближение к современной философии».³² Кроме того, дана характеристика отношения В. В. Бартольда к новым советским кадрам, от которых зависела дальнейшая судьба изучения истории народов Средней Азии. Н. Я. Марр упоминает, что «новая аудитория из масс его не спугнула, он перенес к ней отношение к старой аудитории. Ученики, в том числе и партийцы, ближе узнав его, привязывались».³³

Кроме того, по словам Н. Я. Марра, В. В. Бартольд вел «жестокую контратаку» против расовой теории. Характеризуя научные заслуги академика, Н. Я. Марр приходит к заключению, что В. В. Бартольд был «не меньший историк Запада, чем историк Востока».³⁴

Столь же большой интерес представляет некролог, написанный академиком И. Ю. Крачковским.³⁵

Более специальным по своему характеру является некролог, написанный крупнейшим советским нумизматом-востоковедом Р. Фасмером, посвященный характеристике В. В. Бартольда как нумизмата. В данной связи для нас представляют интерес слова Фасмера о В. В. Бартольде: «Его исключительные заслуги в изучении истории Востока, особенно Средней Азии, получили мировую известность».³⁶

Автор считает уместным упомянуть также высказывания крупного французского сиолога П. Пельо, писавшего в некрологе о Бартольде: «Никто не может сейчас занять место, оставленное этим великим ученым». Следует также привести слова известного востоковеда В. Минорского, характеризующие отношение В. В. Бартольда к начинающим ученым: «...по работе он (В. В. Бартольд.—Н. А.) был умелый верный друг и был первым, одобряющим талант и инициативу».³⁷

Одной из наиболее важных работ, посвященных характеристике научных взглядов В. В. Бартольда, является статья одного из бартольдовских учеников, члена-корреспондента АН СССР, действительного члена АН Тадж. ССР Александра Юрьевича Якубовского «Проблема социальной истории наро-

дов Востока в трудах академика В. В. Бартольда».³⁸ Автор, характеризуя мировоззрение В. В. Бартольда, исходит из положения, что он не был марксистом, как и подавляющее большинство его современников — ученых-историков конца XIX и начала XX вв. Вместе с тем, А. Ю. Якубовский особо подчеркивает, что В. В. Бартольд одинаково относился ко всем народам мира, белым и черным, народам Запада и Востока. В этой связи не безынтересно привести следующие прогрессивные слова В. В. Бартольда, написанные в разгар первой империалистической войны: «Все-таки в жизни очень много хорошего, которое остается всегда, тогда как самоистребление и проч. пройдет же когда-нибудь. Человеческая культура еще далеко не сказала своего последнего слова, а скажет ли его белая, желтая или черная раса, это в сущности все равно».³⁹

В работе А. Ю. Якубовского показано, что Бартольд «придавал огромное значение внутренним процессам развития производительных сил, однако, не будучи марксистом, не имел здесь ни четких взглядов, ни, тем более, стройной концепции... в этом лежит причина переоценки фактора культурных влияний, которые так характерны для всей деятельности его как ученого-историка».⁴⁰ Далее автор характеризует значение трудов Бартольда, затрагивающих социально-политическую тематику. Они, как указывает А. Ю. Якубовский, в той или иной мере проникнуты концепцией классовой борьбы. Значительная часть статьи А. Ю. Якубовского посвящена периодизации истории Средней Азии и Ирана в трудах Бартольда. В работе приведены и факты, относящиеся к биографии ученого.

Многочисленные драгоценные данные для бартольдовской биографии имеются в работах другого ученика В. В. Бартольда — профессора И. И. Умнякова.

В 1926 г. И. И. Умняков написал исследование под названием «В. В. Бартольд. По поводу 30-летия профессорской деятельности»,⁴¹ в котором подробно характеризует напечатанные (до 1925 г.) работы В. В. Бартольда. Наряду с этим, здесь собраны многочисленные факты, касающиеся научной биографии В. В. Бартольда.

Статья И. И. Умнякова снабжена великолепным справочным аппаратом. Она проникнута духом величайшего уважения к В. В. Бартольду. Эта лучшая и наиболее подробная научная биография ученого. Однако, в связи с ограниченностью объема, И. И. Умняков не имел возможности детально осветить все стороны биографии В. В. Бартольда, он также не мог привлечь материалы из личного архива.

При написании данной работы мы во многом опирались на названную статью И. И. Умнякова. Чрезвычайно ценным явля-

ется также выступление профессора И. И. Умнякова на расширенном заседании Отделения гуманитарных наук Академии наук Узбекской ССР,⁴² где дана справедливая оценка научному наследию В. В. Бартольда, а также его роли в советском востоковедении.

И. И. Умняков на первой Всесоюзной конференции востоковедов, состоявшейся в 1957 г. в г. Ташкенте, выступил с докладом на тему: «Значение трудов акад. В. В. Бартольда в истории Средней Азии».⁴³ В этом выступлении показано, как велико, разнообразно и поучительно научное наследие этого крупнейшего русского историка-востоковеда.

Характеристике научной деятельности В. В. Бартольда или ее отдельных сторон посвятили специальные работы И. Ю. Крачковский, А. Н. Бернштам, В. А. Крачковская.⁴⁴

При написании данной работы были использованы также материалы Б. В. Лунина, собравшего факты, показывающие роль В. В. Бартольда в развитии дореволюционной археологии Средней Азии. Работа Б. В. Лунина о Туркестанском кружке любителей археологии, наряду с работой И. И. Умнякова, является одним из руководящих трудов по этой теме.

Другой работой, посвященной В. В. Бартольду, является очерк М. Достоевского «В. В. Бартольд. Опыт характеристики», опубликованный в немецком журнале «Мир Ислама».⁴⁵ В предисловии к этому очерку издатель журнала профессор Кампфейер предупреждает читателя, что очерк написан не специалистом-востоковедом, а писателем. По словам автора предисловия, очерк основывается на работе И. И. Умнякова, но по сравнению с ней значительно пополнен и просмотрен И. Ю. Крачковским. Последнее обстоятельство имеет особое значение. Вообще же, за исключением некоторых деталей, внесенных, по-видимому, И. Ю. Крачковским, очерк М. Достоевского не содержит новых данных по сравнению с работой И. И. Умнякова. Вместе с тем публикация очерка М. Достоевского имела положительное значение в том отношении, что он ознакомил широкие круги западных ученых со многими фактами научной биографии выдающегося русского востоковеда. Полезной является также библиография трудов В. В. Бартольда, составленная Т. Менцелем,⁴⁶ хотя она далеко не полная. С большим уважением (хотя и предельно кратко) деятельность В. В. Бартольда освещена в изданном в Германской Демократической Республике труде И. Фюка, посвященном истории арабистики в Европе.⁴⁷

Краткая биография В. В. Бартольда была опубликована на английском языке В. Минорским.⁴⁸ Имеются другие статьи и заметки, посвященные В. В. Бартольду и его трудам.⁴⁹

Многочисленные работы, общие и специальные, по истории русского и советского востоковедения также, разумеется, были использованы автором (ссылки на них даны в тексте).

Из доступных автору неопубликованных трудов, характеризующих жизнь и деятельность Бартольда, следует отметить рукопись И. Ю. Крачковского и Г. Г. Гульбина, под названием «Биобиблиографический словарь русских и советских арабистов».⁵⁰

Автор считает своим долгом выразить благодарность своему научному руководителю и редактору Б. А. Литвинскому за общее руководство работой и большое число конкретных указаний на разнообразные, в том числе труднодоступные и малоизвестные источники и литературу.

В. В. Бартольд (слева) в годы учебы.

ГОДЫ УЧЕБЫ. НАЧАЛО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. В. Бартольд родился в Петербурге 15 ноября 1869 г. Отец его,⁵¹ уроженец Риги, был биржевым маклером. Его имущество впоследствии перешло по наследству к В. В. Бартольду. В охарактеризованных выше условиях, при равнодушии и даже враждебности царского правительства к развитию востоковедения и мизерности ассигнований на научные работы, полученные по наследству средства позволили В. В. Бартольду получить необходимое образование, что тогда было доступно преимущественно выходцам из богатых слоев населения, а затем целиком отдаться любимому делу. В своей автобиографии он писал об этом следующее: «Средства, собранные отцом и перешедшие по наследству..., позволили мне не отвлекаться от научных занятий ради приискания заработка, не останавливаться перед крупными расходами для пополнения своего образования и для удовлетворения своей любознательности, в том числе перед расходами на путешествия».⁵² Мать В. В. Бартольда была дочерью уроженца Петербурга, владельца банкирской конторы, дед ее был священником при лютеранской церкви и переселился в Россию из Гамбурга.

Е. В. Бартольд получил среднее образование в 8-й (бывшей 5-й) Петербургской гимназии, где кончил курс в 1887 г. с золотой медалью.

Представляют интерес, к сожалению, во многом не расшифрованные слова С. Ф. Ольденбурга о В. В. Бартольде. «Он готовил себя к научной работе со школьной скамьи, это хорошо помнят его гимназические товарищи, это знают те, кто следил за его работой в Университете».⁵³

Автор данной работы в архиве АН СССР обнаружил «Тетрадь для латинского языка ученика VII класса В. Бартольда. 1886 г.».⁵⁴ В конце ее имеется конспект по истории монголов, не только подтверждающий достоверность сообщения, что он действительно «готовил себя к научной работе со школьной скамьи», но и показывающий, что В. В. Бартольд уже в гимназические годы серьезно интересовался историей Востока.

После окончания гимназии молодой Бартольд поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков, на арабско-персидско-турецко-татарский разряд.⁵⁵

Учебный план факультета включал изучение следующих предметов:

1) Арабский язык (в течение восьми семестров), преподавал ординарный профессор В. Р. Розен.⁵⁶

2) История арабской литературы (на восьмом семестре), преподавал ординарный профессор В. Р. Розен.

3) Персидский язык (в течение последних семи семестров), преподавал доцент В. А. Жуковский.

4) История персидской литературы (на восьмом семестре), преподавал ординарный профессор К. П. Патканов.

5) Турецко-татарский язык (в течение последних четырех семестров), преподавал ординарный профессор И. Н. Березин.

6) Обзор турецких племен (в течение последних двух семестров), преподавал ординарный профессор И. Н. Березин.

7) Османское наречие (в течение последних шести семестров), преподавал ординарный профессор В. Д. Смирнов.

8) Обзор османской литературы в главнейших ее представителях (в течение последних двух семестров), преподавал ординарный профессор В. Д. Смирнов.

9) Практические занятия арабским языком (в течение последних шести семестров), провел лектор Ф. Сарруф.

10) Практические занятия персидским и татарским языком (в течение последних четырех семестров), проводили лектор Мирза-Джафар и доцент С. И. Черняев.

11) История Востока, общий курс (в течение первых четырех семестров), преподавал экстраординарный профессор Н. И. Веселовский.

12) Новая история Персии, специальный курс (в течение последних четырех семестров), преподавал ординарный профессор К. П. Патканов.

13) История Турции, специальный курс (в течение последних четырех семестров), преподавал профессор Н. И. Веселовский.

14) История Средней Азии, специальный курс (в течение 5 и 6-го семестров),⁵⁷ преподавал профессор Н. И. Веселовский.

О постановке в тот период преподавания на восточном факультете сохранилось авторитетное суждение, принадлежащее крупному русскому востоковеду В. В. Вельяминову-Зернову, который в 1893 г. являлся председателем испытательной комиссии (говоря современным языком, «государственной экзаменационной комиссии»). По поводу выпускников восточного факультета он писал: «Практические познания молодых людей в языках, вообще говоря, весьма посредственные; при устных испытаниях из языков персидского и турецкого сту-

денты не всегда удачно справлялись с нетрудными текстами, заранее подготовленными; несколько лучше шел экзамен по арабскому языку; видно, что на этот предмет было обращено больше внимания, да и сама программа экзаменных требований по арабской словесности составлена обстоятельнее. Что касается научной подготовки молодых людей, то она довольно слаба. Все работы, как сочинения, представленные при прошениях, так и письменные ответы, состоят из одних переводов легких текстов или вовсе без комментариев, или с примечаниями, заимствованными целиком из общедоступных русских книг, преимущественно из Энциклопедического словаря.

Обнаруженный мною на экзаменах не вполне удовлетворительный уровень знания молодых людей, окончивших курс в университете, представляет явление довольно прискорбное...».⁵⁸

Далее В. В. Вельяминов-Зернов пишет об узком и неправильном методе преподавания истории Средней Азии. Эти замечания Вельяминова-Зернова впоследствии полностью подтвердил и В. В. Бартольд.⁵⁹ Известный востоковед профессор Московского Университета Ф. Е. Корш высказал мнение, что виноваты, очевидно, не столько финансовые трудности, испытываемые факультетом, а, по всей вероятности, недостаток времени и отсутствие общего образования у студентов.⁶⁰

В конечном счете образование студентов во многом зависит от качества преподавания. В. В. Бартольд после окончания университета специализировался на изучении истории Средней Азии. Поэтому чрезвычайно интересно знать, как обстояло дело с преподаванием истории Средней Азии в годы его учебы. Автор в архиве обнаружил программу по истории Средней Азии на 1888 г., которая включает следующие пункты:

«Курс общий: обозрение путешествий европейцев в Азию с древнейших времен до настоящего;

Курс общий: обозрение населения Средней Азии по древнейшим известиям классических и восточных писателей;

Курс специальный для студентов арабско-персидско-турецко-татарского разряда: завоевания арабов в Средней Азии и история государства Средней Азии до появления монголов;

Курс специальный для студентов китайско-маньчжурско-монгольского разряда: история монгольской империи;

Практическое ознакомление с источниками».⁶¹

Кроме того, имеется свидетельство самого В. В. Бартольда. Говоря о преподавании истории Средней Азии, он писал следующее: «Только один профессор Веселовский читал в качестве общего курса историю европейских путешествий по Востоку и несколько курсов по истории Средней Азии и на этом

кончался курс истории Востока».⁶² В другом месте В. В. Бартольд, характеризуя деятельность Николая Ивановича Веселовского, сказал такие горькие слова: «Не владея при поступлении в университет ни одним языком, кроме русского, Николай Иванович не усвоил и восточных языков в той степени, в какой это было необходимо для производства самостоятельных изысканий по первоисточникам»,⁶³ «...в тех случаях, когда ему приходилось издавать и переводить восточные тексты, он обыкновенно обращался к содействию представителей соответствующих лингвистических специальностей».⁶⁴

Эта невозможность пользоваться подлинными источниками не только отразилась на трудах по востоковедению Н. И. Веселовского, но, несомненно, наложила и свой отпечаток на его преподавательскую деятельность. «Молодежь — говоря словами В. В. Бартольда, — всегда относилась к Николаю Ивановичу с полным уважением; но его университетские лекции не принадлежали к числу таких, которыми могут увлекаться студенты».⁶⁵ В другом месте он говорит: «Лекции Николая Ивановича почти исключительно состоят из перечисления массы варварских имен».⁶⁶

В этом, по-видимому, есть некоторый элемент преувеличения. Судя по гектографированным записям лекций Н. И. Веселовского по истории Востока за 1888 г.,⁶⁷ в них содержался довольно подробный обзор истории Востока, и в частности истории Средней Азии. Но этот обзор лишь в небольшой степени опирался на самостоятельное изучение восточных первоисточников — в этом его слабость.

Несмотря на недостатки в постановке преподавания, восточный факультет Петербургского университета являлся крупнейшей в России школой востоковедческих кадров. Талантливые студенты, много занимаясь сами, могли получить неплохое образование. В частности, В. В. Бартольд все больше углублял свои знания в области истории, и именно истории среднеазиатских народов. Об этом свидетельствует написанная им еще на студенческой скамье работа «О христианстве в Средней Азии», которая (на основании рецензии Н. И. Веселовского) была удостоена факультетом в 1889 г. серебряной медали. Будучи через несколько лет опубликованной,⁶⁸ а затем переведенной на немецкий язык,⁶⁹ эта работа и до настоящего времени сохранила научное значение. Рецензент названной работы профессор Н. И. Веселовский, характеризуя ее, писал следующее: «Автор делает свод собранным известиям о христианстве в Средней Азии, приводит их в связь с историей как ее, так и соседних стран. Он перечитал массу сочинений, даже таких, которые имеют очень отдаленное отношение к за-

данной теме, и видно, что читал с толком, отовсюду извлек для себя полезные указания. Особенно хорошо разработан у него донесторианский период христианства в Азии; подробно описана деятельность католических миссионеров. Вообще надо сказать, что автор представил работу добросовестную, отчетливо изложенную, и только небольшие пробелы, вызванные невозможностью воспользоваться некоторыми из указанных источников, воспрепятствовали автору, студенту В. Бартольду, получить высшую награду (золотую медаль), но указанные достоинства вполне заслужили награды серебряной медали».⁷⁰ Говоря о достоинствах названной работы, такие виднейшие ученые, как В. В. Радлов, К. Г. Залеман, С. Ф. Ольденбург и Н. Я. Марр, писали, что появление в печати «О христианстве в Туркестане в домонгольский период», сразу «обратило на себя внимание специалистов».⁷¹

Уже в первые годы университетской учебы В. В. Бартольд проявил себя как человек незаурядных способностей и исключительной трудоспособности.

Будучи студентом, В. В. Бартольд собрал многочисленные выдержки из различных сочинений по истории Средней Азии и Востока вообще.⁷² В. Р. Розен, характеризуя сокурсников В. В. Бартольда, писал следующее: «Все они в течение университетского курса занимались превосходно, но среди них еще с первого курса выделялись своими способностями и усердием П. М. Мелиоранский и В. В. Бартольд. Занимаясь весьма успешно всеми обязательными для них факультетскими предметами, П. М. Мелиоранский и В. В. Бартольд сравнительно очень рано обнаружили, каждый, особую любовь и особый интерес к специальности и уже со второго курса обрисовалось очень ясно, что первый из них будет туркологом, а другой историком Востока».⁷³ По словам профессора И. И. Умнякова, «еще студентом В. В. Бартольд наметил себе определенный круг задач (а именно туркестановедение. — *Н. А.*), рассмотрению которых посвящено большинство его работ, доставивших автору европейскую известность».⁷⁴

Важно отметить, что становление и развитие научной деятельности В. В. Бартольда в университетские годы и впоследствии происходило в основном под влиянием профессора-арабиста В. Р. Розена, о котором сам В. В. Бартольд пишет: «Я в своих университетских занятиях, подобно другим молодым востоковедам того времени, находился больше под руководством профессора-арабиста барона Розена. Талантливый и энергичный, он привлекал к себе начинающих востоковедов». «Под влиянием Розена, — пишет В. В. Бартольд, — я находился в особенности после окончания университета, когда, по его

совету, поехал на год в Германию. Помимо научного руководства, Розен видел в каждом ученике, в том числе и во мне, лично близкого ему человека, и эта близость продолжалась до его смерти».⁷⁵

В. В. Бартольд в речи перед защитой диссертации еще раз выразил свою сердечную признательность В. Р. Розену, которому, как сказал диссертант, он «больше всего обязан направлением своих работ».⁷⁶ Приведем также другой отзыв В. В. Бартольда о влиянии В. Р. Розена на своих учеников. После смерти В. Р. Розена Бартольд писал: «Для товарищей покойного, особенно для его учеников, со студенческой скамьи находившихся под влиянием его взглядов и под обаянием его личности, его деятельность и связанный с его именем период в жизни факультета еще долго не будет предметом беспристрастного сопоставления с предшествующими периодами».⁷⁷

В. Р. Розен, убедившись в выдающихся способностях В. В. Бартольда, методично и весьма строго направлял занятия своего ученика, не давая ему отвлекаться от заранее указанного научного пути.⁷⁸ Ученики В. Р. Розена, прежде всего В. В. Бартольд и Н. Я. Марр, «постоянно бывали у него на дому, и всем он неустанно и охотно расторгал сокровища своих познаний, руководя их занятиями, исправляя корректурные листы их сочинений, жертвуя тем своим временем, которое могло бы быть посвящено собственным изысканиям и произведениям».⁷⁹ Вот что побудило В. В. Бартольда в воспоминаниях о своем учителе написать следующее: «До сих пор трудно привыкнуть к мысли, что уже нет того, кто соединял нас всех, без которого трудно даже представить себе дальнейшую жизнь русского ориентализма».⁸⁰

Нужно упомянуть, что письма В. В. Бартольда (64 письма), адресованные В. Р. Розену, ныне хранящиеся в архиве АН СССР,⁸¹ также свидетельствуют о влиянии взглядов Розена на В. В. Бартольда. Это влияние до того было сильно, что А. Ю. Якубовский писал: «Будущие историки востоковедения в СССР не поймут ни специфики работ Н. Я. Марра и В. В. Бартольда, ни фундаментальности их фактического материала, если не учтут, чем эти два крупнейших ученых XX столетия в этом отношении обязаны их учителю В. Р. Розену».⁸² Да и сам В. В. Бартольд, говоря от имени всех учеников В. Р. Розена, писал, что все они «бесконечно много обязаны своему учителю».⁸³

В. Р. Розен (1849 — 1908), «с именем которого связана вся новая школа нашего востоковедения»,⁸⁴ славился как «...арабист-исламовед и византиковед, — пишет академик Н. Я. Марр, — но в то же время знаток арабской доисламской поэзии,

персоязычник, специалист по иранскому эпосу, турковед с специальным интересом к эпосу различных турецких и монгольских племен, кавказовед по интересу его к истории и литературе Кавказа, увязанной за спиной письменных источников историографии документами литературными и языковыми, в том числе терминологическими...». Далее, характеризую его заслуги перед исторической наукой, академик Н. Я. Марр говорит, что «...он знал всю Переднюю Азию, социально включавшую не только Туркестан, Крым, Кавказ, Поволжье, но и Египет, и весь средиземноморский мир с островами и с мавританской Андалузией на Иберийском полуострове до Пиренейских гор».⁸⁵ Важно отметить, что В. Р. Розен «с первых же шагов стал на сторону научного течения, склонявшегося к освобождению востоковедения от служебного положения, к созданию новой, именно восточной филологии с своими самостоятельными задачами».⁸⁶

В. Р. Розен относился с глубоким уважением к народам Востока, к их культуре. «Виктор Романович горячо приветствовал каждую попытку организации научных сил на азиатских окраинах России, — писал В. В. Бартольд, — от Туркестана, где в 1895 г. образовался кружок любителей археологии, избравший Виктора Романовича в 1898 г. своим почетным членом, до Амурского края, которому Виктор Романович в 1890 г. предсказал великую будущность».⁸⁷

Говоря о научной методике ученого, А. Ю. Якубовский указывал: «Установление исторического факта при помощи тщательной проверки относящихся к нему известий легло в основу всей исследовательской работы В. Р. Розена как историка в широком смысле слова».⁸⁸

Упомянув о заслугах В. Р. Розена перед русским востоковедением, В. В. Бартольд писал: В. Р. Розен «создал орган русского научного востоковедения и ревниво заботился о том, чтобы он оставался на высоте европейских научных требований».⁸⁹ Другой ученик В. Р. Розена Н. А. Медников писал: «Мы должны будем признать, что еще ни один русский арабист не дал столько русскоязычной науке. Качественно и количественно он превзошел всех своих русских предшественников, а для его преемников он навсегда останется тем высоким идеалом, достичь которого мало кому будет дано».⁹⁰

Громадная исследовательская работа не мешала Розену принимать участие в организационной и общественно-научной работе по русскому востоковедению. Он был с 1893 по 1902 г. деканом факультета восточных языков Петербургского университета, с 1885 г. возглавлял Восточное отделение Российского археологического общества, был основателем, редактором и активным сотрудником печатного органа русского вос-

токоведения «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», он был одним из инициаторов созыва III международного съезда ориенталистов 1876 г. в Петербурге и т. д.

Все принципы работы своего учителя полностью принял В. В. Бартольд и в дальнейшем развивал их. По этому поводу сам В. В. Бартольд писал следующее: «Мне заветы бар. Розена вошли в плоть и кровь так же, как будто бы я их всосал с молоком матери... Таким, каким я вышел из школы бар. Розена, я лягу в могилу».⁹¹

В. В. Бартольд хранил в своем сердце и пронес через всю жизнь искреннюю признательность и благодарность к своим учителям. Так, например, в 1928 г., т. е. почти перед смертью, В. В. Бартольд, вспоминая о своих учителях, писал следующее: «В этом месяце уже исполняется 20 лет со смерти бар. Розена и 10 лет со смерти В. А. Жуковского; а как свежа память об этих днях».⁹²

Следует упомянуть и о другом учителе В. В. Бартольда — проф. Д. А. Хвольсоне. Этот выдающийся семитолог «вел все курсы еврейского языка, как языковедческие, так и литературные, древнейшего, побиблейского и средневекового периодов. Он же читал ряд необходимых специальных исторических курсов, включая семитскую эпиграфику. Большое внимание уделял он преподаванию еврейско-арабской литературы в плане освещения взаимодействия культур. Кроме того, он систематически читал курсы сирийского языка и истории сирийской литературы».⁹³

«Широкий арабистический кругозор Д. А. Хвольсона позволял ему принимать близкое участие в арабистической жизни факультета».⁹⁴ Именно проф. Д. А. Хвольсон подсказал студенту В. В. Бартольду мысль заняться составлением сводки арабских известий о Средней Азии. Об этом упомянул сам В. В. Бартольд в предисловии к своему «Туркестану». «Мысль заняться исследованием арабских известий о Туркестане впервые была внушена автору, еще на студенческой скамье, проф. Д. А. Хвольсоном».⁹⁵ По словам И. Ю. Крачковского, мысль эта «была блестяще воплощена в действительность».⁹⁶

В 1891 г. Бартольд кончает университет с дипломом 1-й степени⁹⁷ и по совету В. Р. Розена в 1891—1892 гг. совершает поездку за границу на собственный счет. Он побывал в Финляндии, Германии, Швейцарии, Северной Италии, Австро-Венгрии и др.⁹⁸ Упоминая об этой поездке В. В. Бартольда, В. Р. Розен пишет: «Я лично уговорил (его) поехать за грани-

цу в Галле, где он работал над собой под руководством виднейших профессоров».⁹⁹

В Галле он был принят в университет в качестве студента, участвовал на практических занятиях и слушал лекции профессора А. Мюллера.¹⁰⁰

Август Мюллер (1848 — 1892),¹⁰¹ член-сотрудник Русского археологического Общества, один из крупнейших западноевропейских ориенталистов, «был убежден — и при своем светлом уме и широком образовании должен был быть убежденным, — говорил В. Р. Розен, — в неизбежности и неминуемости развития и расширения научной литературы на разных языках, не вошедших еще, так сказать, в обиход западноевропейской образованности, и относился по крайней мере к одной такой литературе, т. е. к русской, с полным сочувствием, которое он доказал не на словах только, но и на деле».¹⁰² По инициативе А. Мюллера в «Orientalische Bibliographie» систематически регистрировалась русская литература по востоковедению. Кроме того, А. Мюллер предложил, чтобы «...всякий ориенталист, помимо общеизвестных трех, четырех главных европейских языков изучал еще один из менее известных языков...», и сам выбрал себе русский язык, не потому только, как он пишет, что этот язык был ближайшим к нему географически, но и потому, что «русские ученые давно уже показали, что нельзя игнорировать их труд».¹⁰³ Он принялся весьма ревностно за изучение русского языка и очень скоро уже был в состоянии напечатать первый отзыв и отчет свой о русских трудах¹⁰⁴ по востоковедению.¹⁰⁵ В. В. Бартольд писал тогда: «Это знакомство с Мюллером всегда будет одним из самых приятных воспоминаний в моей жизни».¹⁰⁶

В. В. Бартольд в Галле углубленно занимался восточными языками: арабским, персидским, тюркским, сирийским и начал изучать санскритский язык. С Мюллером он читал «Хамсу» и раз в неделю (по средам) у него на квартире упражнялся в разборе восточной печати и рукописей. Кроме того, Бартольд самостоятельно начал изучать известия о тюрках и вообще о Средней Азии, особенно из Табари.¹⁰⁷ Расширяя свой исторический кругозор, он слушал курс по истории Древнего Рима, читавшийся профессором Э. Мейером,¹⁰⁸ посещал лекции, посвященные разбору «Фауста», и др. Еще большее значение для В. В. Бартольда имели занятия в Страсбурге. Здесь он слушал лекции ориенталиста Т. Нельдеке, а также Хюбшманна и др.

Теодор Нельдеке (2 III 1836 — 25 XII 1930),¹⁰⁹ с которым В. В. Бартольд поддерживал научную связь и в последующие годы, являлся ученым, который мог «объединить в себе одина-

ковый авторитет и в области семитологии по всем ее многочисленным разветвлениям, и арабистики, с исламоведением, и иранской филологии, притом везде одинаково в трех основных направлениях — лингвистики, литературы, истории».¹¹⁰

Связь Нельдеке с русской наукой и учеными началась в 70-х годах прошлого века, еще до избрания его в члены-корреспонденты Академии наук (1885), а затем и в почетные члены (1927). В архиве академика В. Р. Розена сохранились многочисленные письма Нельдеке, свидетельствующие о том, что еще в начале 70-х годов установилась тесная научная связь между В. Р. Розеном и Т. Нельдеке, и это научная дружба не прерывалась до самой смерти первого.

Переписка двух крупнейших ориенталистов также свидетельствует о том, что Т. Нельдеке не только интересовался работой русских востоковедов, но и принимал активное участие в ней. Так, например, он принимал участие в составлении персидской грамматики Залемана и Жуковского, мечтая даже о ее новом издании и т. д.

После смерти Розена, Нельдеке внимательно следил за следующими поколениями русских ученых, за их первыми печатными выступлениями.

В последующие поездки В. В. Бартольд познакомился с другими виднейшими востоковедами Западной Европы. Например, в Англии он познакомился с ориенталистами — Д. Россом,¹¹¹ Э. Броуном¹¹² и рядом других. Научные связи с ними он поддерживал и впоследствии.

Как мы видим, за границей В. В. Бартольд больше всего занимался углублением своих знаний в области восточных языков; много времени он посвятил практике в области критики текста, т. е. занятием в тех областях, где западноевропейское востоковедение к тому времени накопило наибольший опыт. Вместе с тем, вопреки западнобуржуазным историкам, он был категорическим противником мнения, что методы исторического исследования и законы исторического развития, свойственные Западу, неприемлемы в разработке истории Востока, и в частности Средней Азии. Они своими лженаучными «теориями» стремились «доказать», что «народы Востока не имеют и никогда не имели истории в европейском смысле».¹¹³ Вот что принудило В. В. Бартольда, находясь за границей, написать своему учителю В. Р. Розену следующее: «Между тем я все-таки остаюсь при мнении, что у немецких профессоров можно и должно учиться, но подражать им не следует».¹¹⁴

По данному поводу В. В. Бартольд в 1896 г. писал: «Те приемы исследования, благодаря которым постепенно выяс-

няется ход развития земледелия, промышленности и торговли в Европе, должны найти себе приложения и в наших работах».

Эти высказывания В. В. Бартольда отнюдь не потеряли своей актуальности до наших дней, так как западноевропейские и американские идеологи империализма (некоторые из них называют себя «востоковедами») продолжают активно проповедовать антинаучные расистские идейки об известной грани между историей Востока и историей Запада.

Это выступление В. В. Бартольда характеризует правильность его позиции даже в то время, когда он только начинал свою работу. Учет всех положительных результатов и достижений зарубежной науки, при отсутствии малейшего следа преклонения перед нею, особые пути и задачи русского востоковедения — вот что характеризует мировоззрение В. В. Бартольда в этом отношении. В. В. Бартольд не только гордился традициями и достижениями русской науки, но и широко пропагандировал их.

Находясь за границей, молодой В. В. Бартольд непрестанно думает об изучении и написании истории народов Средней Азии. В его письме, отправленном тогда В. Р. Розену, есть следующие строчки: «Едва ли кто-нибудь сделал попытку рассмотреть хоть часть истории Средней Азии при помощи сравнительного метода, с приложением тех законов исторического развития, которые были выработаны для истории Европы. Строго научный курс истории Средней Азии, подобный тому курсу истории Рима, который я слушал в Галле у профессора Мейера, теперь еще не мыслим. Само собой разумеется, что та наука, которую я имею в виду, не будет создана мною: но я надеюсь своими трудами (если я останусь жив и здоров) хоть несколько подготовить ее возникновение».¹¹⁵ Известно, что после этого письма В. В. Бартольд прожил еще 39 лет и в своих трудах он не только подготовил возникновение, но и во многом создал историю Средней Азии. Вместе с тем, в вышеприведенном письме В. В. Бартольд излагает чрезвычайно передовую (особенно, если учесть, что она была высказана в 90-х гг. XIX в.) идею, что общества Востока шли теми же путями развития, что и общества Запада. Не случайно В. В. Бартольд посвятил свою первую печатную работу одному вопросу из истории взаимоотношений Дальнего Востока и Западной Европы в XIII в.¹¹⁶

Говоря о данной статье, виднейшие ученые — В. В. Радлов, К. Г. Залеман, С. Ф. Ольденбург и Н. Я. Марр пришли к выводу, что в этой статье «мы встречаемся и с западом и с востоком: их связь, а не разобщенность, подчеркнута и здесь. Вся последующая научная деятельность В. В. Бартоль-

да имела и имеет целью утвердить правильную точку зрения на историю востока, как на неотъемлемую часть всеобщей истории, допускающую и даже требующую при своем изучении применения тех же методов, которыми пользуется историк запада. В. В. постоянно указывает, что слишком сильно утвердившийся как среди востоковедов, так и всеобщих историков взгляд на историю востока преимущественно, как на историю религиозных учений и движений, должен смениться более широким взглядом. Эта мысль красной нитью проходит через всю научную деятельность В. В. Бартольда и, несомненно, что им уже немало сделано в этом направлении и самим и оказано влияние на других специалистов». ¹¹⁷

В другой своей ранней работе В. В. Бартольд пишет: «все более и более одерживает верх сознание, что на востоке люди живут и действуют под влиянием тех же побуждений, как и на западе, что в обоих случаях ход исторической жизни определяется преимущественно, хотя и не исключительно, экономическими условиями». ¹¹⁸

Спустя три года В. В. Бартольд опять сформулировал это с полной определенностью — «в Азии и в Европе действуют одни и те же законы исторической эволюции». ¹¹⁹

Уже зрелым ученым В. В. Бартольд продолжает пропагандировать этот взгляд, призывая русских востоковедов стремиться к тому, чтобы «...история мусульманского мира была признана полноправной частью «всеобщей истории», чтобы на кафедре всеобщей истории читались курсы, посвященные истории ислама и его культуре, и чтобы среди будущих магистров и докторов всеобщей истории могли быть и специалисты по истории Востока». ¹²⁰

Все это привело к тому, что русские ученые-востоковеды дореволюционного времени стояли намного выше западноевропейских буржуазных востоковедов в области изучения истории Востока. Упомянув об этом, А. Ю. Якубовский говорил, что «начинающим научно работать в области средневекового Востока незачем было ездить для усовершенствования за границу. Лучшей школы, чем в Петербурге у акад. В. В. Бартольда, им найти было негде». ¹²¹

В дальнейшем В. В. Бартольд хотя еще несколько раз побывал на западе, но главной целью его поездки составляло ознакомление с рукописями, относящимися к истории народов Средней Азии, а не усовершенствование своих знаний, как это было раньше.

После возвращения из-за границы В. В. Бартольд, как человек с большими способностями, был оставлен в университете при факультете восточных языков «для приготовления к

профессорскому званию». ¹²² Ему предстояло сдать испытания на степень магистра. Программа испытаний на степень магистра истории Востока предполагала глубокие и разнообразные знания по языкам и истории Востока. Требовалось:

1) умение разбирать в подлиннике исторические источники на арабском, персидском и тюркском языках;

2) знакомство, в общих чертах, с результатами исследования древнего Востока;

3) знакомство с ходом развития индийской культуры, преимущественно с индийскими религиозными учениями;

4) понятие о зороастризме, сведения о государственном строе эпохи сасанидов;

5) изучение важнейших трудов по истории ислама и мусульманской культуры, также по политической истории мусульманского востока;

6) критическое рассмотрение пособий и главных источников по одной из следующих отраслей истории мусульманского востока: а) история Испании и Африки; б) история восточного халифата; в) история персидских государств домонгольского периода; г) история Персии после монголов; д) история Турции; е) история среднеазиатских тюрков и монголов;

7) понятие о китайской культуре и ее значении для Средней Азии;

8) изучение нескольких трудов по одному из важнейших вопросов всеобщей или русской истории;

9) знакомство с одним из лучших сочинений по источниковедению. ¹²³

Упорные занятия, большой напряженный труд позволили молодому ученому приобрести глубокие и разнообразные знания, намного превосходящие требования программы. В начале 1893 г. он успешно сдал испытания.

В мае 1893 г. В. В. Бартольд был командирован с научной целью в Среднюю Азию Академией наук и факультетом восточных языков Петербургского университета для исследования памятников древности.

По словам Н. И. Веселовского, поездка В. В. Бартольда была связана особенно с его магистерской диссертацией, в которой он разбирал вопрос о движении монголов в Средней Азии. Поэтому ему необходимо было изучить тот путь, которым двигались кочевые народы из Восточной в Среднюю Азию, а именно: обследовать Чуйскую долину, а также Илийскую. ¹²⁴ Вот почему он должен был обратить особенное внимание на эту территорию. В. В. Бартольд выехал из Ташкента и обследовал путь по маршруту Чимкент—Аулие-

Ата; из Аулие-Ата проехал вверх и вниз по реке Талас к югу от села Димитровское, а к северу — до урочища Оххум. В маршруте обследовал следующие памятники: прежде всего Сайрам, после Сайрама были осмотрены развалины Кабал-Булак на реке Аксу, селение Тюлькюбаш и Мин-Булак.

В Аулиятинском уезде был обследован на берегу реки Талас ряд археологических памятников. Из-за несчастного случая (перелом ноги) он был вынужден вернуться в Ташкент, где провел зиму 1893 — 1894 гг. По сообщению Л. В. Ошанина, в Ташкенте В. В. Бартольд лежал в военном госпитале. Узнав об этом, В. Р. Розен написал Н. П. Остроумову, чтобы последний помог В. В. Бартольду. После этого Н. П. Остроумов пригласил В. В. Бартольда к себе на дом.

В. В. Бартольд, будучи прикованным к постели, запрашивал своих туркестанских знакомых: «Нельзя ли мне, несмотря на болезнь, сделать какое-нибудь полезное употребление из своего времени».¹²⁵ После этого В. В. Бартольд был назначен редактором газеты «Окраина» и поместил в ней и в других газетах (например в «Туркестанских ведомостях»), кроме нескольких публицистических статей, ряд статей по научным вопросам, преимущественно о постановке научных исследований в Туркестанском крае. Именно эти статьи отчасти способствовали возникновению в Ташкенте кружка любителей археологии. В. В. Бартольд принимал также участие в составлении устава кружка.¹²⁶

В 1894 г. В. В. Бартольд продолжил прерванную в 1893 г. поездку. Он на этот раз осмотрел многочисленные памятники в долинах рек Чу и Или.

Тогда же В. В. Бартольд был на территории Таджикистана, он посетил Ходжент (нынешний Ленинабад), Ак-Тепе, Нау, Ура-Тюбе, приехал затем в Шахристан.¹²⁷ Между прочим, В. В. Бартольд указывал на невозможность локализовать в Ходженте город, выстроенный на Сыр-Дарье Александром Македонским, ученый предполагал, что этот город находится в районе Нау, в 27 км от Ходжента.¹²⁸ В. В. Бартольд на этот раз был и на территории Китая.¹²⁹

В. В. Бартольд 11 декабря 1893 г., на заседании Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, доложил о своих археологических исследованиях.¹³⁰ В своем выступлении В. В. Бартольд акцентировал внимание на том, что труды представителей туркестанской интеллигенции могут принести значительную пользу в деле изучения археологии края. Он говорил, что «серьезное изучение истории края еще находится впереди и что главная роль при этой работе должна принадлежать местным деятелям».¹³¹ На

этом же собрании было решено (по предложению В. В. Бартольда) учредить в Ташкенте кружок любителей археологии. Таким образом, В. В. Бартольд являлся одним из учредителей Туркестанского кружка любителей археологии и затем на протяжении всех двадцати лет существования кружка — его активнейшим деятелем, заботливым наставником, связующим звеном между работниками Туркестанского края и тогдашним центром востоковедческой науки в Петербурге.¹³² Именно в 1893 — 1894 гг. В. В. Бартольд налаживает связи с местными туркестанскими деятелями, интересующимися прошлым Средней Азии. Тогда же В. В. Бартольд выступил с утверждением: «Тесная связь между столичными и местными научными деятелями вообще кажется нам необходимой для тех и других». Именно эта связь, говорил он, «дает более ценные результаты, чем что-нибудь другое».¹³³

Упомянув о данной черте деятельности профессора В. В. Бартольда, его коллеги пришли к выводу, что он, вслед за В. Р. Розеном, придавал особенное значение «совместной работе ученых с местными людьми».¹³⁴ Он говорил, «что лишь при деятельной совместной работе кабинетных ученых с местными деятелями возможно вполне успешное изучение востока, для истинного понимания которого более чем где-либо необходимо непосредственное знакомство со страной».¹³⁵

Говоря о результатах своей командировки, В. В. Бартольд писал Н. П. Остроумову: «Результатами моей командировки он (Н. И. Веселовский.—А. Н.) очень недоволен; он очень резко нападал на мои ошибки, говорил, что я ездил слишком скоро, что следовало в некоторых местах останавливаться и производить раскопки. Я доказывал ему, что не имел на это никакого права, что у меня не было для раскопок ни денег, ни знания, ни опытности; я напомнил ему, что до отъезда я выражал полную готовность подождать год или два, чтобы лучше подготовиться; тогда же я просил подробных инструкций как у Веселовского, так и у Радлова, но оба отказали мне: «Делайте, что знаете». Я имел неосторожность упомянуть о моей роли в «Окраине»; тут Веселовский совсем вознегодовал: «Вот какими глупостями Вы занимались; не для этого мы Вас посылали». Я говорил, что пользовался газетой для того, чтобы высказывать свое мнение о различных возникавших в то время проектах научных обществ, так на это я получил резкую отповедь:

«Что Вы знаете? Только что оставили университетскую скамью и уже хотите поучать». Я доказывал, что поучать никогда не думал, что выражал только свое мнение по вопросам,

которые ко мне во всяком случае ближе, чем ко всем остальным сотрудникам местных изданий.

Однако, несмотря на всю резкость выражений Веселовского (я привел их буквально так, как они были сказаны), видно, что его доверие ко мне не поколебалось и что его тон вызван только минутным раздражением.¹³⁶

Но вот что пишут об этой экспедиции В. В. Бартольда советские археологи: «Для изучения древней истории Иссык-Куля и его памятников, как и всей Киргизии, очень много сделал академик В. В. Бартольд. В своем отчете о поездке 1893—1894 гг. он дал краткие сведения письменных источников и описание многих курганов и городищ и других памятников Иссык-Куля». ¹³⁷ В. В. Бартольдом «были осмотрены археологические памятники на территории от г. Чимкента до г. Джамбула, на берегах рек Талас, Чу, Или. В отчете В. В. Бартольд дал не только обзор и сводку исторических сведений о Семиречье, но и краткую характеристику памятникам, изучил вопросы отжествления развалин городищ с их историческим названием. В этих отчетах он выдвинул вопрос о Таразе как об одном из крупнейших средневековых городов Казахстана». ¹³⁸

Нам представляется, что эта оценка результатов первой экспедиции В. В. Бартольда гораздо более справедлива, чем оценка Н. И. Веселовского. Разумеется, опыта в проведении археологических работ до этой поездки В. В. Бартольд не имел, но уже за несколько лет до нее он интересовался археологией Туркестана. Находясь за границей после окончания университета, он писал в 1891 г. своему учителю Розену: «Мне хотелось бы получить некоторые сведения о Туркестанской археологии» ¹³⁹ и просил прислать ему необходимую литературу.

Нужно упомянуть, что В. В. Бартольд во время поездки 1893—1894 гг. не только произвел осмотр развалин городов, крепостей, кладбищ и т. д., но он тогда занимался также «собираением различных преданий, рукописей и т. д.». ¹⁴⁰

В 1895 г. В. В. Бартольд был командирован университетом за границу для исследования восточных рукописей в парижской, лондонской и оксфордской библиотеках; кроме того, занимался в лейденской университетской библиотеке. ¹⁴¹

В. В. Бартольд в 1898 г. вторично совершает поездку (от университета) в Западную Европу, он на этот раз побывал в Германии, Голландии, Бельгии, Англии, Франции, ¹⁴² где продолжал заниматься изучением восточных рукописей, относящихся к истории народов Средней Азии.

К этому периоду относится близкое знакомство В. В. Бартольда со знаменитым русским тюркологом В. В. Радловым. Это знакомство затем превратилось в дружбу. ¹⁴³ Научное об-

щение с выдающимся тюркологом было очень полезным для начинающего ученого. Через несколько лет В. В. Бартольд опубликовал такие важные работы, как «Историческое значение древнетюркских надписей» и «Древнетюркские надписи и арабские источники» (обе на немецком языке), явившиеся результатом сотрудничества с В. В. Радловым.

В 1896 г. Бартольд приступил к чтению лекций в Петербургском университете в звании нештатного преподавателя (приват-доцента). 8-го апреля 1896 г. состоялась первая пробная лекция на тему «Образование империи Чингиз-хана». Она была вскоре опубликована в виде статьи. ¹⁴⁴ Эта работа В. В. Бартольда явилась важной вехой в изучении истории монголов. В ней В. В. Бартольд попытался осветить одну из важнейших проблем монгольской истории — проблему возникновения государства Чингиз-хана. Опираясь на факты, исследователь пришел к смелому и необычному для буржуазного востоковедения, но безусловно правильному заключению, что образование в начале XIII в. монгольского государства явилось не следствием борьбы между отдельными личностями или даже отдельными родами и племенами, а следствием борьбы внутри самого монгольского общества, борьбы классов. Кроме того, в этой своей лекции В. В. Бартольд сумел определить классовый, аристократический характер монгольского государства XIII в. По его словам, «Чингиз-хан не был «народным вождем» в настоящем значении этого слова, и созданный им государственный строй носил строго аристократический характер». ¹⁴⁵

Ту же мысль он проводит в своем изложении борьбы за власть в Монголии в конце XII и начале XIII вв. В то время, как степная аристократия, пишет В. В. Бартольд, «провозгласила своим представителем Темучина, простой народ, искавший не богатство и славы, а дневного пропитания, сплотился вокруг другой личности, именно вокруг Джамухи, одного из начальников племени Джаджират». ¹⁴⁶ В. В. Бартольд подразумевал под монгольской аристократией кочевую скотоводческую знать, монгольское нойонство, кочевых степных богачей, в руках которых в конце XII — начале XIII вв. сосредоточивались большие количества скота и рабов.

Свою точку зрения на классовое происхождение монгольского государства и его аристократический характер В. В. Бартольд отстаивал в течение всей своей научной жизни, хотя и не поднимая до уровня подлинно научного толкования исторических событий, т. е. до марксистского понимания истории.

В процессе своей преподавательской деятельности В. В. Бартольд разрабатывал все новые обязательные и обяза-

тельные курсы, расширял тематику своих лекций и семинарских занятий. Не будем приводить всех имеющихся материалов по этому вопросу, ограничимся лишь некоторыми.

В 1903 — 1904 учебном году В. В. Бартольд читал общий курс для студентов арабского отдела: «Историко-географический обзор Ирана» (5 — 6-й семестры) и «География и этнография Средней Азии» (7 — 8-й семестры); необязательные курсы для студентов в 5 — 8 семестров всех отделов: «Беседы по вопросам истории востока» (одна лекция). «Восточная нумизматика» (одна лекция).¹⁴⁷

В 1905 — 1906 учебном году он вел следующие курсы:

а) **Общий курс.**

«История ознакомления с Востоком в Европе» (1 семестр).

«История ознакомления с Востоком в России» (2 семестр).

«Практические занятия по истории Востока» (3 — 4 семестры).

б) **Специальные курсы.**

«Историко-географический обзор Ирана (5 — 6 семестры). Для студентов арабского, армянского и санскритского разрядов.

«Историко-географический обзор мусульманской части Средней Азии» (7 — 8 семестры). Для студентов арабского разряда.

в) Необязательные курсы для студентов 7 — 8 семестров всех разрядов:

«Вопросы исторической методологии с применением к истории Востока» и «Восточная нумизматика».¹⁴⁸

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции В. В. Бартольд читал следующие курсы:

Общий курс—«История изучения Передней Азии и Индии в Европе и в России» (1 — 2 семестры). Из специальных курсов следует указать:

1. «История восточного халифата» (для студентов арабского разряда, 3—4 семестры).

2. «Историко-географический обзор Ирана»—для студентов разрядов арабского, армяно-грузинского и санскритского разрядов (5 — 6 семестры).

3. «История Туркестана» (для студентов арабского разряда (7 — 8 семестры).

В. В. Бартольд вел также необязательные курсы: «Средневековый Восток и сопоставление его с древним» и «История Египта в эпоху ислама».¹⁴⁹

К счастью, до нас дошли личные высказывания В. В. Бартольда, которые позволяют судить о характере его преподава-

тельской работы и взаимоотношениях со студентами: «Несмотря на заиканье, от которого мне, к стыду моему, все еще не удалось избавиться, студенты посещают мои лекции довольно аккуратно и относятся ко мне все с большим уважением... К сожалению, уровень знаний молодых людей таков, что преподавание по необходимости носит скорее гимназический, чем университетский характер. Я бы никому не поверил, если бы мне сказали, что студенты старшего курса восточного факультета не могут показать на карте, где находится в Средней Азии русские владения, Бухарское ханство, Хивинское ханство и Афганистан, или что они способны искать Аму-Дарью в Малой Азии (!); к сожалению, мне пришлось изведать все это на опыте. Надеюсь, что по крайней мере некоторые из них усвоят благодаря мне элементарные географические и исторические сведения».¹⁵⁰

В. В. Бартольд, говоря о своем преподавании в 1904 г., писал: «на прощание они (т. е. студенты—А. Н.) проводили меня аплодисментами—факт, со мною никогда не бывавший и настолько смутивший меня, что я поспешил убежать из аудитории, не простившись с ними, как бы следовало».¹⁵¹ Или же в другом письме он пишет: «Мои лекции привлекали многочисленную и восторженную аудиторию, каждый раз провожавшую меня аплодисментами—этузиазм, к которому я совершенно не привык».¹⁵²

В. В. Бартольд был одним из тех преподавателей, которые поддерживали тесный контакт со студентами и всячески помогали им в расширении научного горизонта. Об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания бывшего студента восточного факультета Петербургского университета, слушавшего лекции Бартольда, Н. П. Архангельского: «Надо отметить,—говорил Архангельский,—особо внимательное отношение Василия Владимировича к туркестанским студентам, обучавшимся в Петербурге. В дореволюционное время в Петербурге проживало много так называемых «старых туркестанцев» — лиц, долгое время живших и работавших в Туркестанском крае. Многие из них считали своим долгом оказывать посильную помощь существовавшему в городе Туркестанскому студенческому землячеству (было образовано даже Общество помощи учащимся в Петербурге туркестанцам). Одним из самых активных членов этого Общества был В. В. Бартольд. Надо сказать, что в отличие от обычных касс взаимопомощи Туркестанское студенческое землячество ставило своей задачей содействовать повышению знаний и подготовки студентов-туркестанцев и стимулировать их возвращение в Туркестан для практической работы в крае по окончании университета. Он

часто посещал собрания землячества, происходившие в Нобелевском Народном доме и выступал на них.

Бартольд пожертвовал землячеству, имевшему свою библиотеку, многие из своих печатных трудов. Впоследствии это собрание работ Бартольда, будучи переданным в Ташкент, составило ценное пополнение местных библиотек. Руководил Бартольд и Туркестанским студенческим журналом, выпускавшимся в Петербурге, и предоставил для этого журнала свою статью. В летнем семестре Петроградского университета в 1918 году мне довелось слышать цикл лекций Бартольда по истории Туркестана. Тогда образовалось нечто вроде народного университета, и Бартольд был в нем одним из лекторов. Василий Владимирович всегда очень радовался присутствию на его лекции туркестанцев и являлся отзывчивым и заботливым воспитателем молодежи.¹⁵³

Характеризуя лекции Бартольда, тот же Н. П. Архангельский говорит следующее: «Мне приходилось много раз слушать лекции В. В. Бартольда, начиная с 1909 года в Петербурге. Я обязан засвидетельствовать, что его слово имело большое значение для разрушения в головах слушателей ограниченных «европоцентристских» представлений о ходе всемирной истории, для формирования интернационализма и антирацизма, опирающихся на солидные научные основания».¹⁵⁴

Нужно отметить, что В. В. Бартольд, как лектор, не отличался ораторским красноречием.¹⁵⁵ Он привлекал слушателей своей поразительной ученостью, ясностью и обоснованностью своих суждений.

В. Р. Розен, говоря о преподавательской деятельности своих учеников — П. М. Мелиоранского и В. В. Бартольда, писал: «И тот и другой вели преподавание с одинаковым усердием и весьма успешно. Помимо отмеченных в расписании лекций, обоими нашими молодыми учеными велись семинарские занятия с обнаруживавшими особый интерес и особую склонность к науке студентам и у обоих оказались ученики: у П. М. Мелиоранского — В. Писарев, у В. В. Бартольда — Иностранцев».¹⁵⁶

В печати имеются сведения о существовании при Восточном факультете студенческого «кружка ориенталистов». Члены кружка собирались два раза в месяц, читали доклады, обсуждали востоковедческие издания. Кружком руководил В. В. Бартольд.¹⁵⁷

В. В. Бартольд был в числе преподавателей Петербургского университета, не довольных существовавшими тогда порядками в университете. Университетская комиссия, в состав которой входил и В. В. Бартольд, подготовила по этому вопросу

письмо министру народного просвещения. В нем обличались царившие тогда в высших учебных заведениях порядки и предлагались некоторые реформы. В письме, в частности, говорилось: «Сближение между старшими и младшими членами университетской семьи, именно между профессорами и студенчеством, составляет необходимые условия корпоративного строя университетов. Его принципиально отрицает устав 1884 года, исходящий из мысли, что студенты имеют отношение к университету только каждый в отдельности и лишь пока находятся в стенах университета, и выдвигающий на первый план полицейско-репрессивную точку зрения. Под ее влиянием запрещались всякого рода единения студентов; профессора, принимавшие у себя на дому студентов, хотя бы исключительно для целей научных, возбуждали против себя подозрение и даже подвергались преследованиям, вызывая и особое, часто весьма стеснительное, полицейское наблюдение. Такое положение не может быть терпимо, и прежде всего в интересах учебных, так как научная польза, которую может принести профессор студенту, далеко не ограничивается формальным исполнением первым из них обязанности чтения лекций».¹⁵⁸

Упомянутый университетский Устав, изданный царским правительством в период политической реакции в 80-х годах, полностью ликвидировал университетскую автономию и поставил высшую школу под тягостную опеку министра просвещения и попечителя учебного округа. Устав 1884 г., проникнутый, подобно другим контрреформам 80-х годов, духом «... разнузданной, вероятно бессмысленной и зверской реакции»,¹⁵⁹ не дал, однако, тех результатов, на которые рассчитывал царизм. Несмотря на репрессии, в Петербургском университете, как и в других университетах страны, не прекращалась интенсивная работа передовой мысли, не снижалась также активность радикальных слоев студенчества. Наиболее передовые студенты усваивают и пропагандируют идеи марксизма.

Преподавательская деятельность В. В. Бартольда продолжалась до самой смерти ученого. К своей преподавательской деятельности В. В. Бартольд относился с исключительной серьезностью и чувством ответственности. Курсы, которые он читал, являлись плодом многолетних специальных изысканий по первоисточникам. К студентам, специализирующимся по истории Востока, он предъявлял очень высокие требования. Он был учителем нескольких поколений дореволюционных и советских востоковедов. Почти все крупнейшие представители старшего поколения советских востоковедов, в том числе столь много сделавшие для изучения истории и археологии Таджикистана А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов, учились у него.

Много и успешно занимавшийся преподавательской деятельностью, В. В. Бартольд основное внимание уделял все же научно-исследовательской работе. Им было опубликовано свыше 700 работ, среди которых много очень больших по объему монографических исследований, статей в научных журналах, а также рецензий, отзывы, некрологи, годовые отчеты, статьи в «Энциклопедии ислама» и в Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, библиографические заметки в «Der Islam», ЗВО и др., газетные статьи в «Туркестанских Ведомостях», «Окраине», «Русском Туркестане», «Самарканде» и др., статьи в журнале «Среднеазиатский Вестник» и др. Здесь мы не имеем возможности даже просто перечислить эти работы, наиболее крупные из них вкратце характеризуются (в хронологическом порядке).

С января 1897 г. В. В. Бартольд стал хранителем минцкабинета С.-Петербургского университета, оставался им до 1 августа 1901 г. и усиленно занимался разбором и систематизацией коллекции монет. В эти годы В. В. Бартольд опубликовал ряд нумизматических работ, непосредственно относящихся к истории народов Средней Азии.¹⁶⁰

Эти работы внесли много нового в освещение нумизматического материала. Вместе с тем В. В. Бартольд получил возможность в дальнейшем использовать результаты этих изысканий в своих общенсторических трудах.

Таким образом, в конце 90-х гг. В. В. Бартольд, несмотря на свою молодость (ему не было еще и тридцати лет), уже сформировался как ученый. Начинается новый период его деятельности — пора научной зрелости.

В. В. Бартольд (1900 года).

НАУЧНАЯ ЗРЕЛОСТЬ

Научные командировки. В. В. Бартольд и археология Туркестана

Нужно отметить, что В. В. Бартольд на протяжении всей жизни много путешествовал на востоке и на западе, и эти путешествия, при большой наблюдательности В. В. Бартольда, чрезвычайно расширили его кругозор, дали ему возможность лично познакомиться со странами и народами, изучению истории которых он посвятил свою жизнь.¹⁶¹

В процессе научных командировок В. В. Бартольд изучил рукописи, хранящиеся в разных городах России (особенно в Ташкенте, Самарканде и др. городах Туркестана) и в крупнейших центрах всех стран Западной Европы. Одновременно он прорабатывал ту литературу, которой не было в Петербурге, знакомился с местными учеными и достижениями науки в тех или иных странах. Его же поездки в Туркестанский край преследовали, наряду с этим, и археологические цели.

В 1900 г. В. В. Бартольд совершил поездку на Кавказ. Летом 1902 г. В. В. Бартольд съездил в Среднюю Азию «для возобновления и расширения научных связей с местными деятелями, для осмотра имеющихся в крае собраний рукописей как общественных, так и частных, также хранящихся при областных правлениях собраний вакуфных документов».¹⁶² На этот раз он побывал в Ашхабаде, Самарканде, Ташкенте, Коканде, Маргелане, Андижане, Оше и Ходженте, собрал много рукописных материалов, имеющих огромное значение для выяснения ряда спорных вопросов средневековой (в том числе — и позднесредневековой) истории народов Средней Азии. Основные научные результаты его поездки были изложены в опубликованном отчете, где были приведены многие выписки из восточных источников.¹⁶³ Сам В. В. Бартольд, упоминая об этой командировке, в своей автобиографии писал: «Из всех моих поездок в Среднюю Азию самой успешной была поездка 1902 г., когда передо мною не было других задач, кроме ознакомления с рукописными памятниками».¹⁶⁴

В. В. Бартольд 16 августа 1902 г. присутствовал на заседании Туркестанского кружка любителей археологии в г. Ташкенте в качестве его почетного члена-учредителя. В своем вы-

ступлении он сообщил о результатах проведенной им работы по собиранию рукописей в городах Средней Азии. Он подробно остановился на найденной в городе Маргелане рукописи, написанной уйгурским алфавитом. Кроме того, он говорил о заслугах кружка в деле изучения истории Туркестана и пожелал продолжения его деятельности.¹⁶⁵

В 1903 г. В. В. Бартольд был назначен одним из двух секретарей Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии и по поручению названного комитета в 1904 г. был командирован в Самарканд для археологического исследования городища Афрасиаб и для производства там раскопок. К этому времени В. В. Бартольд уже являлся первоклассным знатоком письменных источников по Средней Азии, но тем не менее он заново специально просматривает восточные первоисточники и всю литературу, посвященную Самарканду, а также неизданные отчеты об археологических работах. Об этой подготовительной работе он писал (незадолго до отъезда в Самарканд) следующее: «Усердно изучаю все, что есть о Самарканде, в печатных и восточных рукописных источниках, также в неизданных отчетах Н. И. Веселовского о его раскопках 1885 г. Н. И. (Веселовский) был так любезен, что показал мне как эти отчеты, так и все добытые им вещи... По моей совершенной неопытности в деле археологических исследований для меня многое еще неясно, но кое-что, вероятно, выяснится на месте. Постараюсь избежать слишком крупных ошибок, но далеко не уверен, что это мне удастся».¹⁶⁶ Говоря о поездке 1904 г. В. В. Бартольд упоминает в своей автобиографии следующее: «Не вполне успешно была выполнена более сложная археологическая задача, возложенная на меня в 1904 г.... Каждая новая попытка в этом направлении лишней раз показывала мне, что я лишен необходимых качеств для так называемых работ «в поле» над вещественными памятниками истории».¹⁶⁷ В письме В. В. Бартольда, адресованном своему учителю В. Р. Розену из города Самарканда, также говорилось: «Я все более и более убеждаюсь в своей органической неспособности к археологии».¹⁶⁸ А. Ю. Якубовский, характеризуя археологическую деятельность Бартольда, писал, что он «в технике раскопчного дела не считал себя специалистом».¹⁶⁹ Однако эту самооценку В. В. Бартольда отнюдь нельзя считать бесспорной. Надо прежде всего иметь в виду, что на протяжении всей жизни, начиная с юношеских лет, здоровье В. В. Бартольда было слабым. К этому присоединялась чрезвычайно пессимистическая оценка В. В. Бартольдом состояния своего здоровья. В архиве Бартольда сохранились многочисленные письма, адресованные В. Р. Розе-

ну и другим лицам, свидетельствующие о том, что автор этих писем вечно болел и порою ожидал, что в ближайшее время умрет. В начале нашей работы приводилось письмо юного Бартольда, написанное его учителю, в котором фигурирует фраза «если я останусь жив и здоров». В другом письме, адресованном Ф. А. Розенбергу, говорится: «До глубокой старости я никогда не рассчитываю дожить».¹⁷⁰ В. В. Бартольд из Кисловодска пишет своей жене, что может быть врачи «...специалисты по нервным и внутренним болезням... определяют, где кончатся у меня нервы и где начинается внутренняя болезнь... была опять одна из... беспокойных ночей, с продолжительной бессоницей, закончившейся тяжелым сном, с шумом в голове и чем-то вроде галлюцинации».¹⁷¹

Кроме того, несчастный случай — перелом ноги в 1893 г., тоже во многом подействовал на здоровье ученого. «Что касается моего положения, — пишет Бартольд из Ташкента своему учителю Розену, — то хуже, чем Вы полагаете...; нога навсегда останется укороченной (на 4 сантиметра) и немного вывернутой к наружной стороне... Мой организм уже теперь крайне ослаб, через два месяца будет еще хуже... в виду этого я от души желаю, чтобы нам было суждено увидеться с Вами; осуществится ли это, знает один аллах, так как при теперешней слабости моего организма каждая ничтожная случайность может иметь гибельные последствия».¹⁷²

Итак, отсутствие влечения к занятиям полевой археологией, требующей, как известно, определенных затрат физической энергии, объясняется прежде всего состоянием здоровья В. В. Бартольда. С другой стороны, занятия письменными источниками в том объеме, как это было у В. В. Бартольда, поглощали, собственно говоря, все его время, и опыт проведения полевых археологических работ у В. В. Бартольда был сравнительно невелик. Вообще же мы присоединяемся к утверждению И. Ю. Крачковского, что В. В. Бартольд преуменьшал свои способности в области археологии.¹⁷³ Эта скромность, конечно, была несправедливостью по отношению к самому себе. Чрезвычайно существенно, что В. В. Бартольд прекрасно понимал значение археологии и взаимно-необходимую связь ее с изучением письменных источников. Он неоднократно повторял: «Без вещественных следов нельзя понять письменных известий и наоборот».¹⁷⁴ Он говорил, что лично он не верит в возможность плодотворных раскопок в сколько-нибудь обширном размере в Средней Азии, пока еще не исследованы письменные источники.¹⁷⁵

Кроме того, он предупреждал, что «...первые дошедшие до нас письменные известия (о Средней Азии.— Н. А.) относят-

ся к значительно более поздней эпохе, чем начало местной культуры, и вопрос о происхождении этой культуры может быть решен только с помощью археологии и лингвистической палеонтологии». ¹⁷⁶

В. В. Бартольд понимал археологию как науку намного глубже, чем большинство тогдашних профессионалов — археологов не только в России, но и в Западной Европе. Если для известного тогдашнего археолога Н. И. Веселовского археология — самостоятельная наука, которую можно ставить рядом с историей, то для Бартольда — это «категорически неприемлемо. «Едва ли правильно, — пишет он, — такое сопоставление истории и археологии как двух самостоятельных, хотя и связанных между собой наук. Археология, как дисциплина, посвященная изучению одной из категорий исторических источников, именно вещественных памятников, составляет неразрывную часть единой исторической науки; только посредством изучения источников всех категорий может быть выполнена задача историка, причем это изучение, конечно, может быть результатом не только единоличного, но и коллективного труда». ¹⁷⁷ Еще в 1894 г. молодой В. В. Бартольд писал: «История, археология и этнография захватывают сопредельные области знания, что эти три науки строго неразделимы, одна другую восполняют... отбросить хоть одну из названных наук значит оставить пробел в своей деятельности, который будет ждать, и может быть долго, своих исследователей, а между тем этот пробел будет чувствителен для самих членов общества». ¹⁷⁸ Определение роли археологии и ее места в системе исторических дисциплин, сформулированное В. В. Бартольдом в дореволюционное время, чрезвычайно близко пониманию роли археологии в советской науке.

В. В. Бартольд указывал на то, что археологические раскопки в Средней Азии «показали, какие научные сокровища заключает в себе культурный слой старых городов и селений», поэтому «не могло не обратить на себя внимание расположенное к северу от современного Самарканда городище, известное теперь под названием «Афрасиаб», по имени мифического героя эпоса. Не могло быть сомнения в том, что исследование этого городища должно дать ценный материал для изучения древней культуры Средней Азии». ¹⁷⁹

Именно поэтому В. В. Бартольд решил возглавить раскопки на Афрасиабе. О своих планах и возникших объективных затруднениях он писал следующее: «Я рассчитывал приступить к своим работам не позже первых чисел мая и употребить на них не менее трех месяцев, предполагая посвятить первый месяц топографическому изучению главного городища,

Афрасиаба, второй — пробным раскопкам на месте того же городища, третий — изучению остальных городищ и памятников древности в пределах длинных стен, некогда окружающих город вместе с его пригородами и отчасти сохранившихся до нашего времени. К сожалению, мои расчеты не вполне осуществились, — добавляет Бартольд, — вследствие болезни я выехал из С.-Петербурга тремя неделями позже, чем было предположено; кроме того, я в середине лета был вынужден по семейным обстоятельствам возвратиться на короткое время в С.-Петербург (умерла мать Бартольда. — Н. А.), ушло около месяца. Мои работы в Самарканде продолжались всего неполных два месяца, из которых первый (с 25 мая по 19 июня) был посвящен осмотру и изучению городища Афрасиаб, второй (17 июля по 13 августа) — раскопкам на месте того же городища. От выполнения остальной части своей задачи я был вынужден отказаться за недостатком времени». ¹⁸⁰

В. В. Бартольд из Самарканда пишет Н. Я. Марру в Ани, где тот производил раскопки: «Как я завидую Вам, что Вы будете копать в месте, которое хорошо знаете, топографию которого вполне изучили. Мне пока не удастся выяснить даже главных вопросов относительно своего городища: 1) откуда в него была проведена вода; 2) где помещались ворота. Литературные источники даже на эти вопросы (дают) недостаточно определенный ответ; от местных жителей и от русских знатоков истории (Вяткин) и ирригации (Петровский, только не Кашгарский) приходится слышать разноречивые показания и мнения». ¹⁸¹

Характеризуя обстановку в Самарканде, он с горечью констатирует: «Вообще среди местного общества, русского и туземного, равнодушие к изучению прошлого края полное; местная древность пропадает на глазах у всех, чем никто не огорчается; Вяткин — исключение, но и на него начинает сказываться неоспоримая истина, что один в поле не воин; под влиянием общего равнодушия и насмешек, встречаемых им везде, даже в собственной семье, и его прыть значительно сократилась; у него много начатых работ, но они едва ли когда-нибудь будут окончены; теперь в его доме даже нет писчей бумаги». Далее он с глубоким возмущением говорит о том, что археологические памятники Средней Азии не изучаются и не охраняются. ¹⁸²

Раскоп на Афрасиабе был заложен на запад от цитадели. Здесь В. В. Бартольд предполагал найти соборную мечеть. В процессе раскопок это предположение подтвердилось. Раскопки увенчались определенным успехом. Изучение топографии городища в сопоставлении со всей совокупностью столь хоро-

шо известных В. В. Бартольд у письменных источников позволило ему поставить и отчасти решить ряд важнейших вопросов по истории Самарканда. Так, например, было решено, что городище Афрасиаб могло снабжаться водой только с южной стороны и только посредством водопровода. Этот вывод был документально подтвержден уже в советское время (раскопки А. И. Тереножкина). В своих последующих работах В. В. Бартольд смог дать более правильную характеристику истории развития Самарканда — одного из крупнейших городов Средней Азии, игравшего столь важную роль в истории среднеазиатских народов.¹⁸³

В 1913 г. на заседании Академии наук было объявлено, что В. В. Бартольд продолжает собирать материалы для большого труда, по топографии Самарканда.¹⁸⁴ Действительно, в архиве АН до сих пор хранятся черновые материалы, свидетельствующие о том, что ученый готовил большой труд по исторической топографии Самарканда.¹⁸⁵ Но, к сожалению, названная работа не была завершена и опубликована.

Исследования, проведенные В. В. Бартольдом в Самарканде, еще больше повысили интерес ученого к истории и исторической топографии крупнейших городов Средней Азии. Так, в частности, он много и упорно работает над изучением (по письменным источникам) исторической топографии Мерва. Известно, что Мервом занимался старший товарищ В. В. Бартольда — проф. В. А. Жуковский, лично изучивший мервские городища и на основании досконального исследования первоисточников написавший ценный труд по истории города,¹⁸⁶ который сам В. В. Бартольд не раз называл «классическим». Тем не менее, занявшись историей этого города, он сразу же внес много ценных добавлений и исправлений к труду своего предшественника.¹⁸⁷ Специально для «Энциклопедии ислама» он написал краткий, но очень насыщенный фактами очерк истории Бухары.¹⁸⁸ Вместе с тем следует подчеркнуть, что будучи буржуазным ученым, В. В. Бартольд в своих археологических работах не поднялся до понимания того, что археологическое изучение средневекового города должно ставить перед собой задачу исследования классовой структуры феодального города, как она отразилась в топографии и характере кварталов, в типе жилища и т. д. В этом проявились ограниченность Бартольда-археолога.

В. В. Бартольд в 1904 г. привез из Туркестана 16 рукописей и сдал их в Азиатский музей АН¹⁸⁹, передал ряд коллекций в Музей антропологии и этнографии.¹⁹⁰

В дальнейшем Бартольд, хотя и не принимал непосредственного участия в раскопках, но фактически являлся ответ-

ственным руководителем археологических работ в Средней Азии как представитель Русского комитета; более того, он был идеологическим их вдохновителем.¹⁹¹ Об этом свидетельствует его постоянная забота о проведении археологического исследования Средней Азии и его связь с членами Туркестанского кружка любителей археологии — Н. П. Остроумовым, Н. Г. Маллицким, А. А. Семеновым, а также с В. Л. Вяткиным. Так, например, с помощью В. В. в 1904 г. было проведено (хотя он сам не был там) археологическое изучение Исфаринского района. По ходатайству В. В. Бартольда, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии ассигновал 300 рублей Туркестанскому кружку любителей археологии «...для предполагаемого кружком исследования древнего кладбища близ селения Чарку (Ферганской области, Кокандского уезда, Асфаринской волости) и для продолжения начатого исследования развалин города Отрара».¹⁹² Ответственность за выполнение этих работ и обнародование их результатов была возложена на В. В. Бартольда. В этом же году была опубликована его статья «Текст первой надписи в Варухском ущелье».¹⁹³ В статье содержится транскрипция и перевод 6 строчек северной надписи в этом ущелье. О данной работе В. В. Бартольда Б. А. Литвинский пишет, что благодаря В. В. Бартольду эта надпись впервые «была введена в научный оборот и приобрела сравнительно широкую известность в востоковедческой науке».¹⁹⁴

Следует также упомянуть, что В. В. Бартольд написал ряд других специальных исследований по отдельным вопросам среднеазиатской археологии, в частности по оссуариям.¹⁹⁵

В 1905 г. Бартольд совершает поездку в Германию, Австрию, Швейцарию.¹⁹⁶

В связи со среднеазиатским землетрясением Русский комитет выделил особую комиссию в составе Н. И. Веселовского, В. А. Жуковского и В. В. Бартольда, которой поручалось выработать меры охраны памятников Самарканда. Комиссия организовала изучение, обмеры и фотографирование памятников города: мавзолея Рух-Абад, медресе Мирзы Улугбека и других.

В 1906 г. Бартольд был командирован от университета в Турцию и Египет для занятий в библиотеках Константинополя и Каира. О результатах этой поездки рассказано в его статье «О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира».¹⁹⁷ На этот раз, кроме Константинополя и Египта, он побывал также в Австрии, Сербии и в Болгарии,¹⁹⁸ а в 1908—1909 гг. он совершил поездку в Финляндию,

Италию, на обратном пути заехал в Будапешт, побывал и на Кавказе.¹⁹⁹

В 1911 г. В. В. Бартольд побывал в Ирландии, Америке, Германии и во Франции, а в 1912 г.—в Вене, Тюбингене, Гамбурге и в Любеке.²⁰⁰

В 1913 г. Бартольд совершил поездку по маршруту Оренбург—Башкирия, по Сибири—до Кяхты.²⁰¹

В 1912—1913 гг. В. В. Бартольд съездил в Швецию и Норвегию, а в 1914 г. опять в Швецию, Германию, затем в Данию, Англию, Гибралтар, Францию, Италию, Грецию, Австрию, Сербию, Болгарию, Румынию. Как всегда, и на этот раз главную цель поездки составляло ознакомление с рукописями, относящимися к истории народов Средней Азии.

Так, например, Василий Владимирович, упоминая о совершенной тогда поездке в Англию, пишет: «Главной целью моих занятий было ознакомление с еще неиспользованными источниками по истории Тимура и Тимуридов из рукописей Британского музея».²⁰²

По инициативе В. В. Бартольда в 1914 г. была организована экспедиция для этнографо-лингвистического изучения припамирских стран, в составе которой были Р. Готье, Ханыков и И. Н. Зарубин.²⁰³

Для решения вопроса об обработке доставленных с Памира материалов была избрана комиссия в составе В. В. Бартольда, Н. И. Веселовского, К. Г. Залемана и др.²⁰⁴

Летом 1916 г. Академия наук командировала В. В. Бартольда в Среднюю Азию «1) для ознакомления с некоторыми из собраний рукописей, существование которых сделалось известным в последние годы, 2) для возобновления научных связей, выяснения общих условий научной работы в Туркестанском крае и тех конкретных научных задач, которые могли бы быть поставлены в настоящее время».²⁰⁵ Во время этой командировки В. В. Бартольд обратил внимание на состояние Туркестанской публичной библиотеки и находящегося при ней музея и ознакомился с состоянием архивного дела в Средней Азии. Надо отметить, что и в предыдущие свои поездки В. В. Бартольд всегда интересовался состоянием Туркестанской публичной библиотеки и посвятил ей ряд статей.

Во время этой поездки Владимир Владимирович побывал в Ташкенте, Коканде и в Самарканде, где ознакомился с состоянием памятников. В 1917 г. В. В. напечатал статью «Европейская школа и русская наука в будущем Туркестане», в которой проведена мысль об установлении тесной связи между задачами востоковедения и общими задачами науки. Автор призывал к тому, чтобы эта связь имела в виду при всех

дальнейших мерах развития русского востоковедения и особенно развития его в самом Туркестане.

В 1917 г. В. В. Бартольд путешествовал по Финляндии.²⁰⁶

Научные труды

Одним из результатов вышеперечисленных почти непрерывных путешествий было то, что В. В. Бартольд достиг превосходного знания рукописных собраний главнейших библиотек Запада и Востока. Он открыл ряд совершенно новых исторических памятников и документов и дал много поправок к уже существовавшим печатным и литографическим изданиям текстов некоторых первоисточников.

В. В. Бартольд упорно и методически занимался первоисточниками по истории Средней Азии и Востока и к концу 90-х гг. овладел ими в совершенстве. Помимо издания ряда статей, он приступает к выпуску серии монографических работ, обобщающих фактический материал по истории Средней Азии и прилегающим странам.

В 1898 г. В. В. Бартольд, после больших подготовительных работ, написал «Очерк истории Семиречья»,²⁰⁷ в котором изложены события в стране со II в. до н. э. и до 1758 г.; к очерку приложен хронологический указатель. Данная работа фактически положила начало научному изучению истории Семиречья, построенному на совокупном исследовании данных письменных источников и археологии. Сам В. В. Бартольд справедливо считал, что его «Очерк» в ряде случаев дал исчерпывающую картину истории Семиречья, а порой и всей Средней Азии.

В 1897 г. В. В. Бартольд редактировал и внес ценные примечания в «Историю Бухары» Наршахи, переведенную на русский язык Н. Лыкошиным. Нужно отметить, что первый перевод труда Наршахи на один из западноевропейских языков²⁰⁸ появился более чем через полстолетия после издания его на русском языке.²⁰⁹

В 1899 г. выходит в свет перевод В. В. Бартольда работы Стэнли-Лэн-Пуля под названием «Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями». «Многочисленные примечания и дополнения переводчика, особенно о правителях Прикаспийских областей, Закавказья и Средней Азии, — пишет И. И. Умняков, — сделали эту книгу настольной для востоковедов всех специальностей».²¹⁰

1898 г.—важная веха в жизни и деятельности В. В. Бартольда. В этом году выходит в свет первая часть его наибо-

лее капитальной работы — «Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1, Тексты», содержащая собрание выписок из сочинений восточных авторов (по рукописям русских и зарубежных библиотек). Большинство приведенных отрывков были извлечены из текстов, которые в то время еще не были опубликованы, порой по уникальным экземплярам рукописей. Благодаря этому первая часть приобретала самостоятельное значение, ибо давала в руки широкого круга востоковедов подборку важнейших текстов по истории Средней Азии, отобранных и изданных таким первоклассным знатоком, как В. В. Бартольд. В. Л. Вяткин отмечал, что особенную ценность этот труд имел для туркестанских востоковедов, предоставляя им возможность ознакомиться с до того времени недоступными им выписками из первоисточников.²¹¹ Вместе с тем о большой скромности В. В. Бартольда свидетельствует тот факт, что он к этой работе относился весьма критически.

19 ноября 1900 г. В. В. Бартольд защитил диссертацию на тему: «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». За эту работу он был удостоен степени доктора истории Востока.

Судя по черновой записи, сохранившейся в архиве, свою речь при защите диссертации В. В. Бартольд закончил следующими словами: «Может быть, скромные труды русских ориенталистов еще более, чем другие успехи русской культуры, будут содействовать мирному сближению народов Востока с Россией и наступлению того, пока еще очень отдаленного дня, о котором мечтал наш великий поэт, дня, когда все народы России, в числе их «и ныне дикий тунгуз, и друг степей калмык», соединятся для поклонения великому представителю русокой культуры, и будут поклоняться ему именно за то, что он «в сей жестокий век восславил свободу и призывал милость к падшим», т. е. за служение общечеловеческим идеалам».²¹²

Хотя и не все приемлемо для нас в этом отрывке, все же общее направление, отраженное в нем, безусловно, было для своего времени очень прогрессивным.

Об этой защите мы располагаем рассказом В. Р. Розена. Он писал: «В. В. Бартольд в октябре 1900 года предложил факультету для соискания степени магистра истории Востока сочинение в 2 томах под названием «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Факультет признал защиту удовлетворительной, и ...в виду выдающихся достоинств этого сочинения, предложил совету университета ходатайство о возведении В. В. Бартольда в звание доктора истории Востока... ходатайство факультета было уважено советом в заседании 18 декабря 1900 г.

«Туркестан» В. В. Бартольда действительно является весьма крупным вкладом в науку и делает высочайшую честь его автору».²¹³

Говоря об этой защите, А. Руднев также писал: «О достоинствах разбираемого сочинения (Туркестан в эпоху монгольского нашествия) достаточно свидетельствует то обстоятельство, что факультет, удалившись для совещания, вынес постановление, удостоив магистранта искомой степени, ходатайствовать перед советом университета о возведении Бартольда в степень доктора истории Востока. Ходатайство было уважено».²¹⁴ На диспуте выступили официальные оппоненты проф. Н. И. Веселовский и проф. В. А. Жуковский. Первый оппонент проф. Н. И. Веселовский в своем выступлении справедливо говорил, что «ни один новый исследователь средневековой истории Туркестана не пройдет мимо книги В. В. Бартольда».²¹⁵

Блестящая защита В. В. Бартольдом диссертации была в свое время отмечена и на страницах туркестанской печати, где говорилось: «С искренней радостью приветствуем блестящий успех уважаемого ученого, который посвятил свои силы и свой талант изучению именно нашего края. Мы лично особенно склонны ценить В. В. Бартольда за то, что он, будучи истинным ученым, не замыкается в недоступной для простых смертных сфере, а охотно не только поддерживает связь с более скромными труженниками одного с ним дела, но и не отказывает им в своем руководстве и помощи. Это делает истинную честь В. В. Бартольду и, наверно, принесет пользу делу изучения нашего края».²¹⁶

Члены Туркестанского кружка любителей археологии в своем поздравительном письме, адресованном В. В. Бартольду в связи с присвоением ему звания доктора истории Востока писали, что они считают «приятным долгом» приветствовать его с удостоением ученой степени доктора истории Востока и благодарить за «ученый труд, в котором находят первый источник для своих будущих археологических изысканий».²¹⁷ Вместе с тем его извещали, что он был избран в почетные члены кружка.

Члены Туркестанского отдела Русского географического общества в своем приветственном письме по случаю 25-летия защиты докторской диссертации академиком В. В. Бартольдом так формулировали значение его труда: «Вы впервые дали строго научное построение средневековой истории Туркестана в связи с физико-географическими и этнографическими условиями. Мало того, лично проработав громадную, кропотливую работу по изучению, критическому сопоставлению и даже отчасти переписыванию мусульманских источников, в значи-

тельной массе своей неизданных и рассеянных в виде рукописей по различным книгохранилищам Европы, Вы пожелали облегчить путь дальнейших исследований и предпослали Вашим историко-географическим выводам тот трудно доступный материал, на основании которого эти выводы были сделаны, именно сборник важнейших подлинных текстов. Не удивительно, что Ваш труд получил заслуженную оценку: Вам была присуждена университетом степень доктора истории Востока, и Вы заняли самостоятельную кафедру.

Значение Вашего труда подчеркивается тем обстоятельством, что на него опирались все последующие исследования, касавшиеся средневекового Туркестана...».²¹⁸

В. В. Бартольд в своем ответе вице-председателю Туркестанского кружка любителей археологии Н. П. Остроумову писал:

«Позвольте мне, через ваше посредство, выразить свою глубокую благодарность моим дорогим сочленам по Туркестанскому кружку любителей археологии за любезное поздравление и в особенности за неожиданную честь, которую они мне оказали и которой я, как мне кажется, еще далеко не успел заслужить своими трудами. Буду считать себя вполне удовлетворенным, если мой скромный труд будет содействовать специалистам и местным труженикам и дальнейшим успехам нашей науки, без которых моя книга, являющаяся только первым шагом на пути к намеченной цели, не имела бы никакого значения.

Уважающий Вас В. В. Бартольд. С.-Петербург, 22-го декабря 1900 г.».²¹⁹

Такова была самооценка В. В. Бартольда, поразительная по своей скромности.

Вторая часть диссертации была опубликована в 1900 г. под названием «Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, Исследование».

В 1931 г. «Туркестан» был переведен на узбекский язык.²²⁰

Высокую оценку «Туркестан» получил и за рубежом. Это побудило английских ориенталистов перевести книгу на английский язык, причем для редактирования перевода автор был приглашен в Лондон. Вторая часть «Туркестана в эпоху монгольского нашествия. Исследование» была издана на английском языке с некоторыми авторскими добавлениями в 1928 г. в виде пятого тома новой серии гиббовских мемориальных серий.²²¹ Узнав о переводе «Туркестана в эпоху монгольского нашествия», проф. А. А. Семенов писал В. В. Бартольду: «На днях получил Ваше письмо от 15 января. От души радуюсь, что Ваш «Туркестан» увидит 2-е издание, по-ви-

димому, с важными Вашими дополнениями и хотя это издание будет и на чужом языке, но для науки это не существенно».²²² Сам В. В. Бартольд писал Ф. А. Розенбергу, что «английское издание («Туркестан»), где много прибавлено, вероятно, будет еще объемистее».²²³ В предисловии к первому английскому изданию крупный английский востоковед Денисон Росс назвал это исследование «трудом, который делает эпоху». Сейчас этот труд вновь переиздан в Англии, готовится его новое издание на русском языке.

Значение «Туркестана» для советской науки четко сформулировал проф. И. И. Умняков.

«После его («Туркестана». — Н. А.) появления вообще невозможно заниматься каким бы то ни было вопросом истории Средней Азии за время VII — XIII вв., не беря исходной точкой выводы автора этого труда».²²⁴

На чем базируются все эти столь высокие оценки?

В истории каждой науки рано или поздно появляются труды, которые оказываются основополагающими. Именно таким трудом для изучения средневековой Средней Азии явился труд В. В. Бартольда. Его содержание намного шире того, что следует из заглавия. Автор дал детальную характеристику письменных первоисточников, относящихся к эпохе от арабского завоевания и вплоть до источников эпохи тимуридов. В книге имеется обширный историко-географический очерк Мавераннахра — непревзойденный и незаменимый справочник по истории отдельных городов и областей, средневековым путям сообщения. Очерк включает немало сведений по торговле, ремеслу и экономике в целом. Основная же часть труда посвящена изложению исторических событий на территории Средней Азии, начиная с эпохи, непосредственно предшествующей арабскому завоеванию, и кончая завоеванием Средней Азии монгольскими полчищами Чингиз-Хана, т. е. с VII и до первой четверти XIII вв. Менее подробно описано состояние Средней Азии накануне арабского нашествия, и именно эта часть сейчас имеет наименьшую ценность, ибо современные представления о «домусульманской» Средней Азии в значительной степени основываются на результатах работ советских археологических экспедиций. Такой важнейший период в истории таджикского народа, как саманидский, был впервые и притом блестяще (этот эпитет по отношению к данной части труда Бартольда не раз употреблял А. Ю. Якубовский) с использованием колоссального круга источников, исследован именно в данном труде В. В. Бартольда. Советские историки широко используют собранные в этом труде материалы по политической и этнической истории народов Средней Азии. Следует особо

подчеркнуть ценность приведенных В. В. Бартольдом материалов по социально-экономической истории, в частности о структуре центрального аппарата саманидского государства, народных движениях и т. д. Разумеется, советские историки и общенациональные концепции В. В. Бартольда, нашедшим отражение в этом труде, относятся критически.

Не прекращая преподавательской деятельности (защита диссертации открыла перед В. В. Бартольдом путь к профессуре: 10 августа 1901 года он был назначен экстраординарным, а 21 января 1906 года — ординарным профессором),²²⁵ В. В. Бартольд с еще большей энергией отдается любимому делу — изучает рукописи, в поисках которых совершает поездки, на Кавказ и Среднюю Азию, продолжает свои исследования в крупнейших рукописохранилищах в России и за рубежом, участвует в археологических работах в Средней Азии. Одна за другой выходят его книги и статьи.

Громадное значение, которое в жизни Туркестана имела Аму-Дарья, побудило В. В. Бартольда обратить внимание на вопрос об изменениях в направлении Аму-Дарьи и истории расположенного в низовьях Аму-Дарьи Хорезма. Этой проблеме он посвятил целую книгу (1902 г.) «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века».²²⁶ Она с дополнениями была переведена на немецкий язык и издана в 1910 г. под заглавием «Nachrichten über den Aral-See und den unteren Lauf des Amu-Darja». С именем В. В. Бартольда связан еще ряд работ по вопросу об Аму-Дарьинской проблеме.²²⁷ В них автор подверг детальному рассмотрению вопрос о том, впадала ли Аму-Дарья в Каспийское море (в историческое время). В связи с этим В. В. Бартольд мобилизовал огромный материал по истории и исторической географии Хорезма и соседних областей. Он внимательно проанализировал данные источников по гидрографии, истории, ирригации и т. д. Нужно отметить, что В. В. Бартольд не столько интересовался вопросом о том, впадала ли Аму-Дарья в Каспийское море, сколько историческими событиями, происходившими в этих краях. Сам В. В. Бартольд так формулировал поставленные перед собой задачи: «Я стараюсь поставить вопрос на другую почву и собрать не столько известия о том, куда впадала Аму-Дарья, сколько известия о местности и о событиях, происходивших в ней в ту эпоху, когда река впадала в Каспийское море, чтобы получить ясное представление о характере местных условий со слов авторов, для которых вопрос о том, куда впадала Аму-Дарья, не имеет никакого значения».²²⁸

Но письменные источники, хотя и собранные и проанализированные таким мастером, как В. В. Бартольд, не позволили дать ясного и достаточно подробного ответа даже на те вопросы, которые перечислены в цитированном выше письме. Отысканность и во многих случаях неясность сведений источников приводили к тому, что ни история реки в ее нижнем течении, ни, тем более, история древнего и средневекового Хорезма и прилегающих местностей не могли быть детально охарактеризованы. Положение изменилось лишь в советское время, в связи с колоссальными по масштабу археологическими работами, проведенными здесь Хорезмской археологической этнографической экспедицией под рук. С. П. Толстова. Привлечение совершенно недоступного В. В. Бартольду археологического и нумизматического материала, появившегося лишь в процессе этих работ, позволило не только иначе интерпретировать данные письменных источников, но и нарисовать несравненно более широкую и глубокую картину исторического развития Хорезма и соседних областей, как одного из крупнейших очагов среднеазиатской цивилизации. Намного более сложной, чем это представлялось столетия назад, оказалась и история Аму-Дарьи в ее низовьях. Разумеется, все эти достижения стали возможны лишь благодаря применению марксистского метода к анализу конкретного исторического материала.²²⁹ Указывая на эти достижения советской науки, мы ни в какой мере не хотим умалить значения трудов В. В. Бартольда, до сих пор оставшихся ценным справочником при изучении письменных источников по средневековой истории Хорезма.

В. В. Бартольд не ограничивался изучением истории одной Средней Азии. Много его работ посвящено средневековой истории других народов Востока. Среди них важное место занимает напечатанный в 1903 г. «Историко-географический обзор Ирана», являющийся переработанным для печати курсом лекций. В предисловии к нему В. В. Бартольд писал, что «пока первоисточники большей частью еще не изучены и не исследованы, задача подобного рода труда должна ограничиваться изложением понятия о географических условиях этих стран (речь идет о Средней Азии и Иране.—Н. А.), выяснить, насколько возможно, зависимость исторической жизни от этих условий, определить время процветания и упадка важнейших городов и сопоставить известия о прошлом отдельных областей (в связи с описанием существующих в памятниках того прошлого) с данными о их современном положении».²³⁰ Фактически значение этого труда далеко вышло за пределы тех рамок, которыми хотел ограничить себя сам исследователь. По

справедливому замечанию А. Е. Крымского, этот труд академика Бартольда «есть достаточно выразительная картина культурно-экономической истории Персии (только разбитой географически по областям), а не просто историко-географический обзор». ²³¹

Отклики на эту работу появились в туркестанской ²³² и иранской печати. ²³³

Следует особо подчеркнуть, что В. В. Бартольд был истинным рыцарем-защитником интересов и приоритета отечественного востоковедения. В общих и специальных историографических трудах он неустанно показывал, как велики достижения русской науки в области изучения истории Востока, и в частности Средней Азии.

В серии работ, напечатанных в немецком издании «Mittheilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin», В. В. Бартольд знакомил зарубежных ученых с русскими изданиями по востоковедению, реферируя опубликованные в столицах и в провинции сборники статей, журналы и т. д. «Особое внимание,— писал В. В. Бартольд,— обращаем мы на труды, опубликованные в провинциальных городах (Казань, Тифлис, Ташкент и др.). Даже в Петербурге получают немногие экземпляры этих трудов, а для зарубежных ученых, если они и знают русский язык, эти издания остаются неизвестными». ²³⁴

Общий обзор состояния и задач в области изучения истории Средней Азии делался В. В. Бартольдом неоднократно, в том числе в 1914 г. в статье для одного немецкого издания (в этой статье освещается и Восточный Туркестан). ²³⁵

Особое значение в этом плане сыграло появление в 1913 г. немецкого перевода сводного труда В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России», и многочисленные статьи В. В. Бартольда в международном издании «Энциклопедия Ислама» (1913 — 1936 гг.). ²³⁶

Не используя достижений русского востоковедения, западные востоковеды обедняли, а порой и искажали историю народов Востока. Низкопоклонствующие перед всем иностранным царские чиновники, послушные исполнители воли царского правительства, игнорировали и третировали русских ученых-востоковедов и при наличии в России талантливых и эрудированных специалистов для решения тех или иных задач приглашали иностранцев, порой случайных людей. С этим В. В. Бартольд вел страстную борьбу, ибо он, говоря словами Н. Я. Марра, «фальши никому не спустит, будь он родной брат: везде и всегда огрызнется, скажет в упор, отрежет, обожжет — не скоро забудут ожоги». ²³⁷

В. В. Бартольду принадлежит заслуга критической оценки работ американской экспедиции в Туркестане 1903 г. под руководством Р. Помпелли.

В связи с приездом американской экспедиции в Среднюю Азию В. В. Бартольд направил письмо членам Туркестанского кружка любителей археологии, в котором говорилось, что пока нет основания «мешать американцам осматривать край, но приступить к раскопкам им, по всей вероятности, не разрешат». ²³⁸ В. В. Бартольд опубликовал специальный разбор тома трудов этой экспедиции, где он, в частности, писал, что «среди участников экспедиции... не было ни одного знатока истории Средней Азии...; в отчете самого профессора Помпелли проявляется полное незнание как с прошлым Средней Азии, так и с ее современным положением» и констатировал «отсталость основной точки зрения экспедиции и полное отсутствие фактических сведений о прошлом страны». ²³⁹

Б. А. Литвинский, подводя итоги работы названной экспедиции за следующий, 1904 г., пишет: «В целом американская экспедиция под руководством Р. Помпелли своими хищническими раскопками, разрушившими ценнейший памятник (речь идет об Анау.—Н. А.) и своими «фундаментальными» отчетами, введенными в заблуждение многих легковверных археологов, нанесла серьезный ущерб изучению энеолита и бронзового века юга Средней Азии». ²⁴⁰

В этой связи следует указать также на многочисленные рецензии В. В. Бартольда на книги и статьи зарубежных авторов. В. В. Бартольд гневно и страстно критиковал всякие проявления расистских взглядов, поверхностное знакомство с источниками, игнорирование работ русских ученых.

Критические выступления В. В. Бартольда были настолько научны и справедливы (хотя и очень резки), что лица, подвергшиеся критике, обычно вспоминали о ней лишь с благодарностью. Так, например, известный востоковед В. Минорский однажды с большой поспешностью составил библиографию трудов немецкого ученого И. Маркварта. В результате спешки в библиографии было много упущений. В. В. Бартольд, ознакомившись с названной работой В. Минорского, тут же послал составителю письмо, в котором дал критический разбор. В. Минорский вспоминает, что В. В. Бартольд до того рассердился, что «даже забыл подписать личное письмо». Далее В. Минорский пишет, что эта критика была для него превосходным уроком, и он немедленно исправил свою библиографию.

Как мы в начале данной работы сказали, В. В. Бартольд отнюдь не был чисто кабинетным ученым, замкнувшимся в

колбу своей науки. События окружающей его кипучей жизни, конечно, живо интересовали ученого.

В этой связи существенно отметить, что именно в грозные годы первой русской революции В. В. Бартольд обратился к изучению истории классовой борьбы и дважды опубликовал статьи, посвященные народному движению в Самарканде в 1365 г.²⁴¹ Бартольд, характеризуя сарбадаров, считает их (и справедливо) представителями общенародного движения против внешнего врага — монголов и властителей — эмиров; движущими силами событий, по его мнению, являлись прежде всего студенты и ремесленники. В своем обобщающем труде по истории таджикского народа Б. Г. Гафуров именно так характеризует движение сарбадаров и весь ход событий, полностью присоединяясь к мнению В. В. Бартольда.²⁴²

Другой советский автор, Л. В. Строева, написавшая о сарбадарах Самарканда специальное исследование, в вопросе о движущих силах и характере движений также полностью присоединилась к выводам академика В. В. Бартольда²⁴³ (об ограниченном характере понимания В. В. классовой борьбы смотри в начале настоящей работы).

В 1909 г. под редакцией В. В. Бартольда выходят в свет «Материалы для истории факультета восточных языков», т. 4, к которому он приложил, кроме обзора деятельности факультета восточных языков С.-Петербургского университета за период 1855 — 1905 гг., обзор истории востоковедения в России до 1855 г.

В 1911 г. опубликована работа «История изучения Востока в Европе и России», которая посвящена истории отношений между Россией и странами Востока и обзору трудов по изучению Востока.²⁴⁴ На основании отзыва проф. Н. И. Веселовского автору этой книги в 1913 г. была присуждена большая золотая медаль Русского археологического общества.

В 1914 г. В. В. Бартольд написал работу (собственно, доклад) под названием «Задачи русского востоковедения в Туркестане». Подводя итоги историко-археологического изучения Средней Азии, он говорил, что еще в 1868 г. А. К. Казембек «...внес в факультет восточных языков подробный план изучения Туркестана; он предлагал, во-первых, извлечь из трудов арабских географов известия о культурных областях за Аму-Дарьей; во-вторых, в течение нескольких лет командировать в Туркестан, на летнее вакационное время, трех или четырех молодых ориенталистов, под руководством опытного профессора, для изучения памятников древности и для собирания рукописного, лингвистического, этнографического, нумизматического и эпиграфического материала».²⁴⁵

«Казембек был убежден, — говорит В. В., — что там в Самарканде, в Ташкенте и соседних городах скрывается множество манускриптов, от которых дошли до нас одни лишь названия, там на стенах мечетей и примечательных зданий много надписей, которые могут разрешить некоторые темные исторические вопросы; там можно раскрыть много драгоценностей по части лингвистики, по части нумизматики и по части этнографии».²⁴⁶ Однако, отмечал В. В. «...научные задачи, намеченные почти полвека тому назад, до сих пор остаются неисполненными»,²⁴⁷ памятники старины не поддерживались и не охранялись.

Названная работа заканчивалась призывом: «Долг великой страны вести все свое население, без различия национальностей, не назад, а вперед; но тщательное изучение культуры былых времен и бережная охрана памятников этой культуры остается одним из основных признаков культурного государства».²⁴⁸

В 1913 — 1914 гг. Василий Владимирович опубликовал другую работу «К истории орошения Туркестана».²⁴⁹ Это одна из наиболее фундаментальных работ ученого. Как и «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», это исследование по своему содержанию шире, чем следует из его названия. Автор привлек для написания этого труда разнообразные сведения письменных источников, начиная от древнеиранских и римских и кончая русскими XIX — нач. XX вв. Изложение сведений по истории ирригации ведется на широком историческом и историко-географическом фоне, причем сведения по исторической географии отдельных областей включают немалый добавочный материал по отношению к «Туркестану». Ценность этой работы состоит также в том, что в ней сконцентрировано множество сведений по истории сельского хозяйства Средней Азии в целом.

Следует также отметить статью-монографию «О погребении Тимура»,²⁵⁰ где изложены письменные известия, относящиеся к Тимуридам, в частности к погребению Тимура и Тимуридов, о мавзолее Гур-Эмир. В 1915 г. В. В. Бартольд опубликовал статью «Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток»,²⁵¹ являющуюся одной из немногих опубликованных работ В. В. Бартольда, специально посвященных древней Средней Азии.

Общественно-научная работа

Наряду с громадной исследовательской работой В. В. Бартольд активно участвовал в организационной и общественно-научной работе.

В. В. Бартольд уделял много внимания Восточному отделению русского археологического общества — одному из важнейших центров русского востоковедения. С осени 1894 г. он являлся членом общества,²⁵² присутствовал на его заседаниях, выступал с докладами, принимал участие в обсуждении научных сообщений. Многие его статьи и рецензии были опубликованы в органе общества — «Записках». На протяжении восьми лет (от 22 декабря 1905 г. до 28 февраля 1913 г.) В. В. Бартольд был секретарем Восточного отделения,²⁵³ пяти лет (1908 — 1912) — редактором «Записок».²⁵⁴

В 1910 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук,²⁵⁵ а 12 октября 1913 г., на основании представления, сделанного В. В. Радловым, К. Г. Залеманом, С. Ф. Ольденбургем и Н. Я. Марром, — действительным членом Академии наук.²⁵⁶

В 1912 г. В. В. Бартольд был назначен редактором журнала «Мир Ислама». По этому поводу И. Ю. Крачковский пишет: «Почти на весь год он целиком ушел в работу по журналу и не жалел для него ни времени, ни сил... К сожалению, уже через год попытка была насильственно прекращена».²⁵⁷ Далее И. Ю. Крачковский подчеркивает, что хотя журнал существовал всего один год, но он оставил крупный след в науке и некоторые его материалы были переведены на ряд иностранных языков.

В. В. Бартольд был не только патриотом-ученым, глубоко преданным науке. Он также не скрывал своих антипатий к царскому режиму, его политике в Средней Азии и т. д. Он живо интересовался историей народных движений. Все это было прекрасно известно в правительственных кругах, и они относились к В. В. Бартольду, тогда уже всемирно-известному ученому, с обычной в царской России бесцеремонностью. Например, министр «Макаров призвал Бартольда как редактора «Мира Ислама» и при попытке образумить получил от Бартольда, — пишет Н. Я. Марр, — по тем временам строптивного академика, — весьма резкую отповедь с указанием на то, что «Мир Ислама» популярный, но научный орган, а делаемые ему указания министр внутренних дел может преподать органам своего ведомства. Тогда и произнес министр Макаров знаменательные слова: «Если бы нам понадобилась наука, то мы не к вам обратились бы, а на Запад». Министр не был осведомлен, что востоковедов-историков калибра Бартольда на Западе не было ни одного. Бартольд был смещен с редакторства».²⁵⁸

В. В. Бартольд и до этого предвидел, что в дальнейшем журнал погибнет «насильственной смертью». После выхода в

свет первого номера журнала своим научным друзьям-туркестанцам он писал: «Номер журнала вышел и послан Вам; здесь отзывы о нем, насколько мне известно, вообще благоприятные даже со стороны властей, чего я не ожидал».²⁵⁹ Далее он пишет: «Я вполне признаю, что дело в том виде, как мы его поставили, крайне непрочное, что оно мало соответствует желаниям как общества, которым издается журнал, так и министерства, на средства которого он издается».²⁶⁰

В. В. Бартольд говорил: «Журнал не будет ни мусульманским, ни противомусульманским; его задача, как говорится в приготовленной мною для первого номера статье, излагать события прошлого, как они выясняются при свете европейской исторической критики, и события настоящего, как о них повествуют подлинные документы и достоверные, по возможности, беспристрастные свидетели».²⁶¹

О дальнейшей судьбе журнала В. В. Бартольд рассказывает в следующих словах: передача журнала новому редактору явилась «вмешательством грубой и невежественной силы... Едва ли в настоящее время торжество невежества было возможно в какой-нибудь европейской стране... Не думаю, чтобы турецкий министр мог заявить ученому своего народа, как мне заявил Макаров, что научная литература на отечественном языке вовсе не нужна и что с наукой можно знакомиться по заграничным изданиям».²⁶² В другом письме, добавляя, пишет: «Ваше мнение о моем «благодущии» не вполне соответствует действительности: кстати, для благодущия пока нет поводов; редко какое правительство вело такую упорную борьбу с наукой и вызывало против себя среди ученых такое единодушное негодование, как наше».²⁶³

Спустя три года, упоминая об этом журнале, В. В. Бартольд пишет: «Появление на русском языке (в 1912 г.) журнала по исследованию было встречено сочувственно во Франции и Германии; в России существование журнала уже к концу первого года было признано излишним, и его бывшему редактору пришлось выслушать от сановника слова: «Если бы нам понадобилась наука, то мы не к вам обратились бы, а на Запад». В действительности иностранная наука не давала никаких сведений именно о той части мусульманского мира и о тех мусульманских движениях, которые ближе всего касались России».²⁶⁴

Вся эта позорная история наглядно показывала желание царского правительства превратить русское востоковедение в «служанку самодержавия», заставить востоковедов выступать в неблагоприятной роли пропагандистов и трубадуров реакционной политики и идеологии. Разумеется, В. В. Бартольд с него-

дованием отказался от этого. Существует и другая сторона дела: пренебрежение к русской науке и русским ученым, ярко выявившиеся в словах министра Макарова. Они были обращены к В. В. Бартольд, тому самому ученому, которого редакция международной «Энциклопедии ислама» просила (несмотря на отказы В. В.) принять участие в ее составлении, аргументируя это тем, что «...на Западе по этим вопросам... (т. е. по вопросам истории народов Востока—Н. А.) своих нет специалистов и что без участия русских ученых эти отделы в энциклопедии не могли бы быть разработаны».²⁶⁵

Будучи честным и прогрессивным ученым, абсолютно чуждым расовым концепциям и малейшему пренебрежению к народам Востока, наоборот, высоко оценивающим их культуру, В. В. Бартольд глубоко возмущался равнодушием, а чаще враждебностью, с которыми относились царские власти к истории и культуре народов Средней Азии, к отечественному востоковедению.

В 1900 г. в одном письме В. В. Бартольд, мечтая, писал: «Может быть, когда-нибудь настанет время, когда ревнителям изучения среднеазиатской истории уже не будет надобности вести борьбу с равнодушием окружающих; но это время еще не наступило не только для Ташкента, но и для Петербурга».²⁶⁶ Через 15 лет, окончательно убедившись в тщетности своих надежд, он открыто выдвинул в печати обвинение царскому правительству в проведении реакционной политики: «Под влиянием общей реакции,— писал ученый,— возобновилось прежнее недоверие к русской научной мысли, прежнее преклонение перед иностранными учеными в ущерб русским».²⁶⁷

«Представители русской власти нередко видели главную опасность для русского господства именно в прогрессивных элементах мусульманского общества, оказывали поддержку мусульманам-староверам, считая только их верными России, и принимали от них доносы против их прогрессивных единоверов».²⁶⁸

Известно, что при посещении Самарканда Туркестанским генерал-губернатором Самсоновым показывавший ему самаркандские памятники археолог В. Л. Вяткин обратил внимание царского чиновника на необходимость отпуска средств для ремонта и поддержки замечательных самаркандских памятников. Самсонов ответил на это решительным отказом, мотивируя, что в интересах «русской государственности» не поддержание, а разрушение их. Мнение генерал-губернатора тотчас было подхвачено частью свиты, а адъютант в порядке «остроумного предложения» высказал свои соображения о применении для этой цели артиллерийского огня».²⁶⁹ В. В. Бартольд

во время своей первой поездки в Среднюю Азию с научной целью пришлось столкнуться с холодным и пренебрежительным отношением царских чиновников. Так, например, во время визита к помощнику Джаркентского уездного начальника В. К. Иванову со стороны последнего В. В. Бартольд был оказан «более чем холодный прием» и В. К. Иванов сказал ученому, что ему некогда «взвиться» с ним.²⁷⁰ Эти факты были отнюдь не единичными. Именно поэтому В. В. Бартольд писал: «Молодое русское востоковедение, горячо желавшее работать на пользу родной страны, встречало или отпор, или такое сочувствие, от которого еще больше опускались руки».²⁷¹

В. В. Бартольд имел большое гражданское мужество не скрывать своих общественно-политических взглядов. Так, в 1906 г. он выступил в печати с призывом, которой в то время должен был звучать как революционный. Он писал тогда, что положение науки в России может быть улучшено «только путем изменения всех условий русской жизни».²⁷² Вместе с тем было бы неправильным переоценивать значение этого и других критических высказываний В. В. Бартольда о царском режиме. В. В. Бартольд отнюдь не был революционером, его критика велась с позиций буржуазного либерализма. Но даже такие выступления требовали известного гражданского мужества и вызывали подозрительность со стороны царской охранки.

Может быть, эти относительно прогрессивные взгляды В. В. Бартольда были причиной того, что во времена столыпинской реакции в 1909 г. жандармы провели в квартире тогдашнего ординарного профессора В. В. Бартольда политический обыск. После него В. В. Бартольд подал следующее заявление ректору С.-Петербургского университета:

«Заявление.

Считаю долгом уведомить Ваше превосходительство, что сегодня 28 февраля (1909 г.) утром в моей квартире (Вас. Остр., 4 лин., 7, кв. 4) был произведен политический обыск, по предписанию начальника С.-Петербургского охранного отделения, согласно требования начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления от 13 февраля, № 12499. Причины, которыми было вызвано это требование, мне объявлены не были и остаются мне совершенно неизвестными. При обыске ничего преступного найдено не было, о чем и занесено в протокол. Часть моей переписки взята для просмотра в охранное отделение.

28 февраля 1909 г.»²⁷³

Автору данной работы, несмотря на поиски, не удалось обнаружить в архивах жандармское предписание на обыск или какие-либо полицейские документы, связанные с именем В. В. Бартольда, так что причины политического обыска остаются невыясненными. Н. Н. Ошанина (дочь Н. П. Остроумова) в беседе с автором высказала мнение, что это событие может быть связано с деятельностью брата В. В. Бартольда—Б. В. Бартольда—участника студенческих выступлений против царского правительства.

Глава третья

В. В. БАРТОЛЬД В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

После победы Великой Октябрьской социалистической революции перед партией и правительством стояла задача возродить к новой жизни науку, сделать ее достоянием масс. Ликвидировав все формы гнета—классового, национального, военного, Октябрьская революция не могла оставить народ в цепях духовного рабства, под гнетом темноты и невежества, предрассудков и религиозного дурмана. В программе партии стоял вопрос о ликвидации культурной отсталости и об удовлетворении духовных потребностей людей.

Решить эти задачи, стоявшие перед диктатурой пролетариата в нашей стране, было возможно только при условии использования культурного наследия, являвшегося базой, исходным пунктом для дальнейшего движения вперед.

Но для того чтобы превратить культурное наследие капитализма в орудие диктатуры пролетариата, необходимо было располагать кадрами, овладевшими этой культурой.

Именно поэтому основатель и вождь Советского государства В. И. Ленин придавал огромное значение делу привлечения на сторону советской власти лучшей части старой буржуазной интеллигенции, в том числе передовых ученых.

Еще в 1897 г. в работе «От какого наследия мы отказываемся?», в 1902 г. в работе «Что делать?», в 1914 г. в статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин определил отношение пролетариата и его партии к культурному наследию и представителям буржуазной интеллигенции. В этих работах, как и в последующих, В. И. Ленин предупреждал, что всякий, кто отвергает культурное наследие, прерывает историческую преемственность поколений и обрекает человечество на регресс.

В. И. Ленин считал, что назвать себя коммунистом, культурным передовым советским человеком может лишь тот, кто обогатит «свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».²⁷⁴

В. И. Ленин в своей речи на собрании уполномоченных московского центрального рабочего кооператива 26 ноября 1918 г. говорил: «Мы строим власть из элементов, оставленных нам капитализмом. Мы не можем строить власть, если та-

кое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано».²⁷⁵

Использование старой, буржуазной интеллигенции В. И. Ленин рассматривал как одну из основных форм классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата.²⁷⁶ «Но эта классовая борьба,—говорит И. С. Смирнов,—не борьба с интеллигенцией, а борьба за интеллигенцию. От умения привлечь старых специалистов на службу народу, а затем и увлечь их великими задачами коммунистического строительства в значительной степени зависело решение проблемы овладения культурным наследием, использование его в интересах народа, выращивание новых кадров из среды рабочих и крестьян».²⁷⁷

В. И. Ленин об условиях и трудностях Советской власти в первые годы ее существования сказал: «Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хороших, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика.

Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им закалены к борьбе... все агрономы, инженеры, учителя—все они брались из имущего класса; не из воздуха они упали! Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника—для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из этого материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего...

И если вы не постройте коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны...

Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство—в руках специалистов и в их головах».²⁷⁸

В. И. Ленин в своей речи на VIII съезде РКП(б), на I Всероссийском совещании по партийной работе в деревне и на

VIII Всероссийской конференции РКП(б) подробно проанализировал вопрос об использовании и привлечении на сторону советской власти буржуазной интеллигенции и ученых, он повторял, что «без наследия капиталистической культуры нам социализм не построить. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм».²⁷⁹ При этом В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что творчески используя старую культуру человечества, особое внимание следует уделять созданию и развитию новой культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, умело сочетая старые кадры с молодыми.

Эти слова В. И. Ленина стали заветом для партии и народа. Они выполнялись с таким же беззаветным мужеством и неукротимой волей, как и все заветы по построению социалистического общества.

Выполняя указание партии и лично В. И. Ленина Народный комиссариат просвещения установил контакт с Академией наук и стремился выяснить нужды Академии и создать необходимые условия для ее успешной работы. Об этом, в частности, свидетельствует следующая запись в протоколе заседания Отделения исторических наук и филологии Академии от 10 IV 1918.

«Непременный секретарь доложил, что 2 апреля (27 марта) его посетил секретарь Совета Народных Комиссаров Н. П. Горбунов, по поручению Совета Народных комиссаров и его Председателя, и сообщил, что Совет Народных Комиссаров считает крайне желательным возможно широкое развитие научных предприятий Академии и приглашает Академию довести до сведения Совета об имеющихся предположениях экспедиций, предприятий и изданий Академией с тем, чтобы им могло быть оказано скорейшее содействие. Кроме того, Горбунов просил, чтобы Академия по этому же предмету снеслась с обществами и учеными учреждениями, как, например, Сельскохозяйственный ученый комитет, с которыми она поддерживает постоянные отношения. Со своей стороны он обещал принять все меры к тому, чтобы пожелания Академии и других ученых учреждений получили скорейшее удовлетворение».²⁸⁰

Далее говорится, что «Сообщение непременного секретаря вызвало, как видно из протокола, оживленные прения. Академики В. В. Радлов, А. С. Лаппо-Данилевский, П. К. Кокорцев, Н. Я. Марр и В. В. Бартольд выступили с конкретными предложениями, направленными на улучшение научной работы в области историко-филологических наук».²⁸¹

Так, например, В. В. Бартольд выступая на заседании, высказался по поводу необходимости установления связи между РАН и Туркестанской Публичной библиотекой, об охране находящихся в Средней Азии культурных ценностей.²⁸²

Автор полностью присоединяется к высказываниям Б. В. Лунина об отношении В. В. Бартольда к Октябрьской социалистической революции; В. В. Бартольд «воспринял социалистическую революцию (на этот счет не должно быть каких-либо иллюзий) настороженно и, собственно, враждебно».²⁸³ Архивные материалы свидетельствуют о том, что у В. В. Бартольда, как и у большинства представителей старой интеллигенции, послереволюционный путь был сложным и противоречивым.

С одной стороны, он, конечно, не мог не радоваться крушению царского режима, но с другой стороны, он, как буржуазный либерал, говоря его словами, далеко не все понимал и (нужно добавить) принимал в создавшемся рабоче-крестьянском государстве.

Эта сложность позиции и мировоззрения ученого нашла отражение и в его печатных высказываниях и в письмах, что породило и разноречивые оценки в советской историографии. Так, например, на расширенном заседании Отделения гуманитарных наук АН УзССР, происходившем в апреле 1951 г. анализируя наследство русской науки, некоторые из выступавших склонны были преувеличить отрицательные стороны В. В. Бартольда, другие, наоборот, преувеличивали положительные стороны мировоззрения и деятельности ученого, стремясь уберечь его от критики.²⁸⁴ В целом высказывания на этой дискуссии по адресу Бартольда были противоречивыми, что лишней раз подчеркнуло необходимость вдумчивого и всестороннего изучения его ценного наследства.

До сих пор в научной литературе, говоря о сложности и противоречивости позиции и мировоззрения В. В. Бартольда, авторы, собственно, ограничиваются удивлением. Нам представляется, что следует рассмотреть почву, которая породила эту противоречивость в позиции ученого. Необходимо иметь в виду состояние буржуазно-либерального направления историографии, представителем которого являлся сам Бартольд. Приведем характеристику А. Л. Шапиро, автора обобщающего труда по русской историографии в период империализма:

«Буржуазно-либеральное направление в историографии отражало стремление русской буржуазии к политической власти и к устранению препятствий, на которые наткнулся капитализм в условиях диктатуры помещичьего класса и самодержавно-чиновничьего господства».²⁸⁵

М. А. Бартольд, В. В. Бартольд и Н. Я. Марр в Анц.

Самодержавие, писал В. И. Ленин, ставило «тысячи препятствий широкому развитию производительных сил и распространению просвещения, возбуждая этим против себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазию...»²⁸⁶ В то же время самодержавие давало буржуазии возможность применять самые грубые формы эксплуатации и защищало ее от социализма. Поэтому отношение буржуазии к существовавшему в России строю было противоречивым и изменчивым, что отражалось и на взглядах и концепциях русских буржуазных историков. В этой связи нельзя не привести вновь слова Н. А. Смирнова: «Хотя целых двенадцать лет жизни Бартольд прожил при советском строе, в течение которых он честно и самоотверженно работал как ученый, но все же по своему мировоззрению он был и оставался ученым буржуазной востоковедческой идеалистической школы. Вот почему его труды, написанные после Великой Октябрьской социалистической революции, не несут следов существенных изменений во взглядах, по сравнению с его дореволюционными исследованиями».²⁸⁷

Архивные материалы (особенно переписка В. В. Бартольда с Н. Я. Марром и Н. П. Остроумовым) наглядно свидетельствуют о том, что В. В. Бартольд не сумел преодолеть своего в целом буржуазного идеалистического мировоззрения. Даже само слово «марксизм» страшно пугало ученого, и этот «испуг» перед марксизмом толкал В. В. Бартольда в сторону нарочитого «объективизма».

Преобладающее большинство дореволюционного ученого сословия десятилетиями воспитывалось в традициях полицейской опеки, и поэтому замыкалось, обыкновенно, в своих кабинетах и лабораториях, отмежевываясь от всякой «политики». Эти ученые добросовестно служили науке, уверенные в том, что наука и политика—две независимые одна от другой параллельные линии, ничего общего между собой не имеющие. В этом плане очень показателен один документ—обращение Центрального Совета секции научных работников в 1927 г.: «Всем укладом своего мирозерцания, складывавшегося в политической обстановке предреволюционной России, и условиями своей академической работы, оторванной от политической борьбы революционного авангарда за свержение самодержавия, работники умственного труда годами и десятилетиями подготавливались к «неприятию» пролетарской революции... Именно здесь крылся основной источник того, что работники умственного труда, как и большинство русской интеллигенции вообще, в лучшей своей части всегда мечтавшие о подлинной власти трудовых народных масс, не узнали этой

власти, когда она пришла в грозе и буре октябрьских дней».²⁸⁸

Нужно добавить, что «старая Россия боялась ученых, не верила им, ставила их в унижительное и тяжелое положение».²⁸⁹ Да и сами старые интеллигенты говорили; «Мы не можем не признать, что в нашем прошлом наша работа, ее постановка и все наше мировоззрение в значительной мере обособляли нас от всего остального мира. Мы были кабинетные, лабораторные люди... Мы, по крайней мере, весьма многие из нас, давно уже стояли сравнительно далеко от жизни;... и теперь даже, когда жизнь мощно и властно врывается в кабинет ученого, он часто старается ее не замечать... Ученый провозгласил уже давно «наука и политика ничего общего не имеют, мы политикой не занимаемся, в нашем научном мире политике нет места».²⁹⁰

В издании, появившемся в свет на рубеже второго десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции, самокритически говорилось: «Наш испуг есть главным образом результат нашей прежней жизни, тех форм, той обстановки, в которой шла наша ученая работа, наша жизнь кабинетных и лабораторных людей, стоявших далеко от широкой, шумной, мятежной общей жизни всей страны».²⁹¹

Нужно подчеркнуть, что этот «страх перед революцией» не помешал старой интеллигенции, в том числе В. В. Бартольду, делать искренне и убежденно большую и важную научную работу и отдавать немало сил работе, делу строительства советской культуры, и в частности востоковедения.

Акад. В. В. Бартольд хотя и после революции остался на своих прежних идеалистических позициях, но он продолжал упорно работать над историей народов Средней Азии, и в частности историей таджикского народа.

В трудах В. В. Бартольда собран и систематизирован огромный фактический материал, в них поставлены и частично разрешены многие спорные вопросы истории народов Средней Азии и Востока вообще. В этом отношении его труды представляют собой полезный и необходимый фонд для советской науки и могут быть с успехом использованы советскими исследователями, при условии строгой критической оценки его общетеоретических концепций, вытекающих из буржуазно-идеалистического мировоззрения.

Автору данной работы удалось обнаружить в Архиве АН СССР материалы, свидетельствующие о том, что В. В. Бартольд после революции все время старался держаться в рамках «нейтрального», вне политики стоящего академического «служения науке». Так, например, еще в 1920 году представители советской власти, высоко оценивавшие роль и авторитет

академика В. В. Бартольда в области изучения истории народов Средней Азии, старались привлечь его к работе Народного Комиссариата иностранных дел, по линии Туркестана и зарубежного Востока, о чем свидетельствует ниже приведенное письмо представителя народного комиссариата иностранных дел А. Н. Вознесенского, адресованное ученому. Вот текст этого письма:

«Глубокоуважаемый коллега.

Согласно моим переговорам с А. Н. Самойловичем, обращаюсь к Вам с товарищеской просьбой взять на себя труд по составлению записки на тему: «Взаимоотношения народов и культурных областей Туркестана и пути установления нормальных отношений как Советской власти в Туркестане к сопредельным странам, так и местных элементов населения между собой».

Записка эта, составленная столь авторитетным лицом, как Вы, я надеюсь, осветит нам многие вопросы, выдвигаемые ныне жизнью в Центральной Азии.

Кроме этого, нам вообще хотелось бы установить с Вами более близкий контакт, а может быть, если бы с Вашей стороны не было возражений, и привлечь Вас к активным работам по изучению Востока при Восточном отделе Народного комиссариата по иностранным делам.

Составление записки для нас очень важно, и чем скорее она могла бы быть написана, тем лучше в интересах дела.

С товарищеским приветом и глубочайшим уважением Ваш бывший ученик А. Вознесенский.»²⁹²

На это последовал ответ В. В. Бартольда. В нем говорилось:

«На Ваше письмо от 3 марта (1920 г.) за № 3254 принужден ответить, что я затруднялся бы составить записку под предложенным Вами заглавием, так как вопрос в такой постановке выходит из пределов моей компетенции. Чтобы говорить о «путях установления нормальных отношений Советской власти в Туркестане к сопредельным странам», надо быть свидетелем в вопросах текущей политики; между тем я как до, так и после революции стоял в стороне от политики. Чтобы говорить об отношениях «местных элементов населения между собою» в будущем, надо знать, как эти отношения фактически сложились в настоящее время; между тем я в последний раз был в Туркестане в 1916 г., т. е. еще до революции: о том, что произошло с тех пор, я располагаю только отрывочными сообщениями отдельных лиц; запоздалыми газетными сведениями и непроверенными слухами». Далее говорится, что автор письма не отказался бы от участия в обсуж-

дении исторических «вопросов, где требуются некоторые познания в области истории... Только как специалист по истории Востока я, как мне кажется, мог бы быть полезен Восточному отделу Народного комиссариата по иностранным делам».²⁹³

Вплоть до своей смерти «целей и задач новой, народной власти он то ли не понимал, то ли не хотел понять».²⁹⁴ В другом письме (датированном 1929 г.) В. В. Бартольд, упоминая о реформе Академии наук СССР, выражает свое несогласие с нею. В том же письме он пишет: «Хотя мне исполнилось всего 60 лет, я оказался слишком стар, чтобы усвоить и понять такого рода реформаторскую деятельность, и стараюсь как можно больше уклоняться от всяких «деловых» заседаний. Если я вообще смогу и впредь приносить какую-нибудь пользу академии и университету, то только работами по своей специальности».²⁹⁵ Плюс к этому В. В. Бартольд, хотя дважды посещал советский Туркестан (в 1920 и 1925 гг.), где собственными глазами видел размах строительства новой жизни, ухитрился и здесь встать в позицию «нейтралитета». «Культурный уровень населения также должен был существенно измениться и с этими изменениями мне тоже не пришлось подробно ознакомиться, хотя я имел возможность дважды посетить Туркестан—и при советском строе».²⁹⁶

Но вместе с тем, по справедливому выражению Б. В. Лунина, «жестко ошибся бы биограф Бартольда, который свел бы все дело к этой стороне взглядов Бартольда и к этим его высказываниям. Тогда бы мы не знали Бартольда — советского востоковеда. Внимательный же анализ послереволюционного периода жизни ученого свидетельствует, конечно, и о другой стороне дела. Новая жизнь не могла пройти мимо такого ученого и человека, каким был Бартольд. Огромный масштаб и величественные перспективы социалистических преобразований были слишком очевидными. Особенно поражали Бартольда неустанные искания Советской власти в области научного дела, стремление найти наилучшие его формы и всемерно расширить его. Дивило Бартольда, что в дни голода, холода и разрухи представители новой власти изо дня в день усиливали заботу о развитии науки».²⁹⁷ Все это постепенно изменяло первоначальную позицию В. В. Бартольда, он начал относиться с уважением к новым кадрам, выросшим из среды трудового народа, называл их своими внуками, учениками своих учеников. Несмотря на стремление ученого занимать позицию «нейтралитета» в области политики, сама советская действительность заставляла ученого активно участвовать в жизни нового общества.

По сообщению Л. В. Ошанина, В. В. Бартольд, как старый педагог, особенно радовался быстрому росту грамотности и образования среди узбеков, таджиков и представителей других народов, до революции бывших почти поголовно неграмотными.

Интересно привести высказывания В. В. Бартольда об условиях научной работы в Средней Азии после революции. Он писал: «В некоторых отношениях условия научной работы в Туркестане теперь более благоприятны, чем в дореволюционное время; нет больше близорукой обрусительной политики, не приходится считаться с опасениями, что изучение прошлого Туркестана и памятников этого прошлого может оживить среди туземцев исторические воспоминания и содействовать укреплению сепаратических тенденций; библиотека и музей уже не служат для создания синекур, но поручаются преданным своему делу специалистам; легче могут производиться научные работы на территории прежних ханств, Бухарского и Хивинского».²⁹⁸

Как явствует из вышеприведенного отрывка, В. В. Бартольд уже в первые годы революции осознал, какие перспективы развития культуры в Средней Азии открыла Великая Октябрьская социалистическая революция, пробудившая к сознательной политической и культурной жизни десятки миллионов трудящихся, в том числе и трудящихся национальных окраин бывшей Российской империи. Но В. В. Бартольд не ограничивается признанием преимуществ, которые принесла с собой советская власть. Находясь в плену ложно понятой «объективности», он также акцентирует внимание на отдельных ошибках и недостатках, допущенных тогда местными властями в Средней Азии. Конечно, В. В. Бартольд не мог в то время знать, что на некоторые руководящие посты в Туркестане пробрались замаскировавшиеся враждебные элементы, сознательно проводившие националистическую линию, нацеленную на подрыв дружбы народов.

Итак, его поведение в те годы во многом определялось тем, что он был подлинным патриотом России, и он шел вместе со своей родиной. Так, например, пробным камнем отношения к новой социалистической родине для многих старых ученых служили их поездки за границу. Ряд крупных ученых и специалистов не вернулся из таких командировок и очутился в рядах белогвардейской эмиграции. Неоднократно выезжавший после революции за границу В. В. Бартольд, напротив, выступал как полпред культуры советского государства. Он сам писал о себе и своих родственниках, что «после 1917 г. никто из них не сделался эмигрантом и не сберег своего состоя-

ния». ²⁹⁹ В. В. Бартольд так сформулировал в одном из писем 1920 г. свое отношение к русской науке: «Русская наука была для меня всегда важнее международной, в которой я тоже принимал некоторое участие...» ³⁰⁰

Благодаря мудрой политики Коммунистической партии по отношению к старой интеллигенции, «подавляющее большинство старой интеллигенции преодолело сомнения и колебания, — говорит Н. С. Хрущев, — стало на сторону Советской власти и своим талантом, творческими способностями, своим неутомимым трудом стало активно участвовать в великом деле социалистического строительства». ³⁰¹

В архиве АН СССР хранятся многочисленные документы, свидетельствующие о том, что с первых дней Октября В. В. Бартольд участвовал в работе по перестройке Академии наук на новых началах. ³⁰² Уместно будет привести здесь следующее письмо неперменного секретаря АН, адресованное В. В. Бартольду, в котором ясно отражена роль и значение деятельности последнего в работе АН СССР. Приведем отрывок из этого письма: «Дорогой Василий Владимирович..., насколько мне известно, вопрос идет о Вашем пребывании в Турции в течение 2—3 лет, но Академия Наук признает совершенно невозможным Ваше столь долгое отсутствие из пределов СССР, так как Ваша работа слишком нужна Академии, и считала бы возможным согласиться на такую Вашу командировку, при Вашем согласии, лишь при условии ее продолжения не более, примерно, года и то, начиная со времени после юбилея Академии». ³⁰³ В официальном издании — обзоре деятельности АН СССР за десять лет советской власти, была специально подчеркнута особая роль, которую играл В. В. Бартольд. «Можно сказать, что в пределах СССР академик В. В. Бартольд представляет собою центр всех туркологических исследований и является их руководителем далеко за пределами Академии». ³⁰⁴

В Академии наук В. В. Бартольд работал не только директором Туркологического института, он был также председателем Коллегии востоковедов (до 1930 г.). При АН под руководством В. В. Бартольда неуклонно ведет свою работу Туркестанский отдел Комиссии по изучению племенного состава СССР, который проводил большую работу по изучению этнографии Средней Азии. В АН В. В. Бартольд «ведет свою работу по истории турецких народов и по Средней Азии вообще, а также по Ирану». ³⁰⁵

В 1918—1919 гг. В. В. Бартольд активно участвовал в работе по организации Академии истории материальной культуры. ³⁰⁶ Говоря о его активном участии в работе по перестройке научных учреждений, небезынтересно будет привести вы-

держку из письма, написанного еще в 1919 г.: «Деловые заседания всяких советов, комитетов и т. п. по-прежнему отнимали много времени». ³⁰⁷

После смерти крупнейшего русского тюрколога В. В. Радлова (1837—1918 гг.) 29 мая 1918 г., с целью сплочения и объединения петроградских тюркологов при Музее антропологии и этнографии Академии Наук во главе с В. В. Бартольдом был организован так называемый Радловский кружок. ³⁰⁸ «Радловский кружок, — как значилось в § 1 «Положения», — имеет целью способствовать развитию тех научных дисциплин, которым была, главным образом, посвящена деятельность академика В. В. Радлова, т. е. филологии, этнографии и истории турецких (т. е. тюркских по языку — Н. А.) народностей». ³⁰⁹

Радловский кружок, успешно действовавший до конца 1929 г., сыграл важную роль в истории советской тюркологии.

Авторитет В. В. Бартольда в те годы был исключительно велик. Буквально десятки центральных и местных высших учебных заведений, научных обществ и учреждений приглашают его принять участие в их работе, читать лекции, избирают почетным членом советов ³¹⁰ и т. д. И везде В. В. принимает активное участие, выступает с лекциями, докладами, участвует в совещаниях и заседаниях.

Особое значение имело участие В. В. Бартольда в работе Академии истории материальной культуры (начиная с 1919 г.) где он, в частности, возглавлял разряд (т. е. сектор) Средней Азии. С начала организации Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (1921 г.) В. В. Бартольд принимает в его работах самое активное и непосредственное участие. ³¹¹

Тщательно проанализировав работу В. В. Бартольда в этих учреждениях, А. Ю. Якубовский пришел к заключению, что «как и в дореволюционные годы В. В. Бартольд оказывал большое влияние на направление и характер археологических работ в Средней Азии». ³¹²

В феврале—марте 1926 г. В. В. принимал участие в Первом Всесоюзном туркологическом съезде в Баку, на котором выступил с докладом на тему: «Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей». ³¹³

Характеризуя свое выступление на этом Туркологическом съезде, В. В. Бартольд писал в частном письме, что «должно быть, доклад показался слишком академически-сухим и неинтересным». ³¹⁴ Вопреки этому участник съезда акад. С. Ф. Ольденбург подчеркивал: «Доклад В. В. Бартольда говорил о прошлом тюркских народов и о степени нашего знакомства с ним. В мастерски сжатом изложении докладчик сумел дать

полную картину современного знания истории тюркских народов и указать на ближайшие задачи тюркологии в этой области».³¹⁵

Эти две противоречивые оценки говорят о том, что В. В. Бартольд был одним из тех ученых, которые не только не закрывали глаза на недостатки в трудах своих коллег, но и были очень строги по отношению к собственным. В. В. Бартольд писал, что если мы примиримся с недостатками в своих трудах, то «мы сами закроем путь к научному прогрессу».³¹⁶ Он очень ценил справедливые замечания в адрес своих трудов, об этом свидетельствует его письмо, адресованное зарубежному рецензенту «Туркестана». В письме говорилось, что несмотря на очень одобрительный отзыв о книге, рецензия произвела «крайне неблагоприятное впечатление, рецензия написана очень поверхностно и легкомысленно; нет ни одного замечания, которое бы могло содействовать успехам науки».³¹⁷

Вышеприведенные материалы, как нам представляется, ярко рисуют кипучую деятельность В. В. Бартольда, его участие, начиная с первых революционных лет, в строительстве учреждений советской науки. Надо иметь в виду, что В. В. Бартольду, как и другим петроградским ученым, пришлось переносить все трудности, вызванные гражданской войной и иностранной интервенцией. Эти трудности вспоминал в одном из своих писем к С. Ф. Ольденбергу А. М. Горький, прекрасно знакомый с жизнью и бытом петроградских ученых в первые революционные годы. А. М. Горький писал: «Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стоическим мужеством творцы русской науки переживали мучительные дни голода и холода, видел, как они работали, и видел, как умирали».

Мои впечатления за это время сложились в чувство глубокого и почтительного восторга...»³¹⁸

Делу строительства новой культуры В. В. Бартольд щедро отдавал свои богатейшие знания и научный опыт. Следует отметить, что научно-организационная деятельность В. В. Бартольда с годами отнюдь не уменьшается, а даже увеличивается. Второй стороной его деятельности являлась работа по подготовке нового поколения востоковедов.

После установления диктатуры пролетариата основатель и вождь первого в мире пролетарского государства В. И. Ленин уделял огромное внимание делу развития советского востоковедения. Об этом, в частности, свидетельствует его указание о создании двух первых советских высших учебных заведений для подготовки кадров востоковедов-марксистов: Московского института востоковедения и Петроградского ин-

ститута живых восточных языков. К решению этой задачи Владимир Ильич предлагал привлечь и старых ученых-востоковедов, чей огромный опыт и знания могли принести большую пользу.

Большинство старых ученых-востоковедов охотно откликнулись на призыв советской власти. Среди них были такие выдающиеся деятели, как Д. Н. Анучин, М. О. Аттая, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр и многие другие.³¹⁹ Стране были необходимы кадры научных и практических работников, обладающих хорошими знаниями как стран Востока, так и языков населяющих их народов. 7 сентября 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров об организации Института живых восточных языков (позже преобразованного в Московский институт востоковедения). Это учебное заведение было создано на базе бывшего Лазаревского института восточных языков.³²⁰

В организации данного института, наряду с другими учеными, принимал активное участие также академик В. В. Бартольд.³²¹

Второй институт по подготовке кадров специалистов-востоковедов был создан в Петрограде — Петроградский институт живых восточных языков,³²² где Бартольд был зачислен профессором, после чего начал читать лекции по курсу «История турецких племен» и являлся председателем Совета тюркологического семинария.³²³ Продолжал В. В. преподавание и в университете. Следует упомянуть и его преподавательскую деятельность в Среднеазиатском государственном университете.

21 апреля 1918 г. состоялось торжественное открытие в г. Ташкенте Туркестанского народного университета, первого высшего учебного заведения в Средней Азии.³²⁴ Фактически достаточного количества профессорско-преподавательских кадров для нормального функционирования университета тогда в Ташкенте еще не было. Поэтому местные органы срочно отправили в центр комиссию для получения необходимой помощи. Вскоре после отъезда комиссии в Москву образовались Оренбургский и Закаспийский фронты, вследствие чего Туркестан почти на два года был отрезан от центра. Но несмотря на это в центре велась энергичная работа по организации Среднеазиатского университета. Она началась еще раньше, когда в августе 1917 г. была создана специальная комиссия по организации Туркестанского университета. От Оренбургского университета в нее вошли представители историко-филологического факультета и факультета восточных языков в лице таких виднейших ученых как С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, Н. Я. Марр, А. Э. Шмидт,

А. Н. Самойлович и др. В результате совещания было постановлено организовать Туркестанский университет; в частности, на Петроградский университет была возложена задача организовать историко-филологический факультет Туркестанского университета с восточным уклоном. Для разработки плана преподавания на историко-филологическом факультете была организована специальная комиссия из представителей историко-филологического факультета и факультета восточных языков под председательством профессора Н. И. Веселовского, в которой деятельное участие принял В. В. Бартольд. Эта комиссия разработала план преподавания на историко-филологическом факультете Туркестанского университета, который с поправками, внесенными В. В. Бартольдом, лег в основание утвержденных затем планов преподавания этого факультета.³²⁵

Следовательно, В. В. Бартольд являлся не только организатором кафедры истории Востока в Среднеазиатском государственном университете, он состоял также членом комиссии по организации САГУ в целом.

В сентябре 1920 г. Совет Народных Комиссаров опубликовал декрет об учреждении в Ташкенте Государственного университета, в котором говорилось:

«Совет Народных Комиссаров ПОСТАНОВИЛ:

1. Учредить в гор. Ташкенте Государственный университет.
2. Туркестанский государственный университет находится в непосредственном ведении Народного комиссариата по просвещению РСФСР.
3. Средства на содержание университета отпускаются по сметам того же комиссариата.

Подписали:

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
Влад. Бонч-Бруевич.
Секретарь Л. Фотиева.
7 сентября 1920 г».³²⁶

После опубликования данного декрета окончательно определилось правовое положение Среднеазиатского университета. Из центра было отправлено большое количество высококвалифицированных профессоров и преподавателей. Ново-

му университету была щедро оказана помощь и в деле создания материально-технической базы.

В том же 1920 г. академик В. В. Бартольд был командирован от Народного комиссариата просвещения для организации кафедры истории Востока и прочтения цикла лекций в Туркестанском государственном университете. Он имел мандат, в котором значилось: «Ввиду окончания сформирования в г. Москве и Петрограде Туркестанского государственного университета, настоящим срочно командировается в гор. Ташкент для организации кафедры истории Востока и чтения цикла лекций по этой дисциплине в открываемом в Ташкенте названного университета академик Василий Владимирович Бартольд.

Все органы Советской власти и частные лица приглашаются не чинить к тому препятствий и оказывать всякое содействие академику В. В. Бартольду в исполнении возложенного на него поручения Центральным Органом Рабоче-Крестьянского Правительства».³²⁷

Кроме этого, В. В. имел командировку еще от Академии Наук «для осмотра и исследования местных рукописных собраний, древностей и вообще исторического исследования края» и от Академии истории материальной культуры «для собирания сведений о состоянии памятников прошлого Туркестана».

Говоря о результатах этой поездки, сам В. В. Бартольд писал: «В Туркестанском государственном университете читал обзор истории Туркестана, в Восточном Институте (существовавшем тогда как отдельный институт, затем на его базе был образован восточный факультет САГУ.—А. Н.), в Ташкенте общий очерк истории и археологии мусульманского мира».³²⁸

Заслуги В. В. Бартольда в деле развития востоковедческого образования в Ташкенте общепризнаны. В очерке истории САГУ за первые десять лет его существования было сказано: «Благодаря сосредоточению в своем составе значительного числа крупных русских ориенталистов и участию в его работе таких авторитетов, как академик В. В. Бартольд, Восточный факультет является одним из заметных среди учреждений подобного рода в Союзе».³²⁹

Кроме того, В. В. Бартольд в Туркестане принимал участие в работе комиссии по охране памятников старины, по организации государственной библиотеки и музея и т. д.,³³⁰ В. В. активно участвовал в сплочении востоковедов вокруг университета. Он даже находил время выступать на диспутах аспирантов в качестве оппонента.

Выше были приведены многочисленные данные об участии академика В. В. Бартольда в строительстве новой советской культуры, как по линии научно-организационной, так и преподавательской. Для того чтобы дать более конкретное представление о том, сколько сил отдавал В. В. Бартольд этому делу, приведем простой перечень проводившийся им в этом направлении работы лишь за один 1928 год.

1 X 1928 в составе АН СССР был организован Туркологический кабинет, директором его был назначен В. В. Бартольд. Основной задачей, стоявшей перед кабинетом, являлось всестороннее изучение прошлого и настоящего тюркских племен и народностей и объединение работ, ведущихся в этом направлении в СССР. В. В. Бартольд передал в кабинет из своей библиотеки около 500 книг.³³¹ Вместе с тем продолжал функционировать и «Радловский кружок» (при Музее антропологии и этнографии), также возглавлявшийся В. В. Бартольдом. В 1928 г. кружок провел десять заседаний.³³²

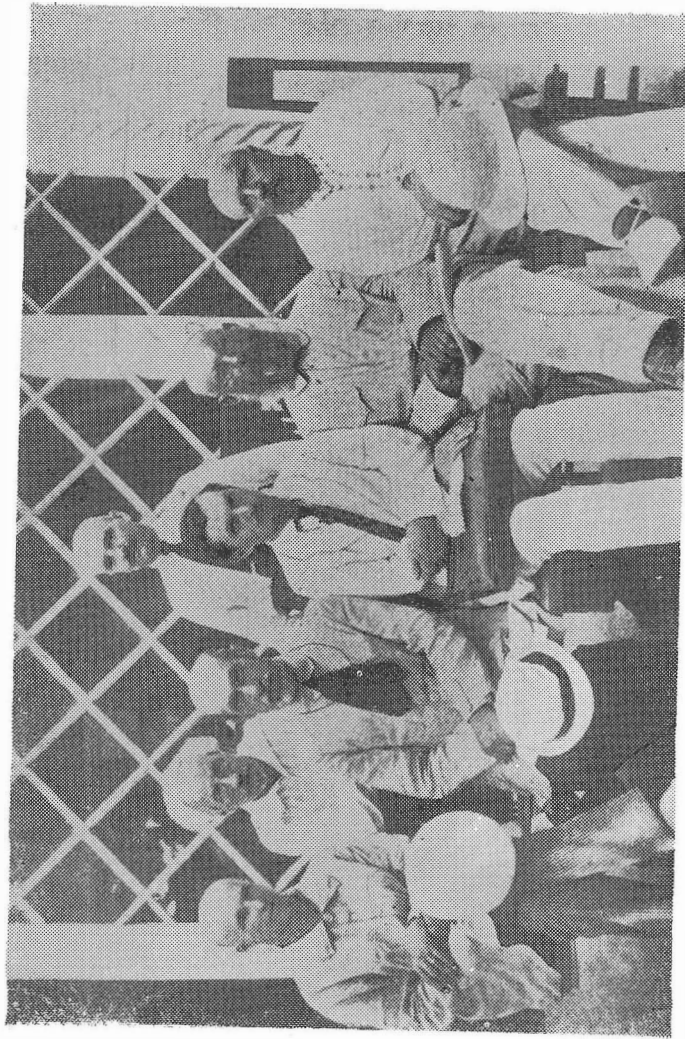
В. В. Бартольд являлся председателем Коллегии востоковедов при Азиатском музее. В 1928 г. Коллегия востоковедов провела девять научных заседаний. С докладами выступали такие маститые востоковеды, как И. Ю. Крачковский, и востоковеды младшего поколения — А. Ю. Якубовский, Е. Э. Бертельс, Н. В. Пигулевская и др. Сам В. В. Бартольд прочитал доклады «Новые данные о Коркуте в староосманской литературе», «В. В. Радлов как исследователь кочевого быта», «Новые археологические находки в Средней Азии».³³³

Кроме того, он был членом Президиума «Комиссии по изучению племенного состава населения СССР» и руководителем Туркестанского отдела этой комиссии, занимавшейся демографией Средней Азии, а также Афганистана и Ирана.³³⁴

В. В. Бартольд был товарищем председателя (т. е. заместителем председателя) Комиссии экспедиционных исследований и председателем ее среднеазиатского отдела. Комиссия провела большую работу по организации Памирской экспедиции, в которой, наряду с советскими, участвовали и германские ученые.³³⁵

Этим не исчерпывалась научно-организационная деятельность В. В. Бартольда. В 1928 г. он был членом нескольких комиссий, в том числе Комиссии по переизданию словаря В. В. Радлова. Все вышеперечисленное относится к деятельности В. В. Бартольда непосредственно в АН СССР.

Но он нес многочисленные обязанности и вне Академии. Он является заместителем председателя Государственной Академии истории материальной культуры, председателем ее Археологического отделения, членом Совета Палестинского

Совет секции по охране памятников старины и искусства Среднеазиатского старика.
Слева: архитектор Б. Н. Засыпкин, профессор Э. А. Шмидт, академик В. В. Бартольд,
председатель Среднеазиатского старика Д. И. Нечкин, археолог В. Л. Вяткин, профессор
А. А. Семенов, зав. секцией по охране памятников старины и искусства И. И. Умняков
(стоит справа).

общества, сотрудником Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, профессором ЛГУ, ЛВИ и МГУ. Одновременно он редактировал сборники «Иран» и «Записки коллегии востоковедов», выступал с рядом докладов (кроме вышеперечисленных, он сделал доклад «К истории туркмен» в Научной ассоциации арабистов).³³⁶

В. В. Бартольд в этом году не только продолжал руководить Среднеазиатской этнологической экспедицией,³³⁷ но и состоял членом Научного совета Памирской экспедиции.³³⁸

Следует отметить, что В. В. Бартольд и после революции проводил много времени в научных командировках, в процессе которых не только продолжал работать над рукописями, но и щедро делился своими знаниями с научными работниками и молодежью национальных республик, а также достойно представлял советскую науку за рубежами родины.

После установления Советской власти в Бухаре в 1920 г. Центральное управление архивных дел (Цуардел) организовало междуведомственную комиссию для содействия бухарскому революционному комитету в деле охраны архивных документов, рукописей, памятников старины и искусства. В составе названной комиссии был и Бартольд.³³⁹

В сентябре того же 1920 г. была предпринята и вторая экспедиция в Бухару для осмотра памятников старины и искусства и принятия мер к их охране. В состав экспедиции входили: Д. И. Нечкин, академик В. В. Бартольд, профессор А. Ю. Шмидт, преподаватель Восточного института П. Е. Кузнецов, директор Публичной библиотеки Е. К. Бетгер и археолог В. Л. Вяткин.³⁴⁰

14 XI 1920 г. В. В. выступил в Ташкенте с докладом «Ближайшие задачи изучения Туркестана», в котором охарактеризовал уровень исторических и археологических знаний и сформулировал первоочередные задачи в области изучения археологии Туркестана. Исходя из реальных возможностей в условиях того времени, В. В. Бартольд предлагал сосредоточить силы в ближайшее время на разрешении некоторых вполне определенных задач, например, на изучении не только прошлого, но и современного Туркестана, составлении археологической карты, накоплении материалов для атласа исторических карт. Но он не ограничивался этим, а выдвигал задачи и более отдаленного будущего, в частности, раскопки в Мерве и других местах. Кроме того, В. В. обратил внимание на необходимость улучшения дела охраны памятников.³⁴¹ Говоря словами Б. А. Литвинского, «широта проблематики, вера в местные силы и последующий широкий разворот исследова-

ний резко отличают это выступление В. В. от его же аналогичного выступления в 1893 г.»³⁴²

В 1922—1923 гг. В. В. совершил поездку в Финляндию, Англию, Бельгию, Голландию, Германию и в Эстонию.³⁴³

Одной из основных задач командировки была подготовка к печати английского перевода книги «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Автор внес в свой «Туркестан» большое число поправок и дополнений. Кроме того, он прочитал в Лондонском университете шесть лекций, посвященных среднеазиатским кочевникам—тюркам и монголам. Содержание этих лекций было изложено В. В. Бартольдом в докладе, прочитанном 23 марта 1923 г. в английском «Королевском антропологическом институте». В апреле 1923 г. он в качестве делегата Академии наук принял участие в международном съезде деятелей исторических наук в Брюсселе, где в секции истории Востока прочитал доклад на тему: «Ориентировка первых мусульманских мечетей».³⁴⁴ В Финляндии на заседании Финно-угорского общества В. В. Бартольд был прочитан на немецком языке доклад о русских работах по изучению Туркестана.³⁴⁵ Находясь в заграничной командировке, он приобрел для Азиатского музея АН значительные партии ценных заграничных изданий.³⁴⁶

С 25 октября по 26 декабря 1924 г. В. В. был приглашен в Азербайджанский гос. университет для чтения эпизодического курса лекций, который затем был издан «Обществом обследования и изучения Азербайджана» под названием «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира». К этой работе приложен «Обзор истории тюркских народов» и «Краткий обзор истории Азербайджана». В Баку по поручению Академии наук Бартольд ознакомился с местными собраниями восточных рукописей, среди них он обратил внимание на экземпляры некоторых редких сочинений, в особенности по шиитскому богословию.³⁴⁷

В Азербайджане В. В. был избран почетным членом Археологического комитета, а также Общества изучения Азербайджана,³⁴⁸ где сделал несколько докладов по истории Азербайджана, а также и по истории тюркских народов.

В дни пребывания ученого в Азербайджане на страницах бакинской газеты была опубликована следующая заметка: «30 ноября в историко-этнографической секции общества изучения Азербайджана академиком В. В. Бартольдом был сделан доклад на тему: «К истории Азербайджана», вызвавший оживленный обмен мнений. Собравшиеся просили академика Бартольда сделать еще доклады по истории Азербайджана, но в более обширном помещении, т. к. многие за неимением места.

принуждены были уйти».³⁴⁹ Второй публичный доклад был сделан 12 декабря, он назывался «Краткий обзор истории Азербайджана», а третий публичный доклад состоялся 24 декабря на тему «Краткий обзор истории тюрков до принятия ими ислама».³⁵⁰

В августе — декабре 1925 г. В. В. находился в Средней Азии по приглашению Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы. Целью этой поездки было ознакомление на месте с памятниками прошлого Средней Азии и помощь в составлении плана ближайших археологических исследований.

Он на этот раз имел командировку от АН СССР «для осмотра и исследования местных рукописных собраний, древностей и вообще исторического исследования края», а из Академии истории материальной культуры «для ознакомления на месте с состоянием памятников прошлого и с условиями научной работы в крае и для составления, по соглашению с местными деятелями, плана дальнейших исследований, который должен быть представлен на утверждение Академии».

В Ташкенте он ознакомился с состоянием местных собраний рукописей. По предложению Среднеазиатского государственного университета на Восточном факультете прочел цикл лекций по методологии истории Туркестана. Кроме Ташкента, В. В. Бартольд был в Самарканде, Бухаре и в Шахрисябзе. Результаты командировки изложены в статье «Занятия в Туркестанских библиотеках и музеях летом 1925 г.»³⁵¹

В Шахрисябзе В. В. Бартольд вместе с В. Л. Вяткиным посетил развалины дворца Тимура. Ак-Сарай и мечеть Кок-Гумбаз, построенную Улугбеком (до этого считалось, что она построена Шахрухом).³⁵²

За год перед этим, в 1924 г., в Средней Азии работал немецкий ученый Кон-Винер, приглашенный в 1924 г. в Среднюю Азию по инициативе отдельных местных работников «без ведома научных учреждений как центральных, так и местных». Кон-Винер изучал старинные архитектурные памятники Самарканда, Мерва, а также Бухары, Узгена и др.

Ознакомившись во время командировки с отчетами Кон-Винера, В. В. Бартольд опубликовал две статьи «Археологические работы в Самарканде летом 1924 г.»³⁵³ и «По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г.»³⁵⁴ В них доказано, что Кон-Винеру остались совершенно неизвестными описания Самарканда, а также Мерва в трудах средневековых авторов. Кроме того, В. В. указывает, что Кон-Винер не был знаком даже с наиболее важными трудами востоковедов конца XIX—начала XX вв. Единственная книга, которую он исполь-

зовал, «хотя не всегда внимательно» (слова Бартольда), была книга профессора В. А. Жуковского «Развалины старого Мерва». Все это привело к тому, что в отчетах и потом в статьях Кон-Винера была дана искаженная картина—прежде всего в результате игнорирования Кон-Винером работ русских востоковедов.

Подводя итоги работы Кон-Винера, В. В. Бартольд пишет: «...Как показывают его отчеты, совершенно незнаком ни с первоисточниками, ни с литературой предмета. Его попытки разобраться в истории памятников и определить археологические находки лишней раз показывают, что без привлечения письменных источников, на основании только внешних признаков самих предметов, такие вопросы решаться не могут».³⁵⁵

В. В. Бартольд в своих статьях доказал, что научное значение работы Кон-Винера—ничтожно. В. В. Бартольд предлагал, что в дальнейшем, если уже организовать подобного рода работы, то проводить их «при деятельном участии русских научных сил, центральных и местных, и в тесной связи с результатами, уже достигнутыми русской наукой».³⁵⁶

В 1926 г. В. В. побывал в Баку, Константинополе, Адрианополье, Анкаре, Одессе, Киеве и в Гомеле.³⁵⁷ От Академии наук он имел командировку в Турцию сроком с 20 декабря 1925 г. по 20 сентября 1926 г. «для установления и упрочения научной связи между учеными учреждениями Турции и СССР и для занятий в Константинопольских собраниях восточных рукописей».³⁵⁸

Помимо изучения рукописей, он должен был читать лекции в Константинопольском университете. Вскоре после прибытия в Турцию, В. В. должен был вернуться в Баку для участия в Первом туркологическом съезде. В Баку он заболел и для лечения выехал в Ленинград. Из Ленинграда он снова отправился в Турцию. Здесь прочитать лекции студентам не удалось, но он прочитал их для желающих. Сам В. В. Бартольд писал: «Я был в Турции, потом в Баку, где моей болезнью, заставившей меня, вместо возвращения из Баку в Константинополь, сначала поехать для лечения в Ленинград, откуда я мог вновь отправиться в Турцию только в апреле. Предполагавшийся курс мог быть подготовлен к июню, когда университетский учебный год был уже закончен; потому лекции читались мною в университете не для студентов, но для всех желающих. Лекций всего было двенадцать, и они обнимали историю среднеазиатских турецких народов от VI в. до новейшего времени... Кроме этого курса, мною было прочитано несколько

лекций на русском языке в Туркологическом институте при университете, для служащих и работающих при Институте выходцев из России, по вопросам истории турок и мусульманской культуры. На пути в Турцию в апреле мною были сделаны доклад в Москве, в Научной ассоциации востоковедения СССР, о научной жизни в Турции, и в Одессе, в местном отделении Ассоциации, о востоковедении в СССР, и особенно в Ленинграде.

На последнюю тему мною также был прочитан доклад на обратном пути из Турции, в августе, в Киеве, в местном отделении Украинской ассоциации востоковедения».³⁵⁹ Далее В. В. пишет, что свободное от чтения лекций и приготовления к ним время он преимущественно посвящал изучению восточных рукописей в местных собраниях. Для ознакомления с памятниками прошлого и современной жизнью он посещал Адрианополь и Анкару.

Вскоре после возвращения В. В. Бартольда его лекции были изданы сначала по-турецки,³⁶⁰ затем и на немецком языке.

В 1927 г. В. В. Бартольд обратился со следующим письмом в Академию Наук СССР «В связи с полученным мною из Ташкента предложением прочитать в мае текущего года небольшой цикл лекций на Восточном факультете Среднеазиатского государственного университета (САГУ) и в Казахском высшем педагогическом институте (Казпедвуз) я просил бы Академию командировать меня в Среднюю Азию на срок с 20 апреля до 20 июня текущего года для участия в обсуждении вопросов, поднятых местными научными учреждениями и обществами и касающихся научно-исследовательских предприятий».³⁶¹

Предметом лекций были история Туркестана со времени монгольского нашествия и истории турецких народностей Средней Азии (лекции были изданы в Ташкенте, 1928 г.). Кроме того, В. В. Бартольд был командирован в Ташкент в связи с предполагавшимся в декабре этого года совещанием по вопросам, связанным с изучением Центральной Азии, для переговоров об участии в этом совещании среднеазиатских деятелей и представителей среднеазиатских научных учреждений. Для этих переговоров было созвано заседание «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», где В. В. Бартольд прочел доклад «К вопросу об иранских языках Средней Азии», кроме того, он сделал обзор важнейших научных задач в области гуманитарных наук, стоящих на очереди в Центральной Азии. В. В. Бартольд принимал участие в обсуждении проектов и программ деятельности средне-

азиатских научных учреждений, в особенности в Среднеазиатском комитете по охране и изучению памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис), Самаркандской комиссии Средазкомстариса, Сыр-Дарьинском отделе Общества изучения Казахстана (в Чимкенте) и Туркменском государственном музее (в Ашхабаде).³⁶² Тогда же он прочитал доклад «Аму-Дарья» (в связи с книгой Цинзерлинга) на пленарном заседании Среднеазиатского отдела Русского географического общества.³⁶³ Василий Владимирович на этот раз побывал и в Бухаре и Хиве.³⁶⁴

В годы Советской власти для изучения истории и культуры таджикского народа имели огромное значение работы, организованные Памирской экспедицией, под руководством академика В. В. Бартольда,—это была Среднеазиатская этнографическая экспедиция (при Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии), предметом изучения которой прежде всего являлась история культуры таджикского народа. К своим обязанностям руководителя экспедиции В. В. Бартольд относился со всей ответственностью. В связи с предстоящей поездкой в Турцию Бартольд сообщал в АН СССР: «Ввиду моего предполагаемого отъезда в Турцию мне не придется руководить работами экспедиции во время ее осуществления, но я постараюсь предварительно обсудить, с ее участниками, насколько возможно, все подробности и по мере возможности следить за ходом их работ».³⁶⁵

В течение 1926 и 1927 гг. в данной экспедиции (ее по-прежнему возглавлял В. В.) этнографические и диалектологические работы велись следующими лицами: И. И. Зарубиным (руководство полевыми работами, сравнительно-этнографические наблюдения, диалектология), научными сотрудниками Б. И. Виноградовым (материальная культура, фольклор, диалектологические записи), Г. Г. Гульбиным (материальная культура, особенно жилище и производство), В. К. Орфинской (таджикская фонетика) и А. Л. Троицкой (духовная культура, особенно этнография детского возраста и женская, фольклор, диалектологические записи).

В этнографическом отношении основной задачей данной экспедиции было детальное обследование таджикского населения верховьев р. Зеравшана. Кроме того, этнографические наблюдения по материальной культуре велись также в Гиссаре, в гг. Душанбе, Самарканде, Пенджикенте и в районе Бальджуанском, Кулябском и Каратегинском.

Результатами работ являются, помимо ряда записей по материальной и духовной культуре, более 2000 предметов по этнографии таджиков верховьев Зеравшана, около 450 фото-

графических снимков и около 60 рисунков и чертежей. В 1927 г. в области материальной культуры максимальное внимание было обращено на изучение типов жилищ и различных хозяйственных построек.

Точно так же, возможно, детально обследовались разновидности хозяйственной утвари и производства. Собран материал для описания земледельческого и скотоводческого процессов, в частности, перекочевки на летовья и быт в них. Записи по духовной культуре полнее всего представляли этнографию детского возраста и женскую; был также собран материал, относящийся к обрядовой стороне жизни (свадьба, похороны).

Главное содержание фольклорного материала составляют 90 сказок, кроме того, записано несколько легенд, загадок, при-сказок и т. д.³⁶⁶

С 15 июля по 1 сентября 1928 г. В. В. Бартольд был командирован в Среднюю Азию для участия в реорганизации научных учреждений, ведущих изучение памятников старины в Средней Азии. В. В. Бартольд писал неперемому секретарю АН, что летом текущего года предполагается реорганизовать научные учреждения, ведающие изучением памятников прошлого в Средней Азии и наметить план работ на следующие годы: «считаю необходимым для себя по мере возможности принять участие в этом деле, прошу командировать меня в Среднюю Азию, главным образом в Ташкент и Самарканд...».³⁶⁷

В 1929 г. акад. В. В. Бартольд «был командирован в Германию для ознакомления с местными музеями и для занятий в библиотеках Берлина, Гамбурга и Геттингена по восточным рукописям. Среди рукописей, вновь приобретенных Берлинской государственной библиотекой, акад. В. В. Бартольд ознакомился с арабской географией Якуби IX в., до сих пор известной по одному экземпляру. В новой рукописи внесены в текст несколько важных поправок. Среди тех же рукописей оказался экземпляр обширной истории Хорезма XIX в., до сих пор совершенно неизвестной, некоего Баба-Джана, сына Худай-берди-бека, мангыта. В Гамбурге акад. В. В. Бартольдом была изучена рукопись географического труда на арабском языке, до сих пор считающегося сочинением Балхи, а в действительности являющегося сочинением Истахри X в. В Геттингене было установлено, что в рукописи Дербент-намэ, вывезенной в конце XVIII в. из Дагестана врачом-авантюристом Рейнеггом, кроме известий по истории Дербента, был помещен рассказ о столкновении дагестанцев с персидским шахом Сулейманом в XVII в. Кроме работ в музеях и библиотеках, акад. В. В.

Бартольд был проведен целый ряд бесед с германскими учеными по вопросам о восточных языках.³⁶⁸

Выше уже говорилось о преподавательской деятельности ученого. Она протекала не только в высших учебных заведениях центра, но и во вновь возникших очагах востоковедного образования в Средней Азии и на Кавказе. Фактически, почти все старшее поколение советских востоковедов прошло бартольдовскую выучку. Из рассказов его учеников встает образ чрезвычайно строгого и требовательного учителя, требовавшего досконального знания фактов, знакомства с источниками и литературой, как русской, так и иностранной. Столь же требовательным наставником, не допускавшим никаких послаблений, В. В. Бартольд являлся и по отношению к молодым ученым. Как пишет В. Минорский, при жизни В. В. Бартольда востоковед, завершая статью, думал: «А что о ней скажет Бартольд?». ³⁶⁹

Большое значение имели и рецензии В. В., воспитывавшие научную молодежь в духе непримиримости к суждениям, не основанным на исчерпывающем знании источников и литературы предмета, к малейшему проявлению верхоглядства. Следует отметить, что именно В. В. был ответственным редактором двух важнейших научных изданий советского востоковедения второй половины 20-х гг.—периодических сборников «Записки коллегии востоковедов» и «Иран».

О теплом отношении советской, в частности среднеазиатской научной общественности, к В. В. Бартольду свидетельствует тот факт, что двадцатипятилетие со дня защиты им докторской диссертации было решено ознаменовать выпуском специального сборника, посвященного юбилею. Этот сборник («В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели») был издан в 1927 г. в Ташкенте Обществом для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, причем 18 ноября 1927 г. Среднеазиатский отдел Государственного русского географического общества и Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами провели совместное заседание, посвященное выходу этого сборника.

В поздравительном письме, принятом в этом заседании, давалась развернутая характеристика В. В. Бартольда. Приведем часть этого письма:

«Не взирая на универсальное признание Ваших заслуг, как ученого, Туркестанский Отдел Русского Географического Общества имеет право гордиться Вами, как нашим Туркестанским ученым по преимуществу. Вы посетили Туркестан не-

В. В. Бартольд (справа) и С. Ф. Ольденбург.

сколько раз и жили здесь достаточно долго, чтобы получить личные знания о природе края и быте его обитателей. Вы приобрели это знание дорогой ценою,—ценою тяжелых физических страданий, перенесенных Вами после несчастного случая во время первого путешествия по Туркестану и заставившего Вас провести в Ташкенте около года. В это время Вы приняли главное участие в организации — 30 лет тому назад—личных общественных сил для образования первого центра научной работы по археологии, истории и этнографии края—именно Туркестанского кружка любителей археологии, ныне преимущественно вошедшего в состав нашего отдела в качестве секции археологии и этнографии...

Состоя сотрудником и редактором главного органа Русского востоковедения—«Записок восточного отделения русского археологического общества» (ныне «Записок коллегии востоковедов») и став затем во главе этого ученого учреждения, Вы имели возможность направлять и действительно направляли усилия местных исследователей—в желательную в интересах прогресса науки сторону. Вы постоянно откликались на их труды,—не всегда одобрительно (как то и следовало), но всегда доброжелательно, радуясь их успехам и достижениям. Труды некоторых из них (например «История Бухары» Наршахи в переводе Н. С. Лыкошина) Вы даже лично редактировали; другим Вы указывали научную литературу и со многими вели научную переписку. При посещениях туркестанцами Петербурга Вы охотно старались ввести их в заседание научных обществ.

Вспоминая о Ваших трудах с уважением и признательностью, Туркестанский отдел русского географического общества выражает искреннее и общее пожелание, чтобы Вы еще много лет продолжали трудиться на пользу русского востоковедения, проявляя ту благородную смелость и независимость мысли при оценке исторических явлений, которая всегда была Вашим отличительным признаком». ³⁷⁰

В годы Советской власти В. В. Бартольд напечатал ряд работ, которые, как и предыдущие его работы, несмотря на присутствующие им методологические недостатки, являлись крупнейшим вкладом в дело изучения истории народов Средней Азии.

Так, например, в 1918 г. В. В. Бартольд опубликовал работу, озаглавленную «Улугбек и его время». ³⁷¹ В ней содержится краткая, но очень содержательная характеристика монгольской империи и Джагатайского государства, затем следует сжатое описание событий времени Тимура. Основное содержание работы — это подробный очерк жизни и правления

Улугбека. В конце книги приведен хронологический обзор жизни Улугбека. Следует отметить, что в книге почти исключительно излагается политическая история; материалы по столь богатой в ту эпоху культурной истории нашли в этом труде минимальное отражение. В том же (1918) году вышли в свет две книжки—«Ислам» и «Культура мусульманства». Кроме этих книжек В. В. написал еще ряд работ, посвященных вопросам исламоведения.

Еще в 1913 г. В. В. Бартольд были адресованы следующие фразы: «Ислам, главная и почти единственная религия тех стран, историю которых он изучал, всегда имел особенный интерес для Бартольда и ему он посвятил две статьи, в которых сказалось резкое умение соединить широкие знания с глубокою истолкования; мы имеем в виду статьи: «Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве» (1903) и «Халиф и Султан» (1912). В них затронут один из самых жизненных для народов Ислама вопросов».³⁷²

По словам И. Ю. Крачковского, «исламовед с таким кругозором и такой суммой работ широкого охвата еще не было в истории исламоведения. Труды его вышли из той школы, которую он сам сумел дать, переработав в намеченном им с юности направлении уроки Розена в родном университете, Мюллера, Линднера, Мейера, Нельдеке—за границей. Его работы сами послужат школой для ряда поколений».³⁷³

«В. В. Бартольд был первым ученым-востоковедом старой школы,—пишет Н. А. Смирнов,—признавшим необходимость распространения среди широких масс советских читателей правильных, основанных на научных выводах сведений об исламе, свободных от всякого миссионерского налета. С этой целью он написал ряд научно-популярных книг по исламу, изданных в течение 1918—1922 гг.».³⁷⁴

В марте 1918 г. В. В. на заседании Отделения исторических наук и филологии делает доклад по вопросу о связи народных движений с идеологией религиозного сектанства в Иране под названием «К истории религиозных движений X в.».

В 1921 г. В. В. публикует работу под названием «К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов», в которой мастерски объединяет сведения письменных и археологических источников.

В 1922 г. в Ташкенте был издан конспект лекций В. В. Бартольда, читанных им в 1920 г. на историко-филологическом факультете Туркестанского университета, озаглавленный «История Туркестана». В этой книге сжато изложена история Сред-

ней Азии с древнейших времен до установления Советской власти в Туркестане включительно.

По словам рецензента, «вряд ли надо говорить, на какой научной высоте стоит этот небольшой очерк, написанный не имеющим в настоящее время соперников первоклассным специалистом по истории Средней Азии».³⁷⁵ Уместно будет напомнить о том, что В. В. всегда стремился к опубликованию лекций, читанных им в высших учебных заведениях с целью, во-первых, сделать их доступными для слушателей, а во-вторых, и, самое главное, предоставить их суду научной критики. «Каковы бы ни были недостатки такого курса,—замечает В. В.,—он полезен уже тем, что вносит в университетское преподавание начало гласности и дает возможность как товарищам профессора, так и другим компетентным ученым судить о характере его лекций».³⁷⁶

В книге «Мусульманский мир», опубликованной в 1922 г., ставится вопрос об историческом значении ислама, о первенствующем положении в средние века «мусульманской культуры» и причинах ее упадка. Одновременно дается характеристика «мусульманского мира» в новейшее время. Автор также разбирает вопрос об этнографическом составе «мусульманского мира» и о роли в нем арабского языка и арабской культуры. Вторая часть книги посвящена историографическому обзору исламоведения.

В 1928 г. В. В. опубликовал работу «К истории крестьянских движений в Персии», в которой поднял вопрос о прикреплении крестьян к земле, т. е. закреплении крестьян монгольскими ханами. В данной работе анализируются некоторые крупные движения иранского крестьянства времени арабского владычества, в частности крестьянские восстания 839 и 913 гг. в Табаристане. Исследователь показывает, что они развивались под идеологической оболочкой учения хуррамитов и шиитов. Кроме того, в работе отмечено, что борьба народов Ирана и Средней Азии против владычества арабского халифата переплеталась с борьбой крестьянства против землевладельческой аристократии, как арабской, так и местной, поддержавшей в этой борьбе арабских завоевателей, «Как везде,—указывал В. В.,—люди высших сословий, ради сохранения своего привилегированного положения, легче мирились с иноземным владычеством».³⁷⁷

В 1924 г. было проведено национальное размежевание республик Средней Азии, которое явилось событием громадного исторического значения. Оно, в частности, стимулировало резкий рост исследовательских работ по отдельным республикам.

Вскоре после нацразмежевания появляется несколько работ В. В. Бартольда, посвященных не истории Средней Азии в целом, как это было обычно раньше, а истории поднявшихся к новой жизни отдельных среднеазиатских народов—таджиков, киргизов, туркмен.³⁷⁸

Именно эти очерки послужили основой для последующей разработки истории отдельных республик Средней Азии.

В своей работе «Таджики» В. В. Бартольд вкратце изложил историю таджикского народа. Очерк охватывает период от нашествия Александра Македонского и до присоединения Средней Азии к России. В работе, кроме историко-географического описания, дана краткая история Бухары, Хорезма, Самарканда и др. Здесь изложена история Бадахшана, Шугнана, Дарваза, Каратегина, Куляба и ряда других районов, где живут таджики. Автор говорит о них, как о «коренном населении» Средней Азии, владеющим чрезвычайно древней культурой.

Нужно отметить, что, несмотря на серьезные теоретические недостатки, эта работа, написанная на основании многолетних изысканий автора, досконально изучившего источники, касающиеся истории таджикского народа, представляет большую ценность, так как содержит обильный фактический материал. К тому же, это первая работа, посвященная специально истории таджикского народа.

В 1927 г. В. В. опубликовал работу под названием «История культурной жизни Туркестана».³⁹⁷ Она начинается с изложения истории народов Средней Азии от эпохи Ахеменидов, характеризуется положение страны до арабского нашествия. В последующих главах содержится история Средней Азии в VII—XIX вв., подробно излагается история присоединения Средней Азии к России. В книге отражены события до начала XX в.

Нужно отметить, что хотя работа была написана в 1927 г., по словам самого автора, «очерк получил характер исторического обзора культурной жизни (лишь) прежнего, дореволюционного Туркестана, без прямого отношения к современной жизни и ее задачам; связь очерка с современной жизнью определяется только той пользой, которую может принести современным деятелям знакомство с прошлым».³⁸⁰

Следует подчеркнуть, что вследствие ограниченности позиции и мировоззрения В. В. Бартольда как и в «Истории культурной жизни Туркестана», так и в других его произведе-

дениях «не нашлось» места для отражения истории Средней Азии за советский период и тех громадных изменений в области экономики и культуры этих народов, которые принесла советская власть. Такой подход ученого еще раз свидетельствует о том, что он не нашел в себе сил для объяснения современной ему исторической жизни.³⁸¹

В 1928 г. В. В. написал работу под названием «Мир-Али-Шир и политическая жизнь».³⁸² Она «...посвящена более подробному рассмотрению жизни Герата при Султан-Хусейне и Мир-Али-Шире... я постараюсь,—говорит автор,—на основании доступных мне в настоящее время первоисточников... , заменить более реальной картиной фантастический образ, созданный не только восточными, но и европейскими панегиристами Мир-Али-Шира, как я постарался уничтожить фантастическое представление об Улугбеке, будто бы «идеалистическое учение», с первых лет своего царствования отвернувшимся от политики и отдавшим все свое время математике и астрономии».³⁸³ Из работы В. В. Бартольда явствовало, что Мир-Али-Шир, несмотря на свои занятия литературой, был человеком активным, крупным политическим деятелем своей эпохи. В работе дано подробное описание событий в Средней Азии во второй половине XV—начале XVI в.

В 1930 г. В. В. Бартольд напечатал «Худуд ал-Алем», иначе—«рукопись Туманского». Имя автора этой рукописи неизвестно, но известно, что она написана в конце X в. (982—983 гг. н. э.)³⁸⁴ на таджикском языке. В данной рукописи «автор, излагая физико-географическое описание населенной части земного шара, переходит к описанию отдельных государств и городов... путей сообщения, торговли, ремесла и т. д.»³⁸⁵, что делает ее важнейшим источником по истории Средней Азии и ряда других областей. По словам издателя, это «первостепенный памятник, до сих пор совершенно неизвестный, не упоминаемый ни в одном библиографическом обзоре».³⁸⁶

Издание содержит фототипическое воспроизведение рукописи, а также обширное и чрезвычайно ценное введение В. В. Бартольда и составленный им указатель.³⁸⁷

Потребности культурного строительства в республиках Средней Азии привели к переводу ряда работ В. В. Бартольда на узбекский и другие языки.

В 1926 г. был переведен на узбекский язык его труд «К истории орошения Туркестана»,³⁸⁸ в 1927 г. «История культурной жизни Туркестана»,³⁸⁹ а в 1931 г. «Туркестан».³⁹⁰ По сообщению А. Н. Бернштама, некоторые работы В. В. Бартольда были переведены также на киргизский язык.³⁹¹

До самого конца своей жизни В. В. Бартольд продолжал активно работать. 25 мая 1930 г. он был избран председателем группы востоковедения.³⁹² Но не прошло и трех месяцев, и главы советских востоковедов не стало.

В. В. Бартольд умер в больнице им. Эрисмана³⁹³ от уремии 19 августа 1930 г. Он похоронен на Смоленском кладбище.³⁹⁴ В похоронах В. В. Бартольда приняли участие представители научных учреждений Ленинграда, академики, друзья и ученики. С речами выступили С. Ф. Ольденбург и И. Ю. Крачковский. Первый говорил о личности В. В. и его трудах, второй выступил от имени учеников.

Заседания памяти В. В. Бартольда были проведены в Ташкенте и Ленинграде. В Ташкенте одним из докладчиков был И. И. Умняков. В Ленинграде 13 декабря 1930 г. было проведено заседание, посвященное памяти выдающегося востоковеда. Вступительное слово сказал Н. Я. Марр. С докладом «В. В. Бартольд как историк Средней Азии» выступил А. Ю. Якубовский. Кроме того, были прочитаны доклады А. Н. Самойловичем «В. В. Бартольд и тюркские языки», И. Ю. Крачковским «В. В. Бартольд как историк ислама», С. Ф. Ольденбургом «В. В. Бартольд как историк востоковедения».

В архиве АН СССР хранятся многочисленные телеграммы от Академии наук СССР, высших учебных заведений, разных учреждений, в том числе и из республик Средней Азии, в частности из Таджикистана.³⁹⁵

В телеграмме представителя узбекского народа говорилось:

«Бартольд был постоянным советником местным научным работникам, руководил экспедициями в Средней Азии, исследованиями. Узбекский народ, вступая на путь культурного развития, местные научные работники в трудах покойного найдут обильный материал для уяснения истории своей страны, сохраняют благодарную память о своем историке».³⁹⁶

Ряд работ В. В. Бартольда был опубликован посмертно, некоторые труды были переизданы. В архиве АН СССР хранятся многочисленные ненапечатанные научные труды академика Бартольда, большая часть которых посвящена истории народов Средней Азии. Из них отметим: курс «Истории Туркестана до VII в. н. э.» (1—210 стр.); «Исследование по истории Согдианы с древнейших времен до арабского завоевания» (кончая 719 годом, 1—136 стр.), «Очерк истории Туркестана» (домонгольский период, 1—64 стр.), «О культурной жизни Туркестана в прошлом и будущем», «Историко-географический обзор Средней Азии», курс «Среднеазиатской нумизматики», «История изучения мусульман-

В. В. Бартольд в последние годы своей жизни.

ского мира в России», статья о состоянии Бухарского ханства и вообще Туркестана и их перспективах после февральской революции, «Тарих-и-Бейхаки как исторический источник», характеристика следующих источников, подготовленных к печати: «Тарих-и-Сигари» (сочинения по истории Кокандского ханства и Якуб-бека), «Фирдаус-ал-икбал» (по истории Хивинского ханства) и ряд других.

***

Итак, мы попытались изложить основные факты научной биографии В. В. Бартольда. В заключение уместно привести характеристику результатов научной деятельности В. В. Бартольда, сделанную выдающимся советским востоковедом А. Ю. Якубовским. Он писал, что В. В. Бартольд «оставил огромное научное наследие, богатство которого оплодотворенное в наше советское время марксистско-ленинским методом, принесло большую пользу советской науке в области изучения истории и археологии Средней Азии.

Наследие Бартольда выражается прежде всего в поистине гигантском количестве нового фактического материала, который он критически извлек из арабских, персидских и турецких первоисточников, а также в критическом издании некоторых из них; в создании первой по времени научной истории Средней Азии в ее средневековой части; в тщательной разработке большого количества специальных вопросов в области политической, социальной и культурной истории стран Ближнего Востока и Средней Азии, изложенных в нескольких сотнях его работ; в тщательной разработке ряда вопросов из области нумизматики, эпиграфики и археологии Средней Азии, а также в разрешении вопросов, специально поставленных в помощь археологическому исследованию Средней Азии».³⁹⁸

ПРИМЕЧАНИЯ*

¹ В. В. Струве, Советское востоковедение за сорок лет. Уч. зап. Ин-та востоковед., т. XXV, М., 1960, стр. 3.

² В. В. Бартольд, Задачи русского востоковедения в Туркестане. Отчет о деятельности Академии наук по физ.-матем. и ист.-филолог. отделениям за 1914 г., Отд. отт., Пг., 1915, стр. 17.

³ В. В. Матвеев, «Из истории русского востоковедения» (Изучение истории арабских стран в Петербурге в XIX — начале XX вв.). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук, Л., 1955, стр. 14—15.

⁴ См. Н. А. Смирнов, Очерки истории изучения ислама в СССР, М.—Л., 1954, стр. 93—94.

⁵ А. Ю. Якубовский, Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда. Вестн. Ленингр. ун-та, 1947, № 12, стр. 67; см. также Ю. Пославский, Значение академика В. В. Бартольда в деле изучения экономики Средней Азии (К 30-летию юбилею научно-педагогической деятельности) «Народное хозяйство Средней Азии», год изд. третий, № 11—12, Ташкент, 1926, стр. 93—94.

⁶ В. В. Бартольд, Об одном историческом вопросе, Отд. отт. из жур. «Среднеазиатский вестник», Ташкент, 1896, ноябрь, стр. 1.

⁷ Б. В. Лунин, Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.), Ташкент, 1958, стр. 209, Рец. Б. А. Литвинский, «Сов. археол.», М., 1960, № 3, И. Джаббаров, ж. «Советская этнография», 1960, № 5.

⁸ В. А. Ромодин, Вклад ленинградских востоковедов в изучение истории Средней Азии, Уч. зап. Ин-та востоковед., т. XXV, М., 1960, стр. 30.

⁹ И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, М.—Л., 1950, стр. 143—144.

¹⁰ И. И. Умняков, В. В. Бартольд. По поводу 30-летия профессорской деятельности, Бюлл. САГУ, № 14, отд. отт., Ташкент, 1926, стр. 175—176.

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 109.

¹² ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27. Письма В. В. Бартольда Н. П. Остроумову (ПБО). Личный фонд Н. П. Остроумова (ЛФО) папка (п.) 10, пакет (п.) 23, л. 258, от 31 марта 1917 г.

* В примечаниях названия архивов приводятся сокращенно: Архив АН СССР — Архив Академии наук СССР (г. Ленинград). ГИАЛО — Государственный исторический архив ленинградской области.

ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив г. Ленинграда.

ЦГИА Уз. ССР... ПБО. ЛФО... п... п — Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР... Письма В. В. Бартольда Н. П. Остроумову. Личный фонд Н. П. Остроумова папка..., пакет.

¹³ С. Ф. Ольденбург, Василий Владимирович Бартольд, 15 XI 1869 — 19 VIII 1930, Изв. АН СССР, VII, сер. Отд. обществ. наук, № 1, 1931, стр. 4.

¹⁴ Н. А. Смирнов, Очерки истории изучения ислама в СССР, М., 1954, стр. 93.

¹⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 328.

¹⁶ В. (В.) Бартольд, История изучения Востока в Европе и России. Изд. второе, Л., 1925, стр. 30.

¹⁷ В. В. Бартольд, Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов. Изв. О-ва археол., истор. и этногр. при Казанском гос. ун-те им. В. И. Ульянова-Ленина, т. XXXIV, вып. 3—4, Казань, 1929, стр. 3.

¹⁸ В. В. Бартольд, История изучения Востока, стр. 31.

¹⁹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 130.

²⁰ А. Л. Шапиро, Русская историография в период империализма, Курс лекций. Изд. Ленингр. ун-та, 1962, стр. 131.

²¹ Н. А. Смирнов, Очерки истории изучения ислама в СССР, стр. 120.

²² Там же, стр. 94.

²³ М. В. Нечкина, Ю. А. Поляков, Л. В. Черепнин, О пройденном пути. Сб. Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР, М., 1962, стр. 33; А. Н. Кононов, Некоторые вопросы отечественного востоковедения, М., 1960, стр. 24.

²⁴ В. И. Ленин, соч., т. 14, стр. 328.

²⁵ Н. С. Хрущев, Речь на собрании в Академии наук Венгрии по случаю пребывания Партийно-Правительственной делегации Советского Союза в Венгерской Народной Республике, «Правда», 1958, 10 апреля.

²⁶ На основании архивных материалов автору удалось установить, что В. В. Бартольд переписывался с 328 лицами.

²⁷ Пользуюсь случаем выразить благодарность этим товарищам за сообщенные мне сведения.

²⁸ С. Ф. Ольденбург, Василий Владимирович Бартольд, стр. 1—6.

²⁹ Там же, стр. 1.

³⁰ Там же, стр. 6.

³¹ Н. Я. Марр, Василий Владимирович Бартольд, — Сообщ. ГАИМК, Л., 1931, № 1, стр. 8—12.

³² Там же, стр. 9.

³³ Там же, стр. 8.

³⁴ Там же, стр. 10.

³⁵ И. Ю. Крачковский, Памяти В. В. Бартольда. «Красная газета» (вечерний выпуск), Л., 1930, 21 августа, № 192(2555). См. также: А. Н. Бернштам, В. В. Бартольд (15 ноября 1869 — 19 августа 1930), Изв. Кирг. ФАН, вып. 2—3, 1945; стр. 130—131; он же, В. В. Бартольд (19 ноября 1869 г. — 19 августа 1930). В кн.: В. В. Бартольд, Киргизы, Фрунзе, 1943, стр. 3—11; Каракумов, Академик В. В. Бартольд, «Новый Восток», М., 1930, № 29, стр. 263—266; П. А., Академик В. В. Бартольд, «Туркменоведение», Ашхабад, 1930, № 8—9, стр. 51—52; См. также: В. В. Бартольд (некролог), — «Природа», 1930, № 9, стр. 932—933; на английском языке газета *Taimes* от 26 авг. 1930 г.

³⁶ R. Vasmer, Wilhelm Barthold.—«Zeitschrift fur Numismatik», Bd. XL, N. 3—4, Berlin, 1930, S. 346.

³⁷ P. Pelliot, W. Barthold.—«T'oung Pao», t. XXVII, 1930, p. 459; V. V. Barthold, Four studies on the history of Central Asia. Translated from the Russian by V. and T. Minorsky, Vol. 1, Leiden, E. J. Brill, 1956 (Foreword by the translator), p. VIII.

- ³⁸ Вестник Ленинградского университета, 1947, № 12, стр. 62—79.
- ³⁹ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 10, п. 23, л. 248, от 5 июля 1915 г.
- ⁴⁰ А. Ю. Якубовский, Проблема социальной истории народов Востока, стр. 65.
- ⁴¹ И. И. Умняков, В. В. Бартольд, По поводу 30-летия профессорской деятельности. Бюлл. САГУ, № 14, отд. отт. Ташкент, 1926. Доклад И. И. Умнякова, сделанный 18 XI 1927 г. на объединенном заседании Среднеазиатского отдела Государственного русского географического общества и Общества по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами («Несколько слов о значении трудов В. В. Бартольда в изучении Средней Азии»), не был, к сожалению, опубликован.
- ⁴² См. О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана, Ташкент, 1951, стр. 128 — 131.
- ⁴³ См. Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщ., Ташкент, 1957, стр. 227 — 233.
- ⁴⁴ И. Ю. Крачковский, В. В. Бартольд в истории исламоведения, Изв. АН СССР, сер. VII, № 1, 1934, см. также Избр. соч., т. V, М.—Л., 1958; А. Н. Бернштам, Академик В. В. Бартольд как историк Киргизстана (В кн.: В. В. Бартольд, «Очерк истории Семиречья», Фрунзе, 1943; В. А. Крачковская, В. В. Бартольд-нумизмат и эпиграфист—«Эпиграфика Востока», VIII, 1953.
- ⁴⁵ T. Dostojevskij, W. Barthold, Versuch einer Charakteristik,—«Die Welt des Islams», Bd. 12, H. 3, Berlin, 1931, Ss. 90 — 136.
- ⁴⁶ T. Menzel, Versuch einer Barthold-Bibliographie,—«Der Islam», Bd. 21 (1933), Ss. 236—242; Bd. 22 (1935), Ss. 144—162.
- ⁴⁷ J. Fück, Die arabischen Studien in Europa bis in den Anfang des 20. Jahrhunderts, Leipzig, 1955, Ss. 301—302.
- ⁴⁸ V. V. Barthold, Four studies on the history of Central Asia. Translated from the Russian by V. and T. Minorsky, Vol. I, Leiden, E. J. Brill, 1956 (Foreword by the Translator), p. VII — XV.
- ⁴⁹ P. Savickij, V. V. Barthold, Une page de l'histoire de la conscience nationale russe (A la Memoire de V. V. Barthold). (Extrait du Monde Slave, t. III, Aout 1931), MCMXXXI, pp. 1—16.
- ⁵⁰ Хранится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
- ⁵¹ Биографические факты о родителях Бартольда извлечены из издания «Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук», ч. 1, Пг., 1915, стр. 19 — 20.
- ⁵² «Советская страна должна знать своих ученых», «Огонек», М., 2 октября 1927 г., № 40(236); в дальнейших ссылках — «Огонек», 1927.
- ⁵³ С. Ф. Ольденбург, Василий Владимирович Бартольд, стр. 2.
- ⁵⁴ См. архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 134.
- ⁵⁵ (Н. И. Веселовский). Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета, (Пг., 1916), стр. 2.
- ⁵⁶ Состав преподавателей установлен на основании материалов, хранящихся в ГИАЛЮ, по делам—Обзор преподавания в восточном факультете. См. ф. 14, оп. 63, ед. хр. 15645, л. 1 — 22; также 15664, л. 1 — 8; 15674, л. 1 — 16.
- ⁵⁷ Материалы для истории факультета восточных языков, т. II, 1865 — 1901 гг., СПб., 1906, стр. 153.
- ⁵⁸ Там же, стр. 201 — 202.
- ⁵⁹ См. Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV, Обзор деятельности факультета, 1856 — 1906 гг., составленный проф. В. В. Бартольдом, СПб., 1909, стр. 196.

- ⁶⁰ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 427, л. 17.
- ⁶¹ Обзорные преподавания за 1888г. — ГИАЛЮ, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15652, л. 2. См. также История Востока, лекции, читанные профессором С.-Петербургского университета Н. И. Веселовским за 1887 — 1888 учебн. год (литографическое издание).
- ⁶² «Огонек», 1927 г.
- ⁶³ В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки, ЗВО, т. XXV, 1921, стр. 344.
- ⁶⁴ В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, Некролог, «Азиатский сб. изв. Российской АН». Нов. сер., Пг., 1918, стр. 812.
- ⁶⁵ В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки, стр. 334.
- ⁶⁶ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 18, л. 25.
- ⁶⁷ См. История Востока, лекции, читанные профессором С.-Петербургского университета Н. И. Веселовским за 1888—1889 учебн. год (литографическое издание).
- ⁶⁸ В. В. Бартольд, О христианстве в Туркестане в домонгольский период, ЗВО, т. VIII, вып. 1 — 2, 1893, стр. 1 — 32.
- ⁶⁹ Немецкий перевод был сделан В. В. Бартольдом в 1901 г. Zur Geschichte des Christentums in Mittel Asien bis zur mongolischen Eroberung. Tübingen und Leipzig, 1901, VII, 73 S.
- ⁷⁰ «Отчет о состоянии и деятельности императорского С.-Петербургского Университета за 1888 год», СПб., 1889, стр. 108.
- ⁷¹ Об избрании В. В. Бартольда в ординарные академики, Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, ед. хр. 122, л. 1.
- ⁷² См. Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 158.
- ⁷³ Департамент народного просвещения, ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 151, ед. хр. 217, л. 66.
- ⁷⁴ И. И. Умняков, В. В. Бартольд, По поводу 30-летия профессорской деятельности, стр. 176.
- ⁷⁵ «Огонек», 1927 г.
- ⁷⁶ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 13, л. 12.
- ⁷⁷ И. Ю. Крачковский, Избр. соч., т. V, М.—Л., 1958, стр. 104.
- ⁷⁸ См. В. А. Миханкова, Николай Яковлевич Марр, М.—Л., 1948, стр. 28.
- ⁷⁹ Н. Медников, В. Р. Розен как арабист, (В сб.: «Памяти барона Виктора Романовича Розена», СПб., 1909, Приложение к XVIII тому ЗВО), стр. 2.
- ⁸⁰ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 7, п. 16, л. 157, от 26 января 1908 г.
- ⁸¹ Упоминание о них см. И. Ю. Крачковский. Русские письма академику В. Р. Розену в Азиатском музее Академии наук СССР. ДАН СССР, сер. В, № 12, 1929, стр. 231—232.
- ⁸² А. Ю. Якубовский, Розен как историк (В сб.: «Памяти академика В. Р. Розена, М.—Л., 1947, стр. 33.
- ⁸³ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 8, пак. 19, л. 187, от 2 января 1911.
- ⁸⁴ И. Ю. Крачковский, Розен — основатель новой школы русского востоковедения, «Избр. соч.», т. V, М.—Л., 1958, стр. 98.
- ⁸⁵ Н. Я. Марр, Доистория, предистория, история и мышление, Изв. ГАИМК, вып. 74, 1933, стр. 22 — 23.
- ⁸⁶ Н. (Я.) Марр, В. Р. Розен и христианский Восток, (В сб.: «Памяти барона Виктора Романовича Розена, СПб., 1909 (приложение к XVIII тому ЗВО), стр. 9.

- ⁸⁷ В. (В.) Бартольд, Розен и русский провинциальный ориентализм, (В сб.:) «Памяти барона Виктора Романовича Розена», СПб., 1909 (Приложение к XVIII тому ЗВО), стр. 32.
- ⁸⁸ А. Ю. Якубовский, Розен как историк, (В сб.:) Памяти академика В. Р. Розена, М.—Л., стр. 23—24.
- ⁸⁹ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 12, п. 28, л. 338, от 2 июня 1920.
- ⁹⁰ Н. Медников, В. Р. Розен как арабист, (В сб.:) «Памяти барона Виктора Романовича Розена», СПб., 1909 (Приложение к XVIII тому ЗВО), стр. 7.
- ⁹¹ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 12, п. 28, л. 339, от 2 июня 1920.
- ⁹² ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 16, п. 36, л. 443, от 1 января 1928 г.
- ⁹³ В. И. Беляев, И. Н. Винников, Арабистика и семитология на восточном факультете (В сб.:) Востоковедение в Ленинградском университете, Л., 1950, стр. 100—101.
- ⁹⁴ И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, Избр. соч., т. V, стр. 92.
- ⁹⁵ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, Исследование. СПб., 1900, стр. IV.
- ⁹⁶ И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, Избр. соч., т. V, стр. 92.
- ⁹⁷ С. А. Венгеров, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых от начала русской образованности до наших дней, т. VI, СПб., 1904, стр. 24.
- ⁹⁸ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 400, л. 18.
- ⁹⁹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 161, ед. хр. 217, л. 66.
- ¹⁰⁰ Письмо В. В. Бартольда Розену от 22 октября 1891 г. из Галле, Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 18, л. 1.
- ¹⁰¹ См. о нем: В. (Р.) Розен, Август Мюллер, Некролог, ЗВО, т. VII, 1893, стр. 329—334; См. также А. Мюллер, История ислама с основания до новейших времен, т. I, СПб., 1895, стр. 3—8.
- ¹⁰² ЗВО, т. VII, стр. 333.
- ¹⁰³ Он тогда был профессором в Кенигсберге (сейчас — Калининград).
- ¹⁰⁴ Он написал рецензию на первый том ЗВО.
- ¹⁰⁵ А. Мюллер, История ислама, т. I, стр. 7—8.
- ¹⁰⁶ Письмо В. В. Бартольда Розену, Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 18, л. 5.
- ¹⁰⁷ Там же, л. 4.
- ¹⁰⁸ Там же, л. 9.
- ¹⁰⁹ См. И. Ю. Крачковский, Памяти Теодора Нельдеке, Избр. соч., т. V, М.—Л., 1958, стр. 329—336.
- ¹¹⁰ Там же, стр. 329.
- ¹¹¹ Письмо В. В. Бартольда В. Р. Розену, Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 20, л. 11.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ В. В. Бартольд, История изучения Востока, стр. 22.
- ¹¹⁴ Письмо В. В. Бартольда В. Р. Розену, Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 20, л. 12.
- ¹¹⁵ См. И. Ю. Крачковский, Избр. соч., т. V, М.—Л., 1958, стр. 348.
- ¹¹⁶ В. (В.) Бартольд, Пизанец Исол,—ЗВО, т. VI, СПб., 1892, стр. 327—330.
- ¹¹⁷ Об избрании В. В. Бартольда в ordinарные академики — Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, ед. хр. 122, л. 1.

- ¹¹⁸ В. В. Бартольд, Об одном историческом вопросе,— «Средне-аз. вестник», Ташкент, ноябрь 1896, отд. отт., стр. 1.
- ¹¹⁹ В. В. Бартольд, Рецензия на книгу Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности». ЗВО, т. XI, 1899, стр. 355.
- ¹²⁰ В. В. Бартольд, Европейская наука и русская школа в будущем Туркестане. «Туркестанский учитель», Орган Туркестанского учительского союза. Год изд. 1-й, № 7—8, Ташкент, ноябрь, 1917, стр. 190.
- ¹²¹ В. В. Бартольд, История изучения Востока, стр. 22.
- ¹²² Материалы для истории факультета восточных языков, т. II, 1865—1901 гг., СПб., 1906, стр. 215.
- ¹²³ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 424, л. 5.
- ¹²⁴ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15678, л. 20.
- ¹²⁵ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 324, л. 6.
- ¹²⁶ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ЦБО, ЛФО, п. 1, п. 1, л. 1, от 12 сентября 1893 г.
- ¹²⁷ См. «Туркестанские Ведомости», 1893, № 99; 1894, № 5, 6, 7; «Окраина», 1894, № 16.
- ¹²⁸ См. «Туркестанские Ведомости», 1897, № 40.
- ¹²⁹ Дневник поездки по Средней Азии за 1894 г.— Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 323, л. 37.
- ¹³⁰ Это выступление В. В. Бартольда было опубликовано в газете «Туркестанские Ведомости», 1894, № 5, 6, 7 под названием: «К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане». По этому поводу см. также газеты «Окраина», 1894, № 16, («Новое научное общество в Ташкенте»). Это выступление также было опубликовано в виде брошюры — «Открытие Туркестанского кружка любителей археологии 11 декабря 1895 г.», Ташкент, 1895. См. также В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Среднюю Азию,—ЗВО, т. VIII, 1893, стр. 339—344; Он же, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг., — «Зап. АН сер. VIII, по истор.-филолог. отд.», т. I.
- ¹³¹ «Туркестанские Ведомости», 1894, № 7.
- ¹³² См. Б. В. Лунин, указ. соч.; см. также переписка между В. В. Бартольдом и вице-председателем ТКЛА Н. П. Остроумовым, (всего 278 писем, 472 лл.), хранящихся в ЦГИА Уз. ССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27.
- ¹³³ В. (В.) Бартольд, Положение науки в Туркестанском крае, «Окраина», 1894, № 52; см. также: «Огонек», 1927 г.
- ¹³⁴ Об избрании В. В. Бартольда в ordinарные академики,— Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, ед. хр. 122, л. 1.
- ¹³⁵ Там же, л. 2.
- ¹³⁶ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 1, п. 2, л. 8—9, от 7 мая 1894 г.
- ¹³⁷ (Заднепровский Ю. А.), Археологическое изучение котловин Исык-Куля и значение исследования П. П. Иванова—Тр. Ин-та истории АН Кирг. ССР, вып. 3, Фрунзе, 1957, стр. 110.
- ¹³⁸ Археологическая карта Казахстана. Регистр. Алма-Ата, 1960, стр. 12.
- ¹³⁹ Письмо из Галле от 10 декабря 1891 г.— Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 18, л. 10.
- ¹⁴⁰ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 1, п. 2, л. 4, от 7 мая 1894 г.
- ¹⁴¹ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 400, л. 18; см. также: С. А. Венгеров, указ. соч., стр. 24.
- ¹⁴² Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 400, л. 18.
- ¹⁴³ M. Dostojevskij, W. Barthold..., S. 93.

- ¹⁸⁸ Bukhara, —EJ, I, 1913. pp. 776—783.
- ¹⁸⁹ См. Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг. Часть первая, Пг., 1917, стр. 231.
- ¹⁹⁰ Там же, стр. 277.
- ¹⁹¹ См. В. В. Лунина, указ. соч.
- ¹⁹² Извлечение из протокола заседания Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии 31 I 1904, — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», № 3, СПб., 1904, стр. 10.
- ¹⁹³ В. (В.) Бартольд, Текст первой надписи в Варухском ущелье, ПТКЖА, т. IX, Ташкент, 1904, стр. 45—67.
- ¹⁹⁴ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, Археологический очерк Исфаринского района, Тр. АН Тадж. ССР, т. XXV, Душанбе, 1955, стр. 15. Об историческом значении надписи в Варухском ущелье. см. Б. А. Литвинский и, Северная надпись в Варухском ущелье, —КСИИМК, 61, М., 1956, стр. 114—119.
- ¹⁹⁵ См. ЗВО, т. XII, 1900; он же, Еще о самаркандских оссуариях, —ЗВО, т. XIII, 1901, стр. 099—0104; Он же, К вопросу об оссуариях Туркестанского края, ИРКИСВА, 1907, т. 8, стр. 47—69. В письме В. В. Бартольда, адресованном Н. П. Остроумову от 13 февраля 1900 г., говорится также о глиняном гробе, найденном Н. И. Веселовским в Самарканде. Цитирую по Шахматову В., Кирееву Ф., Из неопубликованных писем русских востоковедов, — Вестник АН Каз. ССР, № 10, Алма-Ата, 1954, стр. 97.
- ¹⁹⁶ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 400, л. 18.
- ¹⁹⁷ См. ЗВО, т. XVIII, стр. 0115—0154.
- ¹⁹⁸ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 400, л. 19.
- ¹⁹⁹ Там же.
- ²⁰⁰ Там же.
- ²⁰¹ Дневник путешествия по маршруту Оренбург—Башкирия—Сибирь—Кяхта, Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 98; В. В. Бартольд в этом году был также в Монголии, см. Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 344. — Дневник поездки в Сибирь и Монголию.
- ²⁰² Изв. Импер. Академии наук, VI серия, 1914, стр. 879.
- ²⁰³ См. Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № II, СПб., 1914, стр. 20—21.
- ²⁰⁴ Там же, № III, СПб., 1914, стр. 41—42.
- ²⁰⁵ Изв. Импер. Академии наук. VI серия, 1916, стр. 1239.
- ²⁰⁶ Архив АН СССР, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 33, л. 42.
- ²⁰⁷ В предыдущих работах В. В. Бартольда по Семиречью был собран и проанализирован огромный фактический материал, извлеченный из письменных источников. Упомянем «Отчет о командировке в Среднюю Азию», ЗВО, т. VIII, 1893, стр. 339—344; «К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане», «Туркестанские ведомости», 1894, № 5—7; «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг.», Записки Академии наук по истор.-филолог. отд., VIII серия, т. I, № 4, СПб., 1897 г. (в дополнение к «Отчету» В. В. дал издание персидского текста и русский перевод отрывка о турецких народах из сочинения Гардизи (XI в. н. э.) «Укращение известий», обнаруженного в Оксфордской Бодлеанской библиотеке) и др. На базе названных работ и была написана статья в Памятной книжке Семиреченской области, II, 1898, стр. 74—175 под заглавием «Очерк истории Семиречья».
- ²⁰⁸ The History of Bukhara. Transl. Richard N. Frye, Cambridge, Massachusetts, 1954.
- ²⁰⁹ Б. А. Литвинский, Рец. Б. В. Лунина, Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, «Сов. археол.», 1960, № 3, стр. 347. Перевод 1897 г. был отмечен в местной печати, где было сказано немало

теплых слов в адрес В. В. Бартольда:—см. «Туркестанские ведомости», 1897, № 49.

²¹⁰ См. И. И. Умняков, Значение трудов акад. В. В. Бартольда по истории Средней Азии (в кн.:) «Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений». Ташкент, 1957, стр. 231. См. также оценку в «Туркестанских ведомостях», № 21, 1899.

²¹¹ «Туркестанские ведомости» № 88, 1900.

²¹² Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 13, л. 15—16.

²¹³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 151, ед. хр. 217, л. 54.

²¹⁴ Андрей Руднев, В. В. Бартольд, «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Библиогр. заметка. Отд. отг. из прил. «Восточное обозрение», —«Сибирский сборник» за 1902 г., стр. 1.

²¹⁵ См. «Туркестанские ведомости», 1900, № 97.

²¹⁶ «Туркестанские ведомости», 1900, № 97; См. также: № 80, 88.

²¹⁷ ЦГИА УзССР, ф. 71, оп. 1, ед. хр. 12, л. 20. См. также протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, г. V, Ташкент, 1900, стр. 125.

²¹⁸ ЦГИА УзССР, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 43, л. 35.

²¹⁹ Это письмо было напечатано в «Туркестанских ведомостях» 1901, № 1.

²²⁰ V. (V.) Bartold, Mangular devride Turkestan.—Moskov-Samargand, 1931 (перевод неполный), стр. 1—336.

²²¹ V. V. Barthold, Turkestan down to the Mongol Invasion. E. J. W. Gibb Memorial New Series, V, 1928.

²²² Письмо А. А. Семенова В. В. Бартольду от 23 февраля 1922 г. — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, ед. хр. 221, л. 107.

²²³ Письмо акад. В. В. Бартольда Ф. А. Розенбергу от 21 июня 1926 г., Архив АН СССР, ф. 850, оп. 3, ед. хр. 4, л. 4.

²²⁴ И. И. Умняков, В. В. Бартольд. По поводу 30-летия профессорской деятельности, стр. 181.

²²⁵ См. список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета, 1918, стр. 2.

²²⁶ См. «Изв. Туркест. отд. Русск. геогр. об-ва», т. IV, научные результаты, вып. II, Ташкент, 1902, стр. 1—120.

²²⁷ См. Хафизин-Абру и его сочинения, Сб. статей учеников бар. В. Р. Розена «Музаффария», 1897, стр. 1—28 (частично); К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, —ЗВО, т. XIV, стр. 24—28; По поводу Аму-Дарьинского вопроса, — «Русский Туркестан», 1901, № 37, Об Аму-Дарье см. также: Аму-Darya, I, pp. 356—359; см. также VI глава книги. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 71—102 и др.

²²⁸ Письмо В. В. Бартольда Н. Г. Маллицкому, от 7 февраля, год неизв. — Хранится в библиотеке Института востоковедения АН УзССР, г. Ташкент (без инв. №). Краткую характеристику работ В. В. Бартольда, посвященных вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, см. также «Туркестанские ведомости», 1902, № 35.

²²⁹ С. П. Толстов, Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948 г. Он же: По следам древне-хорезмской цивилизации, М.—Л., 1948; Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, Под общей ред. проф. С. П. Толстова, М., 1952; Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, Под общей редакцией чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова, М., 1958; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, История формирования и заселения. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3, под общей ред. С. П. Толстова, М., 1960; С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. См. также: Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957 и др.

²³⁰ В. В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана. Спб., 1903 (Изд. фак. восточных языков. С.-Петербургского ун-та, № 9), стр. 1. Данная работа была издана в Тегеране:

تذکره — جغرافیای تاریخی ایران. تالیف و. بارتولد ترجمه حمزه سردارود (طالبزاده) چاپ اول طهران بهمن ۱۳۰۸

²³¹ А. Е. Крымский, История Персии, ее литературы и дервишской теософии. Тр. по востоковед., издаваемые Лазаревским ин-том восточных языков, вып. XVI, № 1, М., 1909, стр. 12.

²³² См. «Туркестанские ведомости», 1903, № 76; 1904, № 37.

²³³ Газета *شفق سرخ*, № 1444 от 21 эсфенда 1309 г. (12 марта 1930 г.)

²³⁴ W. Barthold, Russische Arbeiten über Westasien,—Sonderabdruck aus «Mittheilungen aus dem Seminar für Orientalische Sprachen zu Berlin», Berlin, 1898, S. 150.

²³⁵ W. Barthold, Stand und Aufgaben der Geschichtsforschung in Turkestan, «Die Geisteswissenschaften», Н. 39, Leipzig, 1914, Ss. 1075—1080.

²³⁶ В «Энциклопедии ислама» помещено 246 статей В. В. Бартольда, причем не менее половины относятся к истории Средней Азии — см. И. И. Умняков, Значение трудов акад. В. В. Бартольда по истории Средней Азии, (Сб.:) Первая Всесоюзная конференция востоковедов, Тезисы докл. и сообщ., Ташкент, 1957, стр. 227.

²³⁷ Н. Я. Марр, Василий Владимирович Бартольд, стр. 8.

²³⁸ ЦГИА УзССР, ф. 1099, оп. I, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 4, п. II, л. 84, от 24 июля 1903 г.

²³⁹ См. ЗВО, т. XVII, 1907, стр. 83—107.

²⁴⁰ Б. А. Литвинский, Намазга-Тепе. «Сов. этногр.», 1952, № 4, стр. 51.

²⁴¹ В. В. Бартольд, О народном движении в Самарканде в 1365 году, «Туркестанские ведомости», 1904, № 39; так же «Народное движение в Самарканде в 1365 г.»—ЗВО, т. XVII, 1906, вып. I, стр. 09—019. См. также изложение этой работы, сделанное Н. Г. Маллицким в «Туркестанских ведомостях», 1906, № 157.

²⁴² См. Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, изд. III, М., 1955, стр. 322—327.

²⁴³ Л. В. Строева, Сербадары Самарканда, Уч. зап. ЛГУ, № 98, 1949, стр. 270—281. Это мнение разделяют все советские историки. Особняком стоят не основанные на личном изучении первоисточников утверждения автора статьи «О классовой борьбе в Самарканде в 1365—1366 гг. (в трудах Государственной публичной библиотеки УзССР, т. I, Ташкент, 1935, стр. 25—31), что якобы в Самарканде сербадары отражали интересы эксплуататорской верхушки, и главные вожди движения происходили из богатой знати».

²⁴⁴ Уже в 1913 г. в Лейпциге был издан немецкий перевод этой книги, с введением проф. М. Хартманна.

²⁴⁵ (В. В. Бартольд), Задачи русского востоковедения в Туркестане, стр. 5.

²⁴⁶ Материалы для истории факультета восточных языков, т. 4, Обзор деятельности факультета 1855—1905 гг., составленный проф. В. В. Бартольдом, С.-Петербург, 1909, стр. 174.

²⁴⁷ (В. В. Бартольд), Задачи русского востоковедения, стр. 6.

²⁴⁸ Там же, стр. 18.

²⁴⁹ Работа под этим названием в 1913 г. была первоначально опубликована в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство» за 1913 г. Затем она вышла отдельной книжкой — К истории орошения Туркестана, СПб., 1914.

²⁵⁰ В. В. Бартольд, О погребении Тимура,—ЗВО, т. XXIII, вып. 1—2. Пг., 1915, стр. 1—33.

²⁵¹ В. В. Бартольд, Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток,—Изд. АН, VI сер., 1916, т. X, ч. I, стр. 823—828. В марте 1916 г. в заседании Русского археологического общества, В. В. Бартольд прочитал доклад на тему «К вопросу о границах греко-бактрийского государства», который в виде реферата был опубликован в ЗВО, т. XXIV, 1917, стр. XV—XVI.

²⁵² См. ЗВО, т. IX, 1896, стр. IV.

²⁵³ См. ЗВО, т. XVII, 1907, стр. XIX; ЗВО, т. XXII, 1914, стр. III.

²⁵⁴ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, ед. хр. 122, л. 2.

²⁵⁵ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 413, Диплом об избрании чл.-корр. Академии наук, по разряду восточной словесности от 29 декабря 1910 г.

²⁵⁶ Архив АН СССР, р. V, оп. Б, № 60, См. Также: «Список действительных членов Академии наук СССР. 1725—1925», Л., 1925, стр. 29; См. также Востоковедение в Петрограде 1918—1922 (Памятка коллегии Востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук), Пг., 1928, стр. 6. В. В. Бартольд 12 октября 1913 г. был избран действительным членом АН. Дата, приведенная И. И. Умняковым, — 12 октября 1912 г. (И. И. Умняков, В. В. Бартольд..., стр. 175), ошибочна.

²⁵⁷ И. Ю. Крачковский, В. В. Бартольд в истории исламоведения,— Избр. соч., т. V, М.—Л., 1958, стр. 350—351.

²⁵⁸ Н. Я. Марр, Василий Владимирович Бартольд, стр. 12.

²⁵⁹ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 9, оп. 20, л. 204, от 18 февраля 1912 г.

²⁶⁰ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 9, п. 20, л. 205, от 18 февраля 1912 г.

²⁶¹ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. 1, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 8, п. 19, л. 199, от 29 октября 1911 г.; см. также, «Мир Ислама», Издание Императорского о-ва востоковед., Под ред. проф. В. (В.) Бартольда, т. I, № 1, СПб., 1912, стр. 3.

²⁶² ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. I, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 9, п. 21, л. 218, от 3 марта 1913.

²⁶³ ЦГИА УзССР, там же. от 23 сентября 1913 г.

²⁶⁴ В. В. Бартольд, Восток и русская наука, «Русская мысль», кн. VIII, 1915, стр. 11.

²⁶⁵ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. I, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 8, п. 19, л. 199, от 29 октября 1911 г.

²⁶⁶ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. I, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 3, п. 7, л. 55, от 10 декабря 1900 г.

²⁶⁷ В. В. Бартольд, Восток и русская наука, стр. 10.

²⁶⁸ Там же, стр. 12.

²⁶⁹ См. М. Е. Массон, Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах,—«Материалы Узкомстариса», вып. 2—3, Ташкент, 1933, стр. 7—8.

²⁷⁰ Дневник поездки по Средней Азии за 1894 г. Архив АН СССР, ф. 68, оп. I, ед. хр. 323, л. 34—35.

²⁷¹ В. В. Бартольд, Восток и русская наука, стр. 10.

²⁷² В. В. Бартольд, К проекту Восточного института, — «Туркестанские ведомости», 1906, № 165.

²⁷³ Архив АН СССР, ф. 68, оп. I, ед. хр. 402, л. 5;

²⁷⁴ В. И. Ленин, соч., т. 31, стр. 262.

²⁷⁵ В. И. Ленин, соч., т. 28, стр. 194—195.

²⁷⁶ В. И. Ленин, соч., т. 30, стр. 76—78.

²⁷⁷ И. С. Смирнов, Ленин и советская культура, М., 1960, стр. 22.

- ²⁷⁸ В. И. Ленин, соч., т. 29, стр. 51—52.
²⁷⁹ В. И. Ленин, соч., т. 29, стр. 136.
²⁸⁰ «Протоколы заседаний Отделения исторических наук и филологии Российской Академии наук», 1918, § 128. Цитирую по А. В. Кольцову, В. первые октябрьские годы, Вестн. АН СССР, М., 1957, № 10, стр. 153.
²⁸¹ А. В. Кольцов, В. первые октябрьские годы, — Вестник Академии наук СССР, М., 1957, № 10, стр. 153.
²⁸² См. Изв. РАН, сер. VI, № 14, 1918, стр. 1462—1464.
²⁸³ Б. В. Луниин, указ. соч., стр. 220.
²⁸⁴ См. О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана. Стенографический отчет расширенного заседания Отделения гуманитарных наук Академии наук Узбекской ССР 21—27 апреля 1949 г., Ташкент, 1951.
²⁸⁵ А. Л. Шапиро, Русская историография в период империализма, стр. 8.
²⁸⁶ В. И. Ленин, соч., т. 5, стр. 312.
²⁸⁷ Н. А. Смирнов, Очерки истории изучения ислама в СССР, стр. 120.
²⁸⁸ «Научный работник», 1927, № 2, стр. 3.
²⁸⁹ См. «Наука и революция», М., 1917, стр. 6.
²⁹⁰ См. «Культурная революция и научные работники», М., 1928, стр. 49—52.
²⁹¹ «Культурная революция и научные работники», М., 1928, стр. 52.
²⁹² Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, ед. хр. 52, л. 1.
²⁹³ См. Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, ед. хр. 52, л. 2—3.
²⁹⁴ Б. В. Луниин, указ. соч., стр. 220.
²⁹⁵ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. I, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 16, п. 37, л. 462, от 17 ноября 1929.
²⁹⁶ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Изд. АН СССР, Л., 1927, стр. II.
²⁹⁷ Б. В. Луниин, указ. соч., стр. 221.
²⁹⁸ В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестане 1920 г. «Изв. РАИМК», т. II, Пг., 1922, стр. 21.
²⁹⁹ «Огонек», 1927.
³⁰⁰ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. I, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 12, п. 28, от 15 мая 1920 г.
³⁰¹ Н. С. Хрущев, Речь на собрании в Академии наук Венгрии по случаю пребывания Партийно-Правительственной делегации Советского Союза в Венгерской Народной Республике. «Правда», 1958, 10 апреля.
³⁰² Документы деятельности В. В. Бартольда в АН, Архив АН СССР, ф. 69, оп. I, ед. хр. 430, см. также—Востоковедение в Петрограде 1918—1922 (Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН), Пг., 1923.
³⁰³ Деятельность В. В. Бартольда в Академии наук — Архив АН СССР, ф. 68, оп. I, ед. хр. 432, л. 121.
³⁰⁴ Платонов, История, — (в кн.:) «Академия наук СССР за десять лет, 1917—1927 гг.», Л., 1927, стр. 83—95.
³⁰⁵ С. Ф. Ольденбург, Востоковедение, — (в кн.:) «Академия наук СССР за десять лет, 1917—1927 гг.», Л., 1927, стр. 140—155.
³⁰⁶ Востоковедение в Петрограде 1918—1922 (Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН), Пг., 1923, стр. 9—10.
³⁰⁷ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. I, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. II, п. 27, л. 314, от 3 ноября 1919 г.
³⁰⁸ Проект положения о Радловском кружке, принятый в общем собрании членов 8 сентября 1922 года, — Архив АН СССР, ф. 68, оп. I, ед. хр. 430, л. 225.

³⁰⁹ Там же, л. 224. См. также: «Положение о Радловском кружке» (ИАН СССР, сер. VI, 1922), стр. 139.

³¹⁰ Судя по архивным данным, В. В. Бартольд был избран почетным членом Совета Института истории искусств (в 1918 г.); членом Академии истории материальной культуры (в 1919 г.); представителем Академии в Особой выборной коллегии Гос. Эрмитажа (в 1919 г.); почетным членом Общества изучения древних культур при Русском историческом музее (в 1920); почетным членом Туркестанского Восточного института (в 1920 г.) членом совета Государственного Эрмитажа (в 1921 г.); действительным членом Научно-исследовательского института им. А. Н. Веселовского (в 1921 г.); почетным председателем научного общества при социально-экономическом и историко-филологическом факультете Туркестанского университета (в 1921 г.); почетным членом Кавказского историко-археологического института (в 1924 г.); представителем АН в предварительной комиссии по объединению научных работ в Средней Азии (в 1924 г.); членом особой постоянной комиссии по вопросу научных сношений с заграницей, по предложению Совнаркома образованной при АН СССР (в 1925 г.); почетным членом Туркестанского общества краеведения (в 1925 г.); почетным членом Таврического Общества истории, археологии и этнографии Крыма (в 1925 г.); почетным членом Общества обследования и изучения Азербайджана (в 1925 г.); почетным членом Общества Всеукраинской научной ассоциации востоковедов (в 1926 г.); членом ученого Совета Восточного отдела Государственного Эрмитажа (в 1928 г.); почетным членом Кыргызского научно-исследовательского института (в 1929 г.) и мн. др.

³¹¹ Материалы по участию в работах Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, — Архив АН СССР, ф. 68, оп. I, ед. хр. 444, л. 1—2.

³¹² А. Ю. Якубовский, ГАИМК-ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет.—Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, VI, М.—Л., 1940, стр. 15.

³¹³ См. «Первый Всесоюзный туркологический съезд (26 февраля — 6 марта)», Баку, 1926, стр. 21—32; см. также В. В. Бартольд, Из поездки в Турцию, «Научный работник», Ежемесячный журнал, № 3, М., 1926, стр. 64—73.

³¹⁴ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. I, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 15, п. 34, л. 431, от 11 апреля 1926 г.

³¹⁵ С. Ф. Ольденбург, Первый Всесоюзный туркологический съезд. (26 февраля — 6 марта 1926 г.) — «Научный работник», Ежемесячный журнал, № 3, М., 1926, стр. 2.

³¹⁶ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. I, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 8, п. 19, л. 191, от 4 марта 1911 г.

³¹⁷ ЦГИА УзССР, ф. 1009, оп. I, ед. хр. 27, ПБО, ЛФО, п. 4, п. II, л. 83, от 24 июля 1903 г. Речь идет о рецензии Хартмана на «Туркестан», опубликованной в «Orientalistische Zeitschrift».

³¹⁸ Цит. по Г. А. Князеву, Краткий отчет истории Академии наук СССР, М.—Л., 1945, стр. 68.

³¹⁹ См. Н. Н. Селихов и С. Л. Вальтман, Ленин и первые шаги советского востоковедения, «Советское востоковедение», 1958, № 2, стр. 21—25.

³²⁰ См. там же, стр. 22.

³²¹ Изв. РАН, сер. VI, № 14, 1918, стр. 1474.

³²² А. Н. Кононов, Восточный факультет Ленинградского университета, — Уч. зап. ЛГУ, № 296, сер. востоковед. наук, вып. 13, Л., 1960, стр. 24.

³²³ Материалы по участию в работах Института живых восточных языков, Архив АН СССР, ф. 68, оп. I, ед. хр. 441, л. 9—12.

³²⁴ См. П. Б. Краткий исторический очерк деятельности 1-го Среднеазиатского университета за 5 лет (1918—1923 гг.) — «Бюлл. САГУ», вып. 1—6, 1923—1924 гг., стр. 16. См. также Е. А. Дворкина, Основание университета в Туркестане (1918—1920 гг.) Тр. САГУ им. В. И. Ленина. Нов. сер., вып. ХС. Истор. науки, кн. 14. Изд. САГУ, Ташкент, 1957, стр. 7—35.

³²⁵ И. И. Умняков, указ. соч., стр. 175.

³²⁶ С. Д. Муравейский, Двадцать лет САГУ (в кн.:) «XX лет Среднеазиатского государственного университета», Ташкент, 1940, стр. 11.

³²⁷ Материалы по участию в работе Туркестанского государственного университета, Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 443, л. 46.

³²⁸ Индивидуальный отчет члена Академии истории материальной культуры В. В. Бартольда за 1920 г., — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 439, л. 50. Об истории Туркестанского восточного института — см. Туркестанский восточный институт (1918—1922). (Ташкент, 1922). Литогр. изд. студкома Т. В. И.

³²⁹ П. Баранов, Среднеазиатский университет, Исторический очерк, — (В кн.:) «Среднеазиатский государственный университет к десятилетнему юбилею Октябрьской революции», Ташкент, 1927, стр. 28.

³³⁰ Индивидуальный отчет члена Академии истории материальной культуры В. В. Бартольда за 1920 г., — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 439, л. 50.

³³¹ Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических республик за 1928 год, I. Общий отчет, Л., 1929, стр. 91—93.

³³² Там же, стр. 193—194.

³³³ Там же, стр. 207—208.

³³⁴ Там же, стр. 267—268, 270—271.

³³⁵ Там же, стр. 220—222.

³³⁶ Там же, стр. 23—24.

³³⁷ Там же, стр. 309.

³³⁸ Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических республик за 1928 год, II., Отчет о научных командировках и экспедициях, Л., 1929, стр. 327.

³³⁹ См. В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан, — Изв. АН, 1921, стр. 183—219. См. также Изв. ГАИМК, т. II, 1922, стр. 1—22.

³⁴⁰ А. М. Миронов, Организационная, научная и практическая деятельность Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 27.

³⁴¹ В. В. Баргольд, Ближайшие задачи изучения Туркестана, — «Наука и просвещение», № 2, 1922, стр. 1—11.

³⁴² См. Б. А. Литвинский, Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (Краткий очерк), Душанбе, 1954 (Тр. АН Тадж. ССР, т. XXVI), стр. 6. Имеется в виду статья В. В. Бартольда, К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане, Ташкент, 1894.

³⁴³ Архив АН СССР, ф. 68, оп. I, ед. хр. 400, л. 19. О результатах данной поездки см.: В. В. Бартольд, Научная поездка в Западную Европу, «Анналы», 1924, № 4, стр. 3—19.

³⁴⁴ См. Ежегодник Российского института истории искусства, I, вып. 11, 1922, стр. 113—117.

³⁴⁵ В. В. Бартольд, Научная поездка в Западную Европу, ж. «Анналы», 1924, № 4, стр. 4.

³⁴⁶ См. «Научный работник», Ежемесячный журнал, № 10, М., 1927, стр. 9.

³⁴⁷ См. В. В. Бартольд, Собрание восточных рукописей в Баку. (I Приложение к протоколу II заседания Отд. истор. наук и филологии РАН 28 января 1925 года (н. § 27), стр. 9—14.

³⁴⁸ Письмо В. В. Бартольда С. Ф. Ольденбургу от 2 декабря 1924 г. — Архив АН СССР, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 33, л. 45.

³⁴⁹ «Бакинский рабочий», за 2 декабря 1924 г.

³⁵⁰ Письмо В. В. Бартольда С. Ф. Ольденбургу за декабрь 1924 год, Архив АН СССР, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 33, л. 45.

³⁵¹ См. Изв. АН СССР, VI сер., т. XX, 1926, № 3—4, стр. 217—236.

³⁵² См. Б. В. Фармаковский, Отчет о деятельности Государственной Академии истории материальной культуры с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 года, — Сообщ. ГАИМК, I, Л., 1926, стр. 14; И. И. Умняков, Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920—1928 гг., Ташкент, 1929, стр. 20—21.

³⁵³ См. Изв. РАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 119—133.

³⁵⁴ См. Сообщ. ГАИМК, т. I, 1926, стр. 207—217.

³⁵⁵ Изв. РАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 120. Об оценке работ Кон-Винера см. также И. И. Умняков, Архитектурные памятники Средней Азии, Ташкент, 1929.

³⁵⁶ Изв. РАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 132.

³⁵⁷ Архив АН СССР, ф. 68, оп. I, ед. хр. 440, л. 19.

³⁵⁸ Там же, ф. 68, оп. I, ед. хр. 402, л. 24.

³⁵⁹ Отчет о командировке в Турцию, Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, ед. хр. 122, л. 130—131.

³⁶⁰ M. Dostojevskij, W. Barthold..., S. 103.

³⁶¹ См. Материалы по деятельности В. В. Бартольда в АН, Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 430, л. 382.

³⁶² См. «Отчет о деятельности АН СССР за 1927 год», Изд. АН СССР, Л., 1928, ч. II, стр. 253—254, также M. Dostojevskij, W. Barthold..., S. 131.

³⁶³ См. Бюлл. САГУ, вып. 17, Ташкент, 1928, стр. 173.

³⁶⁴ Дневник за 1927 г. (Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 365).

³⁶⁵ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 15, ед. хр. 4, л. 429, 431.

³⁶⁶ См. Материалы по работе в Российской Академии истории материальной культуры, — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 439, л. 107—111. См. также «Академия наук СССР 1917—1927 гг.», Л., 1927, стр. 22. О задачах и результатах данной экспедиции см. следующие работы И. И. Зарубина: Этнографические задачи экспедиции в Таджикистане, Л., 1925. (Прилож. к протоколу XVI заседания ОИФ АН СССР, 2 декабря 1925 г., к § 278); Список народностей Туркестанского края, Л., 1925, (РАН. Тр. комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, вып. 9); Население Самаркандской области, его численность, этнографический состав и территориальное распределение. Л. АН СССР, 1926; Орорские тексты и словарь. Л., АН СССР, 1930 (САН СССР, Памирская экспедиция 1928 г. Тр. экспедиции, вып. VI, Лингвистика); Бартагские и рушанские тексты и словарь, М.—Л., АН СССР, 1937, Шугнанские тексты и словарь, М.—Л., Изд. АН СССР (Ленингр. отд.), 1960; Н. А. Кисляков, Этнографическое изучение Таджикистана. Тр. Тадж. ФАН СССР, т. XXIX, 1951, стр. 53—66; и ряд других.

³⁶⁷ См. Выписка из протокола ОГН от 30 мая 1928 г., Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 430, л. 431.

³⁶⁸ См. «Отчет о деятельности Академии Наук СССР за 1929 г.», ч. II, Изд. АН СССР, Л., 1930, стр. 1.

³⁶⁹ V. V. Barthold, Four studies..., p. VIII (Foreword by the translator).

³⁷⁰ ЦГИА УзССР, ф. 69, оп. I, ед. хр. 43, л. 40.

³⁷¹ Записки Российской Академии наук по историко-филологическому отделению, т. XIII, № 5, Пг., 1918.

³⁷² Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, ед. хр. 122, л. 2.

³⁷³ И. Ю. Крачковский, В. В. Бартольд в истории исламоведения, стр. 360.

³⁷⁴ Н. А. Смирнов, Очерк истории изучения ислама в СССР, стр. 152—153.

³⁷⁵ См. «Восток», кн. 3, М.—Л., 1923, стр. 178—179.

³⁷⁶ Цитирую по И. И. Умнякову, указ. соч., стр. 196.

³⁷⁷ В. В. Бартольд, К истории крестьянских движений в Персии, — (В сб.): «Из далекого и близкого прошлого», в честь Н. И. Кареева, Пг., 1923, стр. 57.

³⁷⁸ В. В. Бартольд, Таджики (исторический очерк). (Сб) «Таджикистан», под ред. Н. Л. Корженевского, Ташкент 1925; Киргизы (исторический очерк), Фрунзе, 1927; Очерк истории туркменского народа, Сб. Туркмения, т. I, Л., 1929.

³⁷⁹ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.

³⁸⁰ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 11.

³⁸¹ На такой подход буржуазной историографии обратили внимание М. В. Нечкина, Ю. А. Поляков и Л. В. Черепкин в статье «Некоторые вопросы истории советской исторической науки». «Коммунист», 1961, № 9, стр. 59—60.

³⁸² В. В. Бартольд, Мир-Али-Шир и политическая жизнь, «Мир-Али-Шир, сб. к пятисоплетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 100—164.

³⁸³ В. В. Бартольд, Мир-Али-Шир, стр. 101.

³⁸⁴ В. В. Бартольд, Худуд-ал-Алем. Рукопись Туманского с введением и указателем, Л., 1930, стр. 1.

³⁸⁵ Там же, стр. 22, 26, 27.

³⁸⁶ Там же, стр. 1.

³⁸⁷ «Худуд-ал-Алем» в 1937 г. была переведена на английский язык В. Минорским — V. Minorsky, Hudud-al-Alam, CMS, New, Series, XI, 1937, причем введение, написанное В. В. Бартольдом, было переведено полностью. Рецензию И. И. Умнякова на издание В. Минорского см. «Вестник древней истории», 1939, № 3, стр. 211—218.

و. و. بارتولد تور كستان نك سووغاريلش ته ريخي ته رجيمة
قلغورچي: يه عقوب عامان. تور كستان دولهت نه شريياتي تا-
شكهنهت ۱۹۲۶ يل.
³⁸⁸

و. و. بارتولد قسقاچا سلام مهده نييه تي تاريخي ئوز بيكچه نشر
قىلگوچى غازى ير نس. تاشكينت — سه مه ر قند ۱۹۲۷ يل: ۷۸
³⁸⁹ بيت.

³⁹⁰ V. (V.) Bartold, Mangullar devride Turkiston Moskov-Samargand, 1931 (перевод не полный), стр. 1—336.

³⁹¹ См. А. Н. Бернштам, Василий Владимирович Бартольд (15 ноября 1869 г. — 19 августа 1930 г.), — Изв. Киргизского филиала АН СССР, вып. 2—3, стр. 131.

³⁹² Архив АН СССР, ф. 68, оп. I, ед. хр. 430, л. 209.

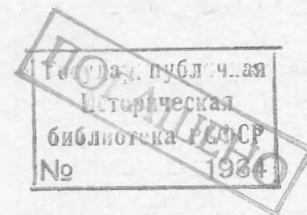
³⁹³ Архив АН СССР, разряд, V, оп. Б, № 60.

³⁹⁴ И. Ю. Крачковский и Г. Г. Гульбин, Био-библиографический словарь русских и советских арабистов. Рукопись. В библиотеке библиотеки им. Салтыкова-Щедрина г. Ленинграда.

³⁹⁵ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, ед. хр. 122, л. 205.

³⁹⁶ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, ед. хр. 122, л. 189.

³⁹⁷ А. Ю. Якубовский, Проблемы социальной истории народов Востока, стр. 78; См. также, Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Под редакцией В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева, М., 1961, стр. 493—494.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
Введение	3
Глава первая. Годы учебы. Начало научной деятельности.	17
Глава вторая. Научная зрелость.	39
Научные командировки. В. В. Бартольд и археология Туркестана	—
Научные труды	47
Общественно-научная работа	57
Глава третья. В. В. Бартольд в период становления советского востоковедения.	63
Примечания	94

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР*

НАРИМАН МАНСУРОВИЧ АКРАМОВ
*Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд.
Научно-биографический очерк*

Редактор Издательства *Л. В. Сергеева.*

Тех. редактор *С. П. Геллер*   Корректор *Л. Д. Полисская*

КЛ 04550. Подписано к печати 28/XII-1963 г. Формат 60×92^{1/16}.

Печ. 7,0 л. + 7 вклеек. Уч.-изд. 9,0 л. Заказ 929. Тираж 1000.

Цена 76 коп., в лидерине 1 р. 06 коп.

Типография Издательства АН Таджикской ССР, г. Душанбе, ул. Айни, 44.